

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ТЕХНОЛОГИЙ

**РОССИЙСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
история, теория, практика**

***МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ***

Барнаул 2016

ББК 66.01

Р 76

Редакционная коллегия

доктор политических наук, профессор Я.Ю. Шашкова (отв. редактор);
кандидат политических наук Т.А. Асеева.

**Р76 РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: история, теория,
практика:** сборник материалов всероссийской научно-
практической конференции. / под ред. Я.Ю. Шашковой,
Т.А. Асеевой. – Барнаул: Изд-во «Си-пресс», 2016. – 259 с.
ISSN 2309-5482

Сборник содержит статьи по итогам политологической конференции, прошедшей в Барнауле 30 сентября–1 октября 2015 года. Участники конференции обсудили состояние политической системы России и регионов, тенденции электоральных процессов и политического развития последних лет, проблемы повышения эффективности политического управления, а также социокультурных оснований современной российской политики.

Издание предназначено для политологов, социологов, историков, работников государственных и муниципальных органов власти и управления, руководителей и членов партийных организаций и всех, кто интересуется современным политическим процессом.

ISSN 2309-5482

© Коллектив авторов, 2016

М.Р. Арпентьева
Калужский государственный университет, Калуга
**СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ И КРАУДТЕХНОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ**

Активно продолжающиеся реформы России как страны, стремящейся стать социальным государством, все больше меняют характер профессионального и непрофессионального труда, включая организационную и нормативно-ценностную составляющую деятельности бизнеса (предпринимателей), а также общий характер отношений общества и бизнеса, бизнеса и государства, государства и гражданского общества. На современном этапе развития социальной политики, когда правительство сделало приоритетом разработку профессиональных стандартов в социально-политической и социально-экономической сферах, активизируются дискуссии по проблемам участия бизнеса, предпринимателей в формировании и реализации социальной политики в глобальном и локальном, конкретно-территориальном, измерениях. В сфере социальной политики государства и бизнеса происходят изменения, связанные с переоценкой роли значимости человеческого и, в том числе, социального капитала, особенно в развитии периферийных территорий, роли социального партнерства государства и общества, «центра» и периферии, предпринимателей и потребителей, профессионалов и непрофессионалов, социального служения и добровольчества. Одна из групп проблем – связана с «играми» современного профессионального «рынка» и делиберализацией отношения к предпринимательству, нарушающему нравственные нормы и права людей, вопросами прекаризации профессионального труда в социальной и иных сферах, вопросы, связанных с проблемами огромного социального неравенства в центральных и периферийных территориальных объединениях, соотношения меритократии и криптократии, формирования и развития профессиональной и человеческой культуры и (де)формализации, (де)симуляции политики и практики заботы государства о гражданах и граждан и государстве, роли «социальных» профессий как медиаторов взаимодействия

государства и гражданского общества, медиатизации «социальных» профессий, трансформаций профессиональных культуры в контексте реформ государства, претендующего на звание «социального», возможности и ограничения, перспективы реформ в социальной и смежных сферах, проблемы менеджериализма и «новой автономии», принуждающей выбирать между «свободой» ненужности и свободой самоопределения, проблемами «утечки кадров» в государственном и межгосударственном масштабах.

Современные социально-политические отношения необходимым образом ориентируются на идеологию социального служения и крауд-технологии. Развитие социального партнёрства и социального служения в их различных формах, разработка крауд-технологий накопления и развития социального и человеческого капитала в процессе привлечения граждан к процессам принятия решений в управлении территориями – важная составная часть процесса усиления социальной направленности современного государства, соблюдения принципа социальной справедливости, особенно – на периферии, а также инновационного развития регионов. Социальное служение является специфической сферой общественной деятельности индивидов, групп и организаций, имеющей общие задачи восстановления, оптимизации и развития человека и сообществ. Понятие «социальное служение» в современном мире активно трансформируется под влиянием политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых более или менее осознанно выражаются отношения людей к миру, социальной действительности и друг к другу (Антонова О.И., 2009; Костылева Т.А., 2006; Решетников О.В., 2005, 2006). Основа служения – нравственность (чувство долга, сострадание к ближнему) и стремление к развитию (стремление к постоянному личностному и социальному росту, совершенствованию), поэтому оно, по своей сути, проективно, направлено, как сейчас принято говорить, на то, чтобы средствами социального участия строить и реализовывать гармоничные с точки зрения внутренней структуры, проекты социального развития. Оно, по сути, может быть и должно быть использовано

как один из методов форсайт-технологий (Басов Н.Ф., 2009; Субаева О.Н., 2004). Социальное служение позволяет гармонизировать отношения государства, общества и личности, оно предполагает создание гражданского общества, которое должно представлять интересы всех граждан, закрепляет за социальным служением функцию достижения и развития гармоничных отношений между субъектами и самих субъектов. Успешность этой перспективы во многом зависит от создания необходимых общественно-государственных условий, включая технологические.

Социальное служение, основанное на принципах социального партнерства, предполагает, в первую очередь, именно технологическую разработку участия членов сообщества в его управлении и изменениях. Применение гуманитарных социальных технологий в практике участия граждан позволяет уйти, с одной стороны, от спонтанности (хаотичности) их взаимодействия с органами власти и управления, а, с другой, избежать жестких, административных решений и выводит процесс согласования интересов на новый уровень, который характеризуется рационализацией отношений и конструктивностью взаимодействия. Это говорит о том, что в современном мире люди учатся и умеют сотрудничать, распределять нагрузку и вознаграждение, ценить себя и окружающих, однако не всегда и не во всем. У каждого человека существует задача — выжить, что требует вступать во взаимоотношения друг с другом, сотрудничества и взаимопомощи (Кропоткин П.А., 1922; Мерзляков А.А., 2007).

Таблица 1

Компоненты социального развития

Социальный капитал	Человеческий капитал	Социальное развитие	Особенности управления
Социальные связи	Становление партнером	Развитие общества и ценностно-смыслового аспекта отношений	Управление по целям и ценностям, эвергетика, гласность и социальное служение

Организационные мосты	Становление профессионалом	Развитие организаций и технологического аспекта отношений	Коммуникативные технологии управления, крауд-технологии, сотрудничество и кооперация
Семейные узы	Становление личностью	Развитие человека и содержательного аспекта отношений	Инновации и творчество субъектов, сотрудничество и дарообмен

Социальное служение и социальное партнерство основаны на представлении о гетерогенности сообществ. Как отмечал Р.Л. Акофф классическое представление об однородности, гомогенности общества как функционирующего по определенным правилам, не учитывающие «наложения» и взаимодействия вертикальных и горизонтальных коммуникаций, особенностей их ценностно-целевого и смыслового содержания в организациях разных типов и уровней развития (например, традиционных и инновационных, ориентированных на воспроизводство, репродукцию и на творчество и сотворчество), как относительно простого феномена, используемое в классическом, традиционном менеджменте, представляет людей обезличенными: «человек вообще» (*a man*) делало возможным взгляд на него «со стороны», в том числе - со стороны общества или государства, со стороны менеджера как «хозяина положения», который редуцирует социальные связи, организационные мосты и даже семейные «узы» к предписанным им (субъектом) устойчивым правилам, опирающимся на соответствующие идеологии (например, иерархическим, отчужденным, ролевым отношениям между «начальниками» и «подчинёнными»). С точки зрения гомогенной модели общества человек – «винтик», «раб», функция коллективного производства. Само общество и организация состоят в отношениях «потребления», обратные связи между ними сведены к функционально необходимому минимуму. Иначе – в феноменологических, эвергетических моделях социальной сложности, общества как системы,

основанной на принципах многостороннего и многоуровневого социального партнерства. В этой системе социальные связи, организационные мосты и семейный узы людей – компоненты социального капитала, который может отличаться по своему качеству, но в целом служат развитию людей, организаций, общества (Таблица 1). Общество как сложная, гетерогенная развивающаяся система, каждый человек - с его субъективными представлениями о мире (*the man*) – осмысляет себя в диалоге с другими, само общество - «калейдоскоп ситуаций». Интерсубъективность сознания и жизнедеятельности побуждает людей взаимодействовать и совместно искать выход из сложившейся ситуации, создавая «интеграционную платформу» знаний, умений, идеологий, используемых для принятия управленческих и эвергетических решений. Лоурархия как социальное партнерство, социальное служение, взаимопомощь, дает возможность сохранять гибкость и выживаемость обществу и организации (Акофф Л., 2009; Арпентьева М.Р., 2015, Витих В.А., 2015; Де Токвиль А., 1992, Розинская Н.А., Латов Ю.В., 2007; Тойби А., 2007, Noelle-Neumann E., 1991).

Т.о., организация или группа перестает игнорировать общество, но, напротив включает его в свою жизнедеятельность как партнера: начиная с типичного для классической модели этапа «потребления» до технологий «краудфорсайта», участия разработке и производстве потребляемого обществом организационного «продукта». Т.о., гомогенная модель общества изначально служит превращению людей в «однородную массу», это – псевдоэвергетическая стратегия классического рационализма, часто маскирующаяся «многообразием» постмодерна. Истинно гетерогенное представление об обществе, обращенное на конкретных индивидов и групп, являющихся одновременно и субъектами, и объектами управления, учитывает их ценностно-смысловые ориентиры и в процессах принятия решений об урегулировании и развитии проблемной ситуации (Таблица 2).

В постнеклассической науке и практике формируется модель интерсубъективного управления, управления «человеком культуры» «человека культуры», их сотворчества культуры и, в том числе, идеологии общества. Этим она

отличается от вынужденного работать на общество «экономического человека» в классической рациональной теории управления. Эвергетика как наука об организации процессов управления в развивающемся обществе. Каждый человек и каждая группа этого общества заинтересованы в преумножении культурного наследия, социального и человеческого капитала, включая увеличение доли управленческих решений, направленных на благо с помощью благих действий: опирающихся на идеологию социального служения, взаимопомощи и партнерства, а также долю решений, принятых коллективно, в том числе с помощью крауд-технологий.

К. Поланьи, ставивший целью создание теоретической основы идеального общественного устройства, где человек является главной ценностью», исходил из того, что люди коммуницируют на основе принципов: дарообмена (то есть взаимности, реципрокности), централизованного перераспределения (отчужденной редистрибуции) и рынка (аномичного обмена). Рыночные отношения предполагают более или менее взаимную калькуляцию выгод и издержек, обмен дарами осуществляется свободно, без гарантий и требований возмещения затрат. Однако, рыночная система разрушает в первую очередь именно признаки культуры, ведя к дестабилизации способствуя нестабильности общества и более или менее явно выраженному централизованному перераспределению бюрократией и криптократией. Лоулархия требует применения специальных гуманитарных социальных технологий, направленных на активизацию и привлечение граждан к участию деятельности производственных организаций, предпринимательства, позволяет уйти, с одной стороны, от спонтанности (хаотичности) их взаимодействия с органами управления, бизнес-структурами и общественными организациями, а, с другой, избежать жестких, некорректных и малопродуктивных решений и выводят процесс согласования интересов на новый уровень, который характеризуется рационализацией отношений и конструктивностью взаимодействия (Акофф Л., 2009; Арпентьева М.Р., 2015,

Виттих В.А., 2015; Де Токвиль А., 1992, Розинская Н.А., Латов Ю.В., 2007; Тойби А., 2007, Noelle-Neumann E., 1991).

Таблица 2

Модели общества и эвергетические стратегии

Модели	Классическая, рационалистическая модель (развития) общества	Неклассическая модель (развития) общества	Постнеклассическая модель (развития) общества
Общество	Рациональность, гомогенность, универсальность, однотипность, простота, отношения хозяев и рабов, «человеческий материал», «рабочая сила»	Иррациональность, внешняя гетерогенность, хаотичность, разнотипность, сложность, отчужденность, человеческие «ресурсы», «человеческий фактор»	Гармоничность, гетерогенность, мультистратегичность, сложность, социальное партнерство, социальный и человеческий капитал
Тип управления	Антиуправление, псевдоценности псевдотехнологии управления, достижение собственных целей за счет организации (общества)	Рамочное или делегирующее управление «по ситуации», псевдоуправление, отказ от управления, технологии, замещающие управление	Партисипативное, «управление по целям» ценностно-целевое, сотрудничество и взаимопомощь в развитии как ведущая технология управления
Стратегии управления	Социальный каннибализм и взаимное потребление, репрессии и принудительная редистрибуция	Социальная аномия и отчуждение, имитации отношений и дикий рынок	Социальное служение и взаимопомощь, дарообмен и милосердие

Тип коммуникации	Фатическая коммуникация, игнорирование мира как «среды» существования субъекта управления (потребления), вертикальные обезличенные коммуникации	Монолог субъекта управления, вертикальные коммуникации субъектны, горизонтальные коммуникации обезличены и пресекаются	Полилог, многоуровневая и многоаспектная коммуникация субъектов с собой и миром, вертикальные и горизонтальные коммуникации субъектны
------------------	---	--	---

Говоря о «веке толп», современные исследователи, сначала критикуя их потенциал, позднее стали писать о самоорганизации толпы, ее возможностях и возможностях свободного труда. Так, Г. Рейнгольд вводит понятие «умная толпа», связывая с нею феномен «социальной революции» (Рейнгольд Г., 2006). Все более активно пропагандируется крауд-форсайт как технология предвидения и сценарного планирования развития сообществ, использующая знания множества людей (вплоть до всех активных жителей региона, страны). Собрать их в одном месте невозможно; тем более – выслушать, только использование электронных устройств позволяет создать «мегамашины интеллекта», провести развернутые «фокус-группы» на конкретные темы. Однако одна из проблем – незаинтересованность части управляющей элиты во вмешательстве в их решения и «дела». Эту проблему решить сложнее, поскольку она опирается на популярную мальтузианскую модель сообщества и идеологию потребления, в которой участие общества в делах государства – помеха спокойному потреблению и благополучию власть имущих. Другой проблемой является всепрогрессирующее лишение личной жизни человека приватности: организация паноптикума гласности, в котором сама «прозрачность» и доступность участников станет проблемой нарушения их границ. Кроме того, люди не станут служить обществу и быть добродетельными благодаря тому, что станут доступными общественному мнению. Общественное мнение не может приравняться к самопроизвольному пересмотру компрадорствующей и

принудительно-редистрибутивной идеологии и практики и исправлению государственных, бизнес и общественных структур, человека. Полагая, что общественное мнение (мнение толпы) имманентно правильно и справедливо и является своеобразным видом демократического управления, игнорирует социально-экономические и культурно-политические аспекты его формирования и развития. Вопреки идеологам гласности прошлых и нынешних веков «исправительный дискурс» не разворачивается без преград и изменений: люди сопротивляются и «переделке» и идее их возвращения в «оборот производства». «Дружественность» прозрачности далеко не прозрачна: отношение дружбы не есть прямой результат «гласности», тем более, что и гласность не является автоматически взаимной. Идея о том, что власть и безымянна, и всегда оказывается выигрыше, непродуктивна: есть атаки и контратаки современные исследователи превозносят идеи самоорганизации толпы, ее возможности и возможности свободного труда. По их мнению профессионалы как члены «умной толпы», могут участвовать в решении проблем самого разного уровня и типа, самоорганизовываясь и «самораспускаясь» в зависимости от необходимости и степени включенности и компетентности в обсуждаемом вопросе («краудсорсинг»). (Фуко М., 2002; Fuko M., 1977; Semple J., 1993; Starobinsky J., 2006).

Кроме того, как показывает краудсорсинг, инновация с помощью самого потребителя, пользователя, при которой компании-производители, организации полагаются на пользователей не только в вопросе формулировки потребностей, но и в определении изделий и усовершенствований, которые бы удовлетворили эти потребности – часто приводит к дерегуляции трудовых отношений и ущемлению правовых и социальных гарантий. Этот феномен стал популярным настолько, что исследователи пишут о смене пролетариата прекариатом (Стэндинг Г., 2014). Прекаризация, давая свободу, отнимает надежду на целый ряд гарантий, снижая социальную защищенность. Однако осознание себя реальным участником социального процесса, обладающим человеческим и, в том числе социальным, капиталом, - может эти «издержки»

перекрыть. Вопрос в том – есть ли у граждан такая возможность – реального участия. При ее отсутствии и запрете социально-политического творчества, нередко фиксируемого в работах, восхваляющих социальное служение и партнерство, прекариат – всего лишь форма ужесточения властных отношений.

Форсайт как инструмент мобилизации большого количества экспертов для получения качественно более высокого уровня прогнозирования в сфере науки и технологий, экономики, государства и общества, может быть важным средством (ре)формирования социальной реальности, в том числе открытости сообществ и увеличения социального капитала, его объема и ценности (Новек Б., 2012; Хау Дж., 2012). Страны, претендующие на успешность и гармоничное развитие в современном мире, начали работать на создание своего социального будущего, активно включают в этот процесс общество и пытаются трансформировать устаревшие институты. Речь идет во многом и о том, чтобы учить общество помощи и взаимопомощи, так, чтобы люди могли видеть и непосредственные, и отдаленные следствия своих усилий, также их реальную значимость и воплощение в конкретные результаты деятельности организаций, сообществ, государства, страны, мира. Помогая другим, заботясь о других, люди и мир становятся на путь развития: не только технологического. Важны также постоянные усилия, направленные на поддержание, на технологическом и законодательном уровнях, нравственных опор служения, участия граждан в жизни сообщества. Профессионализм и социальное служение в развитии современного общества – две стороны целого: поддерживая и развивая профессионализм, руководствуясь идеями социального партнерства, общество и государство, предприниматели и потребители могут выступать как партнеры на пути решения актуальных проблем и создания форсайт-технологий для страны, в которой все ее части – центральные и периферийные – будут работать в гармонии, помогая друг другу развиваться.

Современные сообщества, остро ощущая, что государственные и общественные структуры разделены и не сотрудничают, обращают взгляд на крауд-технологии –

технологии участия «толп» как «социальных партнеров» в принятии актуальных и перспективных решений. Реже, но все же отмечается значимость привлечения граждан и иных структур и сообществ, в том числе путем создания государственных структур и законодательства, к деятельности социального служения. Применение гуманитарных социальных технологий в практике участия граждан позволяет уйти, с одной стороны, от спонтанности (хаотичности) их взаимодействия с органами власти и управления, а, с другой, избежать жестких, административных решений. Оно выводит процесс согласования интересов на новый уровень, который характеризуется большей рационализацией отношений и конструктивностью взаимодействия, однако, полон опасностей излишнего доверия общественному мнению: последнее имеет ценность постольку, поскольку общество ориентировано на взаимопомощь и партнерство, служение и нравственное развитие, а государство поддерживает накопление и развитие социального и человеческого капитала.

Библиографический список

1. Акофф Л.Р. За пределами социализма и капитализма // Проблемы управления в социальных системах. – М., 2009. - Т.1, вып. 1. - С. 112 – 140.
2. Антонова О.И. Социальное служение религиозных общностей в современной России. Автореф. дисс. ...канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
3. Арпентьева М.Р. Идеологии постмодерна: утопии и антиутопии // Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015. - Сборник научни статии в 8 т. - Том. 6. Хуманитарни науки / Под ред. Д.К. Абакарова, В.В. Долгова. - България, Варна, 2015. – С. 62-70.
4. Виттих В.А. Проблемы эвергетики // Проблемы управления. - 2014.- №4.- С. 69-71.
5. Де Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992. – 554 с.
6. Костылева Т.А. Социальное служение религиозных организаций: дисс. канд. филос. наук, Омск, 2006. – 220 с.

7. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – М., 1922. – 342 с.
8. Мерзляков А.А. Роль и функции контактных социологических групп в ходе реализации технологий гражданского социального участия // Межотраслевое взаимодействие в социальном управлении. Материалы VI Дридзеvских чтений. Москва, 27 октября 2006 г. / Отв. ред. Е.М. Акимкин, А.В. Тихонов. – М., 2007. – С. 99-108.
9. Новек Б. Wiki-правительство. – М., 2012. – 292 с.
10. Рейнгольд Г. Умная толпа. – М., 2006. – 416 с.
11. Решетников О.В. Организация добровольческой деятельности. М., 2005. – 112 с.
12. Решетников О.В. Социальное служение в России и за рубежом // Отечественный журнал социальной работы. – 2006. – №2. – С. 39-43.
13. Розинская Н.А., Латов Ю.В. Введение // «Великая трансформация» К. Полаvни / Под ред. Р.М. Нуреева. – М., 2007. – С. 11 – 21.
14. Социальная работа с молодежью: Уч. пособие/ Под ред. Н.Ф. Басова. М., 2009. –328 с.
15. Стэндинг Г. Прекариат. – М., 2014. – 328 с.
16. Субаева О.Н. Социальное служение как исторический феномен. Дисс. ... докт. истор. наук. – М., 2004 – 426 с.
17. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 2007. - 592 с.
18. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002. - 384 с.
19. Хау Дж. Краудсорсинг. – М., 2012. – 288 с.
20. Fuko M. L'oeil du pouvoir // Bentham J. Le Panoptique. Paris, 1977. P. 9-31.
21. Noelle-Neumann E. The theory of public opinion // Communication Yearbook / J. A. Anderson (Ed.) - Newbury Park, 1991. – V. 14. – P. 256-287.
22. Semple J. Bentham's Prison. Oxford, 1993. – 334 p.
23. Starobinsky J. Jean-Jacques Rousseau. – P., 2006. - 457 p.

С.Ю. Асеев, В.А. Воронцов
Алтайский государственный университет, Барнаул
**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ В
КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ**

В современных условиях борьба с преступностью в сфере компьютерных технологий намного сложнее, чем борьба с традиционными видами преступлений. Как показывает практика, расследование компьютерных преступлений требует специальных знаний и практических навыков при проведении первоначальных следственных действий по таким делам. Киберпреступность – не только побочный продукт эпохи Интернета, но и часть общего террористического и политического ландшафтов. В мире всегда действовал и действует один принцип: «если что-то можно использовать, то кто-то обязательно найдет возможность использовать это во зло». Компьютерные технологии и Интернет – не исключение. Борьба с киберпреступностью – вопрос не столько «победы в войне», сколько ограничения риска, связанного с работой в киберпространстве.

Для всей политической системы России жизненно важной задачей стала необходимость построения целостной системы борьбы с кибертерроризмом. Это требует не только принятия законодательных актов, регулирующих уголовно-процессуальные действия, но и специально подготовленных кадров (оперативного и следственного аппарата, специализирующегося на выявлении и раскрытии преступлений в киберсфере), а также необходимых технических средств.

На сегодняшний день в мире не существует ни одной комплексной и единой системы противодействия кибертерроризму, однако выделяются 4 основные модели: американская, британская, континентально-европейская и российская.

Особый интерес представляет российская модель противодействия кибертерроризму, поскольку она носит комплексный характер.

Россия является не только инициатором международных конференций по проблемам кибертерроризма, но и тщательно прорабатывает и формирует законодательство. Так, в декабре 1998 г. по инициативе России, Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, касающуюся киберпреступности, кибертерроризма и кибервойны, которая призвала государства информировать Генерального секретаря ООН о своих взглядах и оценках относительно проблем информационной безопасности; определения основных понятий, связанных с информационной безопасностью и развития международных принципов, улучшающих глобальное информационное пространство и телекоммуникации и помогающих сражаться с информационным терроризмом и преступностью.

Кроме того, Россия разработала концепцию Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, которая предполагает полное сохранение государственных суверенитетов и границ национального регулирования в виртуальном пространстве. Российской стороной предполагается, что этот документ может стать основой для выработки универсальной конвенции под эгидой ООН. Для эффективной борьбы с кибертерроризмом необходимо дальнейшее сотрудничество, в частности, распространение международного законодательства за пределы развитых стран, а также создание «кибер-Интерпола», который был бы способен преследовать киберпреступников, невзирая на геополитические границы. Предлагаемое конструктивное межгосударственное взаимодействие могло бы значительно облегчить борьбу с киберпреступностью.

Но в виду разрастания средств и форм киберугроз в законодательстве самой России существуют большие пробелы в этой области. Так, следует заметить, что в уголовном праве РФ слабо проработаны статьи, которые бы принудили хакеров понести наказание за содеянное. В ст. 273 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» говорится, что за использование программ, которые блокируют или преграждают работе средств компьютерной информации, грозит до 7 лет лишения свободы (Уголовный Кодекс РФ).

В марте 2014 г., после масштабной серии кибератак на сайты министерств, сайт Президента, а так же на сайты средств массовой информации России, комитет по информационной политике, технологиям и связи решил поднять вопрос об усилении уголовной ответственности за совершение кибератак на правительственные и другие государственные web-сайты. Поскольку преступные действия были направлены против всей системы государственного управления, парламентарии предложили установить тюремный срок для взломщиков от 10 до 15 лет заключения. Российские политики осознали всю потенциальную угрозу от спланированных кибератак, и наряду с ужесточением уголовного законодательства было предложено дополнить его отдельной статьей за «атаки» на государственные сайты со сроком лишения свободы на 10–15 лет.

Но российская система противодействия отличается от других и прежде всего тем, что основной упор делается на одну из самых тщательно проработанных моделей оперативного противодействия.

В России противодействие терроризму разделено между многими структурами без дублирования. Так, например, Федеральная служба охраны и Минкомсвязи занимаются разработкой проекта, который даст возможность обезопасить государственный сегмент интернета. Но самую большую роль тут играет Федеральная Служба Безопасности. В ноябре 2013 г. депутаты Государственной Думы приняли в первом чтении проект поправок, расширяющих полномочия ФСБ для борьбы с угрозами информационной безопасности. «За» проголосовало 446 депутатов (Дума приняла законопроект...). При этом некоторые правозащитники выступают против передачи полномочий ФСБ для борьбы с киберугрозами, подчеркивая, что это может противоречить российской Конституции, привести к использованию служебным положением специалистами ведомства.

Несмотря на то, что большую часть работы выполняет ФСБ, другие органы государственной власти тоже являются участниками противодействия кибертеррористической угрозе. Так, в мае 2014 г. в прессе появилась информация, что в российской армии появятся войска информационных операций.

Об этом 13 мая сообщили в ИТАР-ТАСС со ссылкой на источник в Минобороны РФ (Источник в Минобороны: в Вооруженных силах РФ...).

Предложение о создании такой структуры прорабатывалось не один год. Новый вид войск предназначается для кибернетического и информационного противоборства с вероятным противником. По данным представителя Минобороны (Источник в Минобороны: в Вооруженных силах РФ), их главным предназначением является защита российских военных систем управления и связи от кибертерроризма и надежное закрытие проходящей в них информации от вероятного противника. В состав войск информационных операций войдут части и подразделения в военных округах и на флотах, укомплектованные высококвалифицированными специалистами: математиками, программистами, инженерами, криптографами, связистами, офицерами радиоэлектронной борьбы, переводчиками.

Процесс принятия решения о создании войск информационных операций ускорили разоблачения Эдварда Сноудена, из которых следует, что США предпочитают бороться с кибертеррористами их же методами. Агентство национальной безопасности США (АНБ США) считается крупнейшим государственным агентством по сбору разведывательной информации в мире. Согласно рассекреченным данным, в АНБ существует несколько совершенно секретных программ слежения, которые, игнорируя законы, постоянно собирают информацию о простых гражданах в киберпространстве, а именно в Интернет сфере, через их электронную почту, Skype, переписку в социальных сетях и т.д. Э. Сноуден передал газетам «The Guardian» и «The Washington Post» секретную информацию АНБ, касающуюся тотальной слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств по всему миру при помощи существующих информационных сетей и сетей связи, включая сведения о проекте PRISM, который является комплексом мероприятий, осуществляемых с целью массового негласного сбора информации, передаваемой по сетям электросвязи. По оценкам «Washington Post» от 2010 г.,

ежедневно системы сбора информации АНБ (в том числе PRISM) перехватывали и записывали около 1,7 млрд. телефонных разговоров и электронных сообщений и около 5 млрд. записей о местонахождении и передвижениях владельцев мобильных телефонов по всему миру (Под колпаком у PRISM...). Особо отмечается, что наибольший интерес представляют люди, живущие вне США. PRISM дает возможность получать самую разнообразную информацию: просматривать электронную почту, прослушивать голосовые и видеочаты, просматривать фотографии, видео, отслеживать пересылаемые файлы, узнавать другие подробности из социальных сетей. По заявлениям спецслужб, на активное сотрудничество вынуждены были пойти многие крупные компании, предоставив доступ к серверам: Microsoft (Hotmail), Google (Google Mail), Yahoo!, Facebook, YouTube, Skype, Apple и Paltalk (Microsoft на службе у разведки..).

При акцентировании внимания вокруг PRISM общественность почти не заметила другие системы АНБ со своей направленностью и спецификой, раскрытые Э. Сноуденом: CO-TRAVELER, Boundless Informant, Dropmire, X-Keyscore, Tempora. Так, CO-TRAVELER является программой электронной слежки, инструментом для отслеживания передвижения владельцев сотовых телефонов и выявления их скрытых контактов. Программа позволяет по собранным данным производить поиск сигнала любого мобильного телефона в любой части планеты, определять траектории движения и выстраивать карты взаимодействия между людьми. Общий объем массива данных с координатами составляет свыше 27 терабайт. В рамках программы ежедневно АНБ собирает около 5 млрд. записей о местонахождении и передвижениях владельцев мобильных телефонов по всему миру (Разоблачения Эдварда Сноудена...). В свою очередь X-Keyscore – секретная программа компьютерного слежения, осуществляется совместно с Управлением радиотехнической обороны Австралии и Службой безопасности правительственных коммуникаций Новой Зеландии. Предназначена для слежения за иностранными гражданами во всем мире, деятельность осуществляет с помощью более чем 700 серверов,

расположенных в США и на территории стран-союзников США, а также в посольствах и консульствах США в нескольких десятках стран. По заявлению Э. Сноудена, один из серверов системы X-Keyscore может находиться в американском посольстве в Москве, также серверы могут располагаться в Киеве и Пекине (Разоблачения Эдварда Сноудена).

В данных условиях, если рассматривать изменения технологической составляющей российской модели противодействия современным киберугрозам, то следует заметить, что Россия строит независимые и автономные электронные и спутниковые системы для защиты информации и киберпространства как от программ слежки других стран, так и от кибертеррористов. Как пример, можно привести то, что Россия постепенно избавляется от зарубежных спутников GPS и переходит на отечественную систему ГЛОНАСС.

Таким образом, формируемая российская модель по предупреждению и противодействию киберугрозам, даже с учетом отмеченных проблем, претендует на комплексное и эффективное решение своих основных задач. Это важно как для всей государственной системы управления, так и для простых пользователей, которые зачастую несведущи в технике и плохо понимают, какие потенциальные проблемы таят в себе онлайн-покупки, интернет-банкинг и социальные сети.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс РФ //Собрание законодательства РФ. 1996. №25.
2. Дума приняла законопроект о расширении полномочий ФСБ в первом чтении – [Электронный ресурс]. – URL: <http://rg.ru/>
3. Источник в Минобороны: в Вооруженных силах РФ созданы войска информационных операций – [Электронный ресурс]. – URL: <http://itar-tass.com/>.
4. Источник в Минобороны: в Вооруженных силах РФ созданы войска информационных операций – [Электронный ресурс]. – URL: <http://itar-tass.com/>

5. Аналбаева А. Под колпаком у PRISM // Взгляд: деловая газета. – 2013. – 7 июня.
6. Мереминская Е. Microsoft на службе у разведки // Газета. – 2013. – 12 июля.
7. Разоблачения Эдварда Сноудена – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/>

Т.А. Асеева

Алтайский государственный университет, Барнаул

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ: ОТ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ

Проблема формирования гражданского самосознания, выбора его методов и форм для российского общества не нова и вместе с тем до сих пор не решена. Гражданское самосознание представляется структурным компонентом личности, включающим осознание себя как гражданина, систему знаний о гражданственности, гражданских, политических и социальных нормах и правилах, которые объективируются в поступки и поведение.

Следует отметить, что на рубеже 1990–2000-х гг. шла достаточно активная дискуссия по вопросам формирования гражданских качеств юного поколения. В качестве основополагающих качеств гражданина выделяли: обладание определенными знаниями (правовыми, политологическими, экономическими и т.п.); мнениями (критически мыслить, анализировать, сотрудничать), ценностями (уважать права человека, толерантность, достоинство, гражданское самосознание и др.), а также желанием участвовать в общественно-политической жизни. На всей территории страны достаточно успешно реализовывались проекты, решающие задачи гражданского образования.

В период активного развития гражданского образования в России сложилось ряд подходов к содержанию гражданского образования. Сразу необходимо уточнить, что данные подходы

рассматриваются в контексте школьного образования, но вполне применимы и к системе высшего образования.

Гражданское образование в широком смысле – это совокупность содержания всех дисциплин, которые формируют человека-гражданина. В соответствии с данной моделью основу гражданского образования составляют общественные проблемы. Именно они являются предметом учебных дисциплин. Представителями данного подхода являлись творческий коллектив педагогов «Гражданский форум» (Брянск), Центр гражданского образования г. Самары (проект «Гражданин»).

Гражданское образование в узком смысле отождествляется с политико-правовым курсом с уклоном на право. С точки зрения данного подхода гражданское образование – это союз трех дисциплин: права, этики и политологии. Сторонниками данного подхода являются: проектные группы Фонда правовых реформ г. Москвы.

Гражданское образование как смешанное образование. С точки зрения данного подхода гражданское образование – это интеграция общественных дисциплин. Данный подход еще разделен на три концептуальные модели гражданского образования:

Интегративная – гражданское образования является одним из специфических направлений обществоведческого образования. Гражданское образование понимается как интегративный курс «Человек и общество» (в рамках вуза может быть «политология»). Данную концепцию поддерживают А.И. Кравченко, Л. Боголюбов, Нижегородский гуманитарный центр.

Политологический подход (О. Кишенкова, Н. Воскресенская и др.) – ключевым понятием при определении сути гражданского образования является «гражданское общество». Сторонники данного подхода считают, что цель гражданского образования состоит в подготовке учащихся к осмысленной жизни в правовом государстве и гражданском обществе.

Системный подход – его сторонники считают, что гражданское образование это личностно-ориентированное образование, которое направлено на развитие социальных свойств учащегося. Гражданское образование, исходя из

данного подхода, предполагает изменение уклада школьной жизни, создание правового пространства школы (школа «Универс» Красноярска).

К вышеперечисленным подходам добавился еще один: институционально-ценностный. Гражданское образование здесь рассматривалось как система воспитания и образования, включающая официальное и неформальное образование. В данном направлении выделяют опыт Красноярска, где реализовывался целый ряд программ гражданского образования: «Школа в демократическом обществе», «Создание непрерывного образования для работников местного самоуправления», «Формирование гражданской политики в третьем секторе».

Гражданское образование может реализовываться в различных формах:

1. Предметная – ее составляют специальные учебные курсы «Граждановедения» или «Обществознания». Основу этих курсов составляют политико-правовые, нравственные знания, то есть знания об обществе и человеке, которые помогают учащимся подготовиться к жизни в современном обществе;

2. Межпредметная – содержание гражданского образования включается в ряд предметов общего образования (история, литература, основы безопасности жизнедеятельности и т.д.);

3. Воспитательная – различные формы внеурочной работы;

4. Институциональная – организация школьного (студенческого) сообщества, в котором реализуется гражданское образование (участие школьников в работе органов школьного (университетского) самоуправления).

Педагогические коллективы обладают правом самостоятельно выбирать формы реализации гражданского образования в соответствии со своими возможностями и особенностями детского коллектива. Бесспорно, что оптимальным является комплексное использование всех форм гражданского образования.

На государственном уровне в данный отрезок времени так же можно зафиксировать активность в сфере гражданского

образования. Основопологающим нормативным документом, регламентирующим гражданское образование в РФ, является письмо Министерства образования РФ от 15 января 2003 г. №13-51-08/13 «О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации». Система гражданского образования ориентировалась на развитие демократических начал в образовательных учреждениях и организацию социальной практики обучающихся.

В рамках проектной деятельности необходимо отметить Федеральную целевую программу «Молодежь России (2001-2005 годы)», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2000 г. № 1015. Цели программы – создание и развитие правовых, экономических и организационных условий для воспитания у молодежи гражданского сознания в условиях демократического общества, рыночной экономики и правового государства, личной самореализации молодых людей как активных участников преобразований современного российского общества.

Вместе с тем, государство демонстрирует явный интерес к существующей проблеме гражданского образования. Важным документом, регулирующим вопросы гражданского образования россиян, являлась государственная (президентская) программа «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005–2008 годы». В данной программе четко обозначены существующие проблемы в стране, касающиеся гражданского образования. В частности, констатируется недостаточный уровень развития демократической культуры и правосознания у граждан, пренебрежение к правам и свободам человека, неуважительное отношение к закону, социальным и государственным институтам. Основными факторами, сдерживающими национальное развитие, выступают недостаточная разработанность государственной политики в области формирования демократической культуры в РФ; недостаточный уровень развития институтов гражданского общества и правового государства; политическая пассивность и правовая некомпетентность населения. В связи с чем «выработка и реализация единой государственной политики в

области гражданского образования в Российской Федерации, содействующей формированию демократической гражданственности в современном российском обществе и закрепляющей в содержании образования такие ценности, как права и свободы человека, мир, демократическое участие в жизни общества, уважение к истории Российской Федерации и ее народов, ответственность, толерантность, отказ от насилия и межкультурный диалог, является актуальной задачей».

Что касается современного состояния гражданского образования и проектов, осуществлявшихся в этой связи, то можно констатировать прекращение деятельности в данном направлении. В настоящее время государство все более отдаляется от практики реализации гражданского образования и переориентируется на патриотическое воспитание, о чем свидетельствуют государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 гг.». Общий объем финансирования данной программы составляет 777,2 млн. рублей. Следует отметить, что данная программа является продолжением государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.» и по заявлению исполнителя имеет значительные положительные результаты. Но, следует отметить, что патриотическое воспитание является лишь частью гражданского образования и не может реализовать все задачи по формированию гражданского самосознания школьников.

Кроме того, в сложившихся внешнеполитических и внутрисполитических условиях государство стало уделять большое внимание формированию именно чувств патриотизма и толерантности у школьников, профилактике экстремизма и сепаратизма. Гражданское образование заменяются гражданским воспитанием, что не является его эквивалентом.

Библиографический список

1. Федеральная Целевая программа «Молодежь России 2000-2005 годы» – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edgov.ru/msdos/scieonce/ntp/fp/mrhtml>
2. Государственная (Президентская) программа «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005-2008 годы» – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civilg8.ru/documents/mms:tv.sinhrotel.ru/4530.php>
3. Государственная программа Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 гг. – [Электронный ресурс]. URL: http://archives.ru/programs/-patriot_2015.shtml

А.В. Баранов

Кубанский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)¹

Важный аспект региональных политических процессов в России – это трансформация институциональной системы общества, изменение норм и практик согласования групповых интересов в пространстве принятия властных решений. С учетом низкой конкурентности федеральных и региональных выборов именно локальный уровень российской политики становится важным для вызревания новых когорт элиты, новых практик самоуправления.

Цель статьи – раскрыть политическую трансформацию института местного самоуправления (начало XXI в.). Краснодарский край характерен в качестве кейса агропромышленных регионов России.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) научного проекта №13-03-00392 «Влияние муниципальной реформы на современный процесс политических трансформаций в России».

В крае уже во второй половине 1990-х гг. сформировался моноцентричный политический режим с сильными формальными и неформальными полномочиями губернатора. Но тенденции развития локальных режимов в городах и сельских районах оставались плюралистичными до 2004 г. Этот парадокс объяснялся децентрализованной системой федерализма 1990-х гг., заигрыванием центральной власти с либерально настроенными мэрами крупных городов (Краснодара, Сочи, Новороссийска). Они рассматривались федеральной властью как противовес «красному» губернатору Н.И. Кондратенко и партнер в разделе прибыли от энергетического экспорта через порты побережья (Магомедов А.К., Кириченко М.М., 2004, с. 280-284). В 2004 г. конфликт продолжился во взаимоотношениях главы администрации края А.Н. Ткачёва и главы администрации г. Краснодара Н.В. Приза, но с зеркальностью. Губернатор позиционировал себя как центрист, а мэр обвинен в коммунистических ориентациях и расхищении инвестиций (Рогозян О.В., 2006, с. 16-22).

После установления контроля краевых органов власти над выборами мэра г. Краснодара (лето 2004 г.) институциональные конфликты не проявлялись и переведены в функциональное русло. Главы районных и городских администраций рекомендуются к занятию должности краевой администрацией, что не исключает частых отставок мэров по обвинению в неэффективности и утрате доверия губернатора (Мэр Анапы..., 2009). Прямые выборы мэров крупных городов проводятся, но уровень конкуренции на них низок. Даже приток инвестиций в олимпийский Сочи не стал поводом для протеста муниципальных элит против регионального контроля (Лапшин В.Н., 2011).

В отличие от соседних регионов, не проявляется в муниципалитетах Краснодарского края и электоральная конкуренция. Нет ни одного районного центра, где бы на выборах с 2004 г. побеждал либо имел серьезные шансы на успех оппозиционный кандидат (Чешенова Т.В., 2012, с. 17-25). Осенью 2014 г. принят закон края, обязывающий перейти от прямых выборов мэров к косвенным выборам сити-менеджеров. Факты заставляют предполагать внутриэлитный,

корпоративный тип регулирования межполитических отношений «регион – местности».

Экспертный опрос, проведенный Южно-Российским институтом управления – филиалом РАНХиГС (2014 г., выборка 697 чел., в том числе в Краснодарском крае) подтверждает зависимость местного самоуправления от государственной власти. На вопрос, насколько эффективно местное самоуправление может влиять на стабилизацию политической ситуации, положительно ответили 29,3% (3-е место из 21 в рейтинге) (Понеделков А.В., Старостин А.М., 2014, с. 7). Лишь 28,5% считает стиль взаимоотношений политико-административной элиты с предпринимателями партнерским (Там же, с. 19-20). Образ идеального местного лидера связан чаще всего с демократическим типом (39,0%), либеральным (29,6%) и авторитарным (21,5%). Но только 28,55% опрошенных считает стиль взаимоотношений политико-административной элиты с бизнес-элитой региона партнерским (Понеделков А.В., Старостин А.М., 2014, с. 19-20). Таким образом, налицо разрыв ожиданий и реального положения дел.

Выборы представительных органов местного самоуправления состоятся 13 сентября 2015 г. в г. Краснодаре, а также в 5 городах (включая такие крупные, как Сочи, Новороссийск и Армавир) и в 32 из 46 сельских районов края. До выборов 13 сентября 2015 г. в городской Думе г. Краснодара было 48 депутатов, из них 40 – от партии «Единая Россия». Такой же партийный состав характерен для других муниципальных органов. «Единороссы» намерены на 30% поменять состав своих фракций в муниципальных представительных органах. Некоторые журналисты прогнозируют обновление депутатского корпуса на 50% (На Кубани...).

Кроме Устава Краснодарского края, закрепившего принципы организации и деятельности местного самоуправления в крае, важную роль в регулировании электоральных процессов имеет Закон Краснодарского края от 7 июня 2004 г. № 717-КЗ «О местном самоуправлении в Краснодарском крае». На его основе принят ряд нормативно-правовых актов, установивших численность представительных

органов, даты выборов глав и депутатов представительных органов муниципальных образований. Таков Закон Краснодарского края от 26 декабря 2005 г. № 966-КЗ «О муниципальных выборах», в который внесены принципиальные изменения и дополнения накануне избирательной кампании 2015 г. (Закон...). Впервые в г. Краснодаре выборы будут проведены с использованием смешанной системы. Предыдущие выборы проходили только по мажоритарной системе. Впервые 75% депутатов городской Думы Краснодара – 36 чел. будут выбраны от одномандатных округов, а 25% - 12 чел. определятся по итогам голосования за партийные списки. В едином пропорциональном округе муниципальные списки кандидатов могут выдвигать только политические партии.

Весной–летом 2015 г. впервые проведены внутрипартийные выборы («праймериз») в региональном отделении партии «Единая Россия», которые позволили определить кандидатов в местные депутаты с учетом общественных запросов. В праймериз приняли участие свыше 60 тыс. жителей г. Краснодара из 550 тыс. имеющих право голоса, что следует признать успехом (Более 60 тыс. ...). Делегаты конференции Краснодарского местного отделения правящей партии определили 23 июля с.г. кандидатов в городские депутаты от партии «Единая Россия» по партийным спискам и одномандатным округам. В итоге партия выдвинула 81 кандидата, в том числе 45 по спискам и 35 по одномандатным округам. Конкурс в партийном списке превысил 2,1 чел. на место (Краснодарские единороссы...). Состав кандидатов в депутаты от правящей партии подтверждает следующие тенденции: преобладает мужской пол; сельское происхождение, аграрный либо технический профиль образования, полученного в своем регионе; руководящие должности в бизнес-структурах; принадлежность к «команде» и.о. губернатора; гильдейский тип рекрутации. Достаточно большой удельный вес в списке имеют представители бизнеса: советник председателя правления банка «Кубань-Кредит» С. Герашенко, гендиректор ООО «Южная микрофинансовая компания» Е. Сметанина, исполнительный директор Агропромышленного союза Кубани С. Косогор и др. (Решение избирательной комиссии...). Всего выдвинули свои

списки кандидатов по одномандатным округам 12 из 67 зарегистрированных в крае политических партий, а 7 партий также выдвинули списки по муниципальному избирательному округу (Информация об избирательной кампании...). Среди них – всероссийские парламентские партии, а также партии «Патриоты России», «Коммунисты России», «Яблоко». Судя по ходу предвыборных дискуссий и содержанию партийных программ, партия «Единая Россия» имеет все шансы сохранить свое доминирующее влияние. Основным конкурентом в стане оппозиции является КПРФ, но могут также получить ограниченное представительство ЛДПР и «Справедливая Россия».

В голосовании по единому округу победу одержала «Единая Россия», получившая 8 из 12 депутатских мандатов. Еще 2 места досталось КПРФ, по одному – ЛДПР и «Справедливой России». В голосовании по мажоритарным округам «Единая Россия» получила 35 мест из 36. Еще в 1 округе выиграл самовыдвиженец. Таким образом, партия «Единая Россия» контролирует в новой городской думе Краснодара 43 из 48 мест (Депутатам Краснодарской гордумы...).

Прямые выборы мэров крупных городов в Краснодарском крае проводились до 2015 г., но уровень конкуренции на них был низким. В отличие от соседних регионов, в крае нет ни одного района или города, где на выборах с 2004 г. оппозиционный кандидат побеждал бы или имел весомые шансы на успех. Но долгосрочные наблюдения подтверждают повышенный уровень протестного голосования в Краснодаре и на Черноморском побережье, особенно – в Сочи (Чешенова Т.В., 2012, с. 17-25).

Инициатором изменений в законодательстве края, соответствующих общероссийским тенденциям развития местного самоуправления, стал в декабре 2014 г. тогдашний губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачёв. В каждом из муниципалитетов предлагается ввести институт сити-менеджера. На сессии Законодательного собрания Краснодарского края в марте 2015 г. утверждён новый порядок выборов мэров городов, согласно которому мэры избираются

депутатами городских представительных органов из числа кандидатов – депутатов местного собрания, которых предварительно одобрила конкурсная комиссия. Комиссия будет формироваться на паритетной основе совместно краевой администрацией и районными, городскими депутатами. Так, в мэрии Сочи проведены общественные слушания по изменениям в городской Устав, их участники одобрили предложенные изменения. Нововведение в сентябре 2015 г. охватит тех мэров городов, срок полномочий которых истёк. Их насчитывается 11, включая Краснодар (В назначении мэров...).

В апреле 2015 г. депутаты городской думы утвердили косвенный порядок выборов мэра Краснодара. На первом этапе конкурсная комиссия, состоящая из депутатов городской думы и представителей краевой администрации, на конкурсной основе отберет нескольких кандидатов из всех желающих. На втором этапе из отобранных претендентов депутаты городской думы нового созыва выберут главу Краснодара. Среди 8 подавших заявления в конкурсную комиссию: нынешний глава администрации Краснодара В.Л. Евланов (руководит исполнительной властью города с 2004 г.); директор Департамента транспорта, организации дорожного движения и охраны окружающей среды администрации Краснодара Е. Калиоропуло; заместитель генерального директора ОАО «Росводоканал» А. Болтаевский; два предпринимателя; два временно не работающих; председатель одного из ТСЖ (Стали известны...). Ни один из соперников действующего мэра не имеет опыта публичной политики, не связан с оппозиционными партиями.

По итогам конкурса в городскую Думу внесены 3 кандидатуры на должность главы администрации Краснодара: Владимир Евланов – действующий глава города, набравший 70 баллов, В. Облогин – генеральный директор ОАО «Мусороуборочная компания» (46 баллов) и Е. Калиоропуло – директор городского департамента транспорта, организации дорожного движения и охраны окружающей среды (42 балла). В итоге голоса депутатов распределились следующим образом: В. Евланов – 45, В. Облогин и Е. Калиоропуло голосов не набрали. Двое депутатов от КПРФ воздержались (Владимир Евланов избран...)

Изученные факты заставляют предполагать внутриэлитный, корпоративный тип регулирования муниципальных политических процессов. Он соответствует модели «электорального авторитаризма», т.е., использованию выборов для легитимации неконкурентного правления, сочетающему законодательство в качестве регулятора с неформальными пактами элит и обменов ресурсами между ними. А. Шедлер отмечает, что такие режимы не равнозначны классическому авторитаризму, поскольку широко используют манипулятивные технологии в области избирательной и партийной систем (Schedler A. 2006, p. 3–11).

Итак, в Краснодарском крае отмечены патрон-клиентарный тип взаимоотношений региональной и местной власти, преобладание пароккиальной политической культуры, централистского восприятия политики. Влияние местных выборов 2015 г. в крае на политические трансформации муниципальной реформы состоит в институциональной легитимации нового баланса уровней публичной власти и ветвей власти, в наращивании формально-правовых прерогатив исполнительной власти. Переход от прямых тайных выборов градоначальников к косвенным ведет к деполитизации данного института, к усилению его зависимости от региональных органов государственной власти. Введение смешанной системы выборов представительных органов в городах края усилит ресурсы влияния парламентских политических партий, уменьшит ресурсы влияния местных неправительственных организаций и социальных сетей гражданского типа.

Политические эффекты реформы избирательного законодательства в регионе таковы. Переход от прямых тайных выборов градоначальников к косвенным ведет к деполитизации данного института, к усилению его зависимости от региональных органов государственной власти. Введение смешанной системы выборов представительных органов в городах края усилит ресурсы влияния парламентских политических партий, уменьшит ресурсы влияния местных неправительственных организаций и социальных сетей гражданского типа.

Диспозиции субъектов локальных политических процессов в Краснодарском крае обусловлены, прежде всего, рецентрализацией федеративных отношений и наличием вертикально интегрированных сетей как политических, так и бизнес-элит. Достигнуто доминирование всероссийской партии «Единая Россия» в политическом пространстве края, ослабление оппозиционных партий. Повестка дня электорального соперничества на местных выборах в Краснодарском крае включает в себя в качестве первоочередных прагматические вопросы: социальное обеспечение, жилищное строительство, борьбу с коррупцией и безработицей, улучшение экологической обстановки. Отчетливо выражен запрос на омоложение муниципальных элит, повышение транспарентности и эффективности работы.

Библиографический список

1. Более 60 тыс. краснодарцев приняли участие в праймериз «Единой России» – [Электронный ресурс]. – URL: http://tvkrasnodar.ru/news/politika/5966-krasnodarskie-edinorossy-proveli-prajmeriz-nakanune-vyborov-v-gordumu.html#.VdH9R_ntmko.
2. В назначении мэров видят узаконивание смены политических элит в Краснодарском крае – [Электронный ресурс]. – URL: <http://smi.kuban.info/politika/4429-v-naznachenii-merov-vidyat-uzakonivanie-smeny-politicheskikh-elit-v-krasnodarskom-krae.html>.
3. Владимир Евланов избран мэром Краснодара – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2015/09/24/reg-ufo/evlanov.html>
4. Депутатам Краснодарской гордумы вручили удостоверения – [Электронный ресурс]. – URL: http://fedpress.ru/news/elections/elections_parties/1442552990-deputatam-krasnodarskoi-gordumy-vruchili-udostovereniya
5. Закон Краснодарского края от 26 декабря 2005 г. N 966-КЗ «О муниципальных выборах в Краснодарском крае» с изменениями – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ikkk.ru/cgi-bin/kernel.cgi?module=media&act=show-&binary=1&mediaid=20913>

6. Информация об избирательной кампании по выборам депутатов городской Думы Краснодара шестого созыва – [Электронный ресурс]. – URL: <http://izb.krd.ru/news/informatsiya-ob-izbiratelnoj-kampanii-po-vyboram-deputatov-gorodskoj-dumy-krasnodara-shestogo-s>

7. Краснодарские едиnorоссы определились с кандидатами в городскую Думу – [Электронный ресурс]. – URL: <https://krasnodar.er.ru/news/2015/7/27/krasnodarskie-edinorossy-opredelilis-s-kandidatami-v-gorodskuyu-dumu/>

8. Лапшин В.Н. Краснодарский край и независимый Сочи – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nr2.ru/policy/50547.html>

9. Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? – М., 2004. – С. 280-284.

10. Мэр Анапы ушел в отставку – [Электронный ресурс]. – URL: <http://lenta.ru/news/2009/01/12/anapa/>

11. На Кубани стартовала предвыборная кампания – [Электронный ресурс]. – URL: <http://smi.kuban.info/politika/4756-na-kubani-startovala-predvybornaya-kampaniya.html>

12. Понеделков А.В., Старостин А.М. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия (1994–2014 гг.). – Ростов н/Д, 2014.

13. Решение избирательной комиссии муниципального образования «Город Краснодар» 7 авг. 2015 г. № 130/946 «О регистрации муниципального списка кандидатов в депутаты городской Думы Краснодара шестого созыва, выдвинутого избирательным объединением «Краснодарское местное отделение Краснодарского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» – [Электронный ресурс]. – URL: <http://izb.krd.ru/resheniya-komissii/o-registratsii-munitsipalnogo-spiska-kandidatov-v-deputaty-gorodskoj-dumy-krasn-2>.

14. Рогозян О.В. Политический кризис: анализ и технологии урегулирования (на примере Краснодарского края). Автореф. дис. ... канд. полит.наук. – Краснодар, 2006.

15. Стали известны все кандидаты на пост главы Краснодара. На пост главы администрации Краснодара претендуют еще 8 человек – [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.mail.ru/inregions/south/23/politics/22983452/?frommail=1>

16. Чешенова Т.В. Электоральные процессы в Российской Федерации: сравнительный анализ (на материалах Краснодарского края, Астраханской и Волгоградской областей). Автореф. дис.... канд. полит.наук. – Краснодар, 2012.

17. Schedler A. The Logic of Electoral Authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. – Boulder; London, 2006. – P. 3-11.

В.Я. Баркалов

Алтайский государственный университет, Барнаул

С.Е. ДЕСНИЦКИЙ О РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ МОНАРХИЧЕСКОГО ЕДИНОВЛАСТИЯ

1. История. В XVII–XVIII вв. проблема разделения властей стала актуальной как в политической науке, так и в практике государственного строительства. Сама по себе идея – древняя. О разделении властей писали Солон, Аристотель, Полибий, Цицерон. Нельзя считать, что в древности и средневековье разделение властей было всего лишь чистой идеей, а не практикой государственного строительства. Так, политические реформы Солона основывались на разделении властей между сословиями. У Аристотеля это политики – вид реального государственного устройства в его классификации. Для Цицерона – это республиканский Рим с его сословным разделением властей. Макиавелли – мыслитель позднего средневековья – описывает итальянские республики, и, прежде всего, Флоренцию, в которых также, как и в античности, республиканская государственность покоилась на сословном разделении властей.

2. С началом Нового времени проблема разделения властей стала одной из главных в политической жизни, но теперь уже речь идет о принципиально новом понимании разделения властей, вытекающем из новой модели республики, которая соответствовала капитализму. Классик либерализма И. Кант считал душой республики разделение властей и парламентаризм. Если в древности и средневековье речь шла о разделении властей между сословиями, то теперь оно стало, прежде всего, аргументом против монархического единовластия, несовместимого со свободами и правами человека. Следует также отметить, что разделение властей стало институциональной формой политического господства буржуазии.

Однако буржуазии не удалось установить республиканское единообразие государственного устройства. Монархический идеал не потерял своей значимости. Европа оказалась перед выбором: либо сохранить монархизм, найдя ему новую историческую форму, либо бескомпромиссно идти по республиканскому пути. История решила иначе: сохранила монархию (теперь уже в форме конституционной монархии) и приняла республику.

3. Не так было в России: она была далека как от конституционной монархии, так и от республики. Если следовать теории прогресса, то оказывается, что Россия отстала от Европы, если же следовать теории неповторимости цивилизационного развития народов, то Россия вовсе не стояла перед выбором между конституционной монархией и республикой. Для нее в XVIII в. был приемлем просвещенный абсолютизм. Идеал просвещенного абсолютизма не исключал разделение властей. Оно, согласно просветителям, усиливало единовластие монарха благодаря более рациональной организации монархического конституционного устройства. Благодаря этому единовластие превращается в единую власть. Она теперь разделена, но едина.

4. Первым, кто разработал подобную конструкцию монархии, был С.Е. Десницкий. Мыслитель противопоставляет свое понимание разделения властей пониманию Монтескье, а также государственной практике Англии и Франции, где

разделение властей пришло на смену единовластию, т.е. к смене монархической государственности республиканской. Десницкий же пишет, что он «...старался по крайнему разумению приноровить учреждение таких властей возвышающемуся российскому монаршескому состоянию» (Десницкий С.Е., 1952, с. 294). Что значит «приноровить»? Смысл очевиден: приспособить разделение властей к монархии для того, чтобы улучшить ее, не меняя сущности ее устройства.

Это первое, что отличает концепцию разделения властей Десницкого от концепций европейских мыслителей. Второе сущностное различие – это число государственных властей. Казалось бы, судя по заголовку его сочинения «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», их должно быть три, но в действительности речь идет о пяти властях. Помимо трех властей, обозначенных в заголовке, Десницкий подробно анализирует гражданскую власть и власть императора, которая не включается ни одну из трех высших государственных властей.

5. Теперь рассмотрим функции властей и их взаимоотношения. Отметим три общих положения. Во-первых, «...чтоб одна власть не выходила из своего предела в другую» (Десницкий С. Е., 1952, с. 294). Пожалуй, что Десницкий не видит иного смысла в разделении властей, как только более рациональную организацию института монархии. Речь не идет об институте ограничения власти монарха или гаранте прав и свобод личности. Во-вторых, власти не уравновешены в своих прерогативах. Их отношения – это не отношения равных по горизонтали, а отношения по иерархической вертикали. Законодательная власть является высшей по отношению к судебной, а судебная – к наказательной. В-третьих, каждая власть имеет «своих надзирателей», т.е. контрольный орган. Десницкий не идет дальше провозглашения его необходимости, поэтому остается неясным, как он формируется и действует.

Законодательная власть. Законодательным органом является сенат, но, как это не парадоксально звучит, ему не принадлежит законодательная власть. «Сей власти в Российской империи, кроме монархов, никто в полном значении не может

иметь; позванные, однако, на такую должность монархами персоны могут и в законодательной власти иметь столько участия, сколько и ныне правительствующему сенату дозволяется, то есть их должность может дозволена быть с приказанием и по усмотрению монархов российских делать указы вновь, старые поправлять, дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потребует...» (Десницкий С.Е., 1952, с. 295). Сенат не автономен в отношении к монарху. Он «должен присутствовать безотлучно при монархах завсегда» (Десницкий С.Е., 1952, с. 295). Что отсюда следует? Первое – монарх не ограничен в законодательной власти. То, что он властен передавать частично законодательную власть сенату, вовсе не значит, что он ограничивает себя как законодателя. Второе – реформаторский проект Десницкого не предусматривал создание нового законодательного органа, которого раньше не было в системе монархической власти. Таковым становился уже имеющийся сенат с определенными законодательными функциями без их расширения. Реформа сената как законодательного органа сводилась к лишению его судебных и исполнительных прерогатив.

Следовательно, выделение законодательной власти не нарушало институт монархического единовластия. Власть монарха оставалась абсолютной, но рационально организованной в области законотворчества.

Судебная власть. Десницкий считает, что судебная власть в отличие от законодательной власти рассредоточена по наиболее крупным городам России. Высшая судебная инстанция отсутствует. Ее заменяет сенат, который принимает окончательное решение по апелляциям. Десницкий настоятельно подчеркивает необходимость обеспечения независимости судей. «Чтоб судья беспристрастно всякому суд и правду предписывать мог, не взирая ни на кого» (Десницкий С.Е., 1952, с. 305). Жаловаться на судью можно только в сенат, который по волевому усмотрению монарха наказывает судей.

И все-таки, можно ли говорить о независимости суда в предлагаемой Десницким системе монархической власти? Очевидно, что нет. Во-первых, суд не обладает всей полнотой

судебной власти, так как последней инстанцией является сенат. Во-вторых, – и это самое главное, его отношения с монархом: суд зависим от монарха. Он назначает судей, наказывает их, только ему принадлежит право помилования, то есть отмены решения суда. Хотя Десницкий и не пишет прямо, что суды не автономны, а при монархе, как он определил взаимоотношения между монархом и законодательной властью, но из контекста его рассуждением мы имеет ту же схему. Так, рассуждая о правомерности смертной казни, мыслитель пишет: «Монарх или его приказанием и судья, наказуя смертоубийцев и злодеев, опасных в отечестве, через то делает он то только, что бог и натура велят...» (Десницкий С.Е., 1952, с. 307).

Следовательно, монарх обладал абсолютной полнотой судебной власти, которая, как и законодательная власть, была отделена от других властей, но оставалась в системе монархического единовластия.

Наказательная власть. Наказательную власть нередко представляют как исполнительную власть. Таковой у Десницкого нет. В России, начиная с Петра I и до 1802 г., исполнительная власть принадлежала коллегиям, о которой Десницкий не упоминает вообще.

По местоположению наказательная власть является губернской властью, наряду с гражданской властью, но в отличие от последней относится к вертикали государственной власти. Наказательная власть принадлежит воеводе, который назначается монархом. Во властной вертикали государства она является ее низшим звеном после судебной власти. Поэтому является подконтрольной ей, а через нее – сенату и затем – монарху. В обязанности наказательной власти входит поимка преступников и доставление их в суд с последующим исполнением его решения, содержание тюрем и обеспечение противопожарной безопасности, а также сбор подушных пошлин.

Итак, учреждение наказательной власти, как равно законодательной и судебной, не разрушает принцип монархического единовластия и, следовательно, не приближает российское самодержавие к конституционной монархии.

Гражданская власть. Гражданская, или иначе городская власть, аналогично судебной и наказательной властям учреждается в Москве, Санкт-Петербурге и «знатных губернских городах». Это коллегиальный орган управления. Не совсем ясен механизм его учреждения. Депутаты – это лица из числа дворян и купцов, «принимающие на себя гражданскую власть». Они делегируются в городскую власть «поочередно». Здесь Десницкий заимствует один из трех принципов учреждения власти в Афинах: избрание, жребий и поочередность. Работа депутатов является патриотическим служением и поэтому не оплачивается. «А если кто... будет отказываться служить при такой гражданской должности, такие непатриоты и недоброхоты чтоб платили штраф по двести рублей за ослушание и упрямство» (Десницкий С.Е., 1952, с. 314). Это относится к гражданам, которым депутатство «неубыточно будет». Таким образом, устанавливался экономический ценз, благодаря которому городская власть принадлежала исключительно богатым гражданам.

В Москве и Санкт-Петербурге городская власть состояла из шести департаментов, в губернских городах департаменты не предусматривались. Возглавлял городскую власть президент.

Гражданская власть не обладала правом издавать законы или какие-либо другие аналогичные акты. В обязанности гражданской власти входило: 1. Вексельные дела и сбор пошлин; 2. Контроль за торговлей, забота о достатке продовольствия на рынке, борьба с барышниками и перекупщиками; 3. Архитектурные дела; 4. Забота об исправности канализации, дорог, освещении улиц; 5. Решение правонарушений не криминального характера.

Таким образом, гражданскую (городскую) власть в современной терминологии следует определить как местное самоуправление, что конечно не значит их тождества. Десницкий не разделяет городскую власть на законодательную и исполнительную. Ее деятельность регламентируется актами, издаваемыми сенатом. Она находится под контролем судебной власти. в городе действуют три власти: судебная, наказательная и гражданская. Их взаимоотношения выстраиваются по иерархической вертикали. Гражданская власть, наказательная

власть, судебная власть, законодательная власть (сенат). Иерархическую вертикаль замыкает монарх – «глава общества» (Десницкий С.Е., 1952, с. 326), т.е. государства, учитывая, что просветители XVII – XVIII вв. не различали общество и государство.

В заключение вернемся к вопросу о том, предполагал ли проект политических реформ Десницкого переход российского самодержавия к конституционной монархии или речь шла о просвещенном абсолютизме. Фактически «непререкаемой» истиной, закрепленной в учебниках и справочных изданиях, стало утверждение о том, что Десницкий был сторонником конституционной монархии, о чем якобы свидетельствует его сочинение «Представление о разделении законодательной, судительной и наказательной властей...». Наш анализ сочинения приводит к прямо противоположному выводу. Схема деления властей, их полномочия и взаимоотношения с монархом не имеют ничего общего с либеральной концепцией разделения властей, которую предложил Монтескье и которая была реализована в процессе республиканского государственного строительства Нового времени. Это другое разделение власти, преследующее иные политические цели. Назовем концепцию Десницкого монархическим разделением власти в противоположность либеральной концепции. Десницкий не ставит задачи ограничения власти монарха через ее разделение. Наоборот, задача заключается в рационализации и оптимизации самодержавия. В России второй половины XVIII в. не могло быть и речи о реформировании самодержавия в конституционную монархию. Время не пришло. И еще один аргумент. Десницкий был верноподданным университетским профессором. Это не Новиков и Радищев: ему каземат и тюрьма не грозили. Писал он свое сочинение по заказу Екатерины II, уверенной в его просветительском верноподданстве. Одним словом, профессор матушки-просветительницы.

Библиографический список

1. Десницкий С.Е. Представление о разделении законодательной, судительной и наказательной властей в Российской

империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. – М., 1952. Т. 1. – С. 292-332.

И.А. Ветренко

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск*

ИГРА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Сегодня, по мнению большинства граждан, политики только и делают, что лгут и манипулируют нами, образно говоря, ведут свою собственную игру, правила которой нам не понятны, играют с обществом и против него. Термин «игра» принимает однозначно негативную коннотацию, становится синонимом обмана, корыстных действий, желания получить выигрыш даже за счет благополучия других. В общественно-политический лексикон вошли такие выражения, как «политическая марионетка», «шоу-политика», «сценарий», «политический игрок» – все они связаны с тем, что кто-то выполняет свои роли, подчиняется чьему-то замыслу.

Игра присутствует в политической сфере, являющейся очень важной сферой жизни общества. Однако до недавнего времени политические процессы во всем их многообразии не изучались через призму игровых практик и технологий, а также игровыми методами. Политическая игрология как самостоятельный раздел политической науки появилась только в конце XX в., когда А. Панариным был предложен эволюционно-информационный подход к пониманию игры, суть которого в отношении к политической жизни в целом как к игре с заранее незадаанным результатом, то есть, политике придавались классические черты игры. Игра является одной из обязательных составляющих сегодняшней политической действительности по двум причинам. Во-первых, глобализация избирает игру как универсальную технологию для протекания ряда политических процессов. Во-вторых, демократизация, демократический суверенитет и свободное соревнование нескольких акторов делают политику игрой в прямом смысле (Ветренко И.А., 2009,

с. 132). По сути, обе причины связаны – глобализация и демократизация довольно часто являются параллельными процессами. Распространение ценностей западной либеральной демократии ведет к тому, что игра становится частью политического процесса все большего числа обществ.

Многообразие игровых проявлений требует сразу прояснить важный момент. Дело в том, что игра – это одновременно и явление, и метод исследования, и модель, и технология, и зачастую эти значения тесно переплетаются. Сложность и комплексность окружающей действительности порождают аналогичную сложность и комплексность самой игры. Нас будет интересовать именно технологический аспект, так как игровые технологии нередко используются в современных политических кампаниях России. Зная, что представляет собой игра как политическая технология, можно под совершенно новым ракурсом рассмотреть ход и результат этих кампаний.

Игра в политической науке сегодня является признанной технологией. Прежде всего, исследователи отмечают коммуникативный потенциал игры в политике, однако дефиниции игры как формы политической коммуникации до сих пор не было предложено. Заполняя данный пробел мы предлагаем такое определение игры в данном спектре рассмотрения. Игра как форма политической коммуникации – информационное взаимодействие двух или более акторов, происходящее по заданным правилам, с равными для каждого участника шансами на успех и имеющее непредсказуемый результат.

Игра, по мнению Й. Хейзинга, «представляет борьбу за что-то или же превращается в состязание в том, кто именно сможет показать что-то лучше других» (Хейзинга Й., 2011, с. 111). Так как политика – деятельность конкурентная, представляющая собой борьбу за власть, влияние или ресурсы, игра с ее четкими правилами, пространственно-временной ограниченностью и неопределенностью результата как нельзя лучше подходит для этой сферы. Коммуникативное поле становится более упорядоченным, а результаты состязания – очевидными. Кроме того, «показать что-то лучше других»,

предложить лучшую программу, идею, проект, – важный стимул для совершенствования. Игровой характер политики будет стимулировать соревновательный дух и усиливать честную, открытую конкуренцию, что благотворно скажется на всей политической сфере общества в целом.

Так, В.В. Радаев пишет о конкуренции следующее: «конкуренция может быть определена не столько как столкновение, чреватое конфликтами, сколько как постоянное соотношение деловых стратегий. В ходе такого соотношения конкурентная ситуация относительно редко приводит к лобовым ударам, последствия которых разрушительны для обеих сторон» (Рылкина А.П., Шилов В.Н., 2011, с. 67). Стратегия в теории игр – это полный план действий при всевозможных ситуациях, способных возникнуть, стратегия определяет действие игрока в любой момент игры и для каждого возможного течения игры, способного привести к каждой ситуации. Действительно, каждый игрок имеет свою игровую стратегию, которой и придерживается, и наличие несколько запасных вариантов действий может существенно сглаживать острые углы кризисов, которые, в свою очередь, зачастую имеют пагубный, разрушительный характер, деструктивно сказываясь на жизни общества.

Игра как нельзя лучше подходит для массовой коммуникации. В условиях демократического общества в политику и принятие общественно-значимых решений так или иначе оказывается вовлечено большое количество людей. Интерактивность игры позволяет, с одной стороны, превратить политику в шоу, привлекающее внимание и заинтересовывающее публику. Об этом пишет О.Ф. Русакова, с этим соглашается А.С. Панарин: «Первое, что бросается в глаза, – это усиливающаяся театрализация политической жизни. [...] Давно уже замечено, что съезды республиканской и демократической партий в США – это грандиозные шоу» (Панарин А.С., 1997, с. 60). В России подобным шоу является, в частности, церемония инаугурации президента. Не существует какого-либо отдельного законодательного акта, регулирующего эту церемонию, ст. 82 Конституции лишь фиксирует основных участников церемонии – представителей обеих палат

Парламента, судей Конституционного суда. Все остальное – дань традициям, которые могут незначительно меняться в зависимости от личности президента. Сценарий инаугурации всегда прописан до мелочей, он нагружен символикой, вызывающей эмоциональный отклик. Данная церемония – действительно впечатляющее и красивое зрелище, привлекающее внимание телезрителей всей страны, и оно сопровождается комментариями, как спортивные матчи или Олимпийские игры, окончательно придавая происходящему развлекательный, игровой характер.

С другой стороны, игра, как деятельность добровольная, создает у человека, вступающего в нее, чувство свободы и в то же время некоторой оторванности от реальности, как будто происходящее с ним не всерьез, что на психологическом уровне раскрепощает его и делает более активным.

Любая политическая кампания – работа с общественным мнением для достижения поставленных целей. Неважно, какие психологические механизмы используются: убеждения, внушение, заражения или подражания, – очень важно не только то, какая информация будет транслироваться, но и каким образом это будет происходить. Игровые практики способны упростить этот процесс, сделать его ненавязчивым. Образность, присущая игре, только способствует этому, поскольку побуждает сконцентрироваться на форме, а не на содержании. Дик Моррис в своей книге «Игры политиков» приводит множество примеров, показывая, как стратегии людей, «игравших судьбами человечества», как значится на обложке, приводили их к успеху или к неудаче. И один из ярчайших примеров – победа Кеннеди над Никсоном в 1960 г. Глава, посвященная этому, так и называется: «Джон Кеннеди с помощью телевидения выигрывает выборы, которые выиграть было нельзя, а Ричард Никсон проигрывает там, где нельзя было проиграть». И секрет успеха Кеннеди состоял в том, что он успешно использовал телевидение для создания такого образа, который полюбился американцам и в итоге привел его к победе (Д. Моррис, 2004, с. 329–341).

Подводя итог, нельзя не заметить, что сама игра, как и любая технология, все-таки есть нечто нейтральное,

находящееся вне оценочных рамок, но вот ее применение имеет положительные и негативные смыслы – в зависимости от целей и используемых актором средств. Существуют как позитивные, так и негативные аспекты, проявляющиеся в игре как форме политической коммуникации, и зачастую, хоть и не всегда, их направленность зависит от существующего в рассматриваемом обществе политического режима.

Библиографический список

1. Ветренко И. А. Игровые практики в политическом процессе : дис. ... д-ра полит. наук. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2009. – 435с.
2. Моррис Д. Игры политиков. Пер. с англ. Н.А. Анастасьева. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 350с.
3. Панарин А.С. Политология. – М: Проспект, 1997. – 420с.
4. Рылкина А.П., Шилов В.Н. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные Ведомости Белгородского Государственного Университета. – Вып. 13 (108), т. 19. – 2011.
5. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий. – Спб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 280с.
6. «Прямая линия» с Владимиром Путиным – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.levada.ru/30-04-2014/pryamaya-liniya-s-vladimirom-putinyum> (Дата обращения: 6.06.2014).

А.В. Волегова

Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург
**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
МОЛОДЕЖИ**

Важнейшие преобразования в государствах бывшего СССР в 1990-х гг. коснулись всех сфер общества. На смену авторитарной системе пришла демократия со своими

специфическими ценностями. Законодательно в стране были закреплены права и свободы каждого гражданина, была заложена основа развития гражданского общества. Данный факт открыл большие возможности для развития общественно-политического участия населения. У каждого гражданина появилась возможность влиять на политическую конъюнктуру в стране, вести диалог с властями, свободно выбирать и высказывать свою точку зрения.

Однако, несмотря на трансформацию политического режима, реальность политической стратегии в стране оставалась далека от идеалов гражданского общества. Складывавшийся десятилетиями менталитет людей, привыкших к тотальному подчинению, оказался не готов к столь масштабным изменениям. Новый порядок для большинства населения был непонятен, что повлекло за собой недовольство и отказ принимать новые, открывшиеся возможности. Не стоит забывать, что помимо неготовности к новому мировосприятию, 1990-е гг. ознаменовались экономическими сложностями. Многие старались улучшить собственное материальное положение, что не способствовало активному политическому участию.

Ко всему прочему, некоторые законодательные нормы были явно недоработаны, применение многих свобод граждан в общественно-политической сфере, описанных законодательно, были абсолютно не возможно на практике.

Все вышеперечисленное явно уменьшало реальный уровень политического участия населения и сводило этот феномен к формальности.

Между тем, участие населения в политической жизни указывает на успешность политической стратегии, проводимой властями. А стабильное будущее страны в значительной степени обусловлено возможностью населения проявлять политическую активность. Политическое участие имеет место везде, где есть политические отношения, работают политические организации и институты. По этой причине изучение «политического участия» является необходимым.

Основные факторы политического участия – это индивидуальные условия социализации личности, мобилизация

индивидов со стороны государственных институтов, социально-экономическое развитие населения (Даль Р., 1992, с. 160).

Характер политического участия в конкретном государстве дает оценку самой политической ситуации в данной стране, ее политическому режиму.

В своей работе мы решили провести исследование специфики массового сознания студенческой молодежи.

Данная социальная группа выбрана потому что, на наш взгляд, период обучения молодого человека в ВУЗе – это один из важнейших этапов становления личности, ее самопознания и формирования представлений об общественно-политической жизни.

Специфика политического участия студенческой молодежи – это изменчивость собственной субъективной позиции, высокая политизированность современной молодежи, максимализм, желание максимально улучшить свою жизнь, отсутствие определенных обязательств, агрессивность.

Характерной особенностью политического участия современной студенческой молодежи является возрастающая политическая активность через интернет-коммуникации, которая начинается на просторах интернета с различных обсуждений политических вопросов и заканчивается привлечением на многообразные политические акции (Русакова О.Ф., 2011, с. 70-74).

Благодаря такому масштабному развитию интернет-технологий студенческая молодежь стала более политически активна. Рост политического участия студенческой молодежи проявляется через обсуждение различных политических вопросов в блогах, форумах и т.д.

Одной из форм политического участия, характерной для молодого поколения и появившейся благодаря всемирной сети, являются флеш-мобы. Флеш-мобы – одномоментное появление в определенном месте толпы людей, действующих по заранее оговоренному сценарию для достижения поставленных целей. Обычно флеш-мобы устраиваются в местах большой проходимости людей. Главная цель флеш-моба – привлечь внимание людей к какому-либо вопросу.

«Мгновенная толпа» в политических целях может стать достаточно веским разрушительным фактором. Развитие явления флеш-мобов было бы не возможным без становления интернета и мобильных телефонов, потому как именно через глобальную сеть организаторы акций привлекают большое количество людей. Для примера, на Филиппинах при помощи мобильных оповещений были организованы массовые политические акции, вылившиеся в протесты, которые привели к свержению режима Дж. Эстрады.

Другой пример организации акций протеста посредством интернета – «Арабская весна», захватившая арабский мир в 2010–2011 гг., в ходе организации которой для широкого привлечения протестующих на улицы были использованы sms-рассылка, блоги, социальные сети. Участниками данных протестов выступило молодое поколение, студенческая молодежь, которая была недовольна существующим режимом, которую не брали на работу, у которой не было уверенности в завтрашнем дне.

Демонстрации, забастовки, протесты, охватившие Ближний Восток и Северную Африку, привели к определенным результатам, были свергнуты главы четырех государств – Туниса, Египта, Ливии, Йемена, ряд президентов объявили, что хотят уйти в отставку и не будут участвовать на следующих выборах. Данные протесты привлекли внимание всей мировой общественности и еще раз показали, насколько сильным оружием в наши дни становятся современные технологии.

Итак, можно сделать вывод: специфика участия молодежи в политической жизни проявляется через интеграцию молодежи в политические движения, партии, общественные организации, через электоральное поведение, а также выражение своего недоверия к политической элите через протесты, абсентеизм, демонстрации.

Политическое сознание молодого поколения постоянно меняется и зависит от различных внешних факторов:

- Возраст;
- Материальная обеспеченность;
- Работа политических акторов;
- СМИ;

- Влияние общения;
- Уровень знаний, политической культуры;
- Менталитет.

Нами был проведен опрос студенческой молодежи, обучающейся в ВУЗах Екатеринбурга.

Проведенный опрос студентов показал, что на данный момент среди студентов Екатеринбурга преобладает «пассивный» тип политического участия (38,7%), это те молодые люди, которые интересуются политическими событиями и участвуют в голосовании, не совершая никаких активных действий. К сожалению, студенты не воспринимают свою пассивность в политической жизни как «проблему», выбирая другие сферы деятельности.

К типу «периодически воздействующий» относятся 35,48%, что ненамного отстает от преобладающего типа политического участия студентов. Представители данного типа отличаются маятниковой политической активностью.

Политически активных во всех формах политического участия выявлено 19,35%.

«Наблюдателей» среди студенческой молодежи города – 2,15%, это такие молодые люди, которые интересуются происходящими в политической жизни событиями, но редко участвуют в ней. Абсолютно не заинтересованных в общественно-политических отношениях студентов – 4,3%.

Уровень электоральной активности среди опрошенных студентов достаточно высокий и составляет 64%. 27% опрошенных всегда участвуют в выборах, не пропуская не одни из них. 37% респондентов стараются принимать участие, если есть свободное время. Свое участие студенты мотивируют тем, что это их гражданский долг. Их выбор может воздействовать на политическую власть или даже изменить расстановку политических сил. 15% участвуют в голосовании от случая к случаю. Свое участие в выборах они объясняют тем, что иначе их бюллетень может быть использован в подтасовке голосов либо просто считают это важным. И лишь 22% принципиально не ходят на выборы, поясняя свою позицию недоверием в то, что их голос может реально на что-либо повлиять.

На вопрос «Знаете ли Вы основные формы политического участия?» положительно ответили 304 человека (76%), отрицательно – 96 человек (24%).

Проведенное исследование показало, что на данный момент членство в партиях не пользуется популярностью, лишь 5% опрошенных являются членами партийных ячеек.

Следующим вопросом мы хотели выявить хотят ли молодые люди создать собственную политическую партию. 72 человека (18%) думают о создании собственной партии, 328 человек (82%) не желают.

Далее следует вопрос, выявляющий уровень так называемой «зрительной активности», т.е. просмотр новостных программ, чтение печатных СМИ, получение информации через интернет: «Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в политической, экономической жизни нашей страны?». «Да, внимательно слежу за развитием ситуации» ответило 66% опрошенных, «слежу за развитием событий, но мне это не очень интересно» – 26%, 4% респондентов не интересуются политическими событиями, 5% затрудняются ответить.

Среди источников получения политической информации явной популярностью пользуется интернет, его выбрало 42% опрошенных, следом по популярности респонденты отмечают общение с друзьями и родными – это 23%, телевидение выбирает 21% опрошенных, наименьшую популярность, как источник получения политической информации, имеет печатная пресса (9% респондентов) и радиопрограммы – 6%.

Степень участия в дискуссиях на политические темы выглядит следующим образом: 34% молодых людей обсуждают вопросы на политическую тематику, 29% принимают участия в дискуссиях время от времени, 26% респондентов практически не обсуждают политические вопросы и 11% никогда не участвуют в дебатах на политические темы.

Затем следует блок вопросов, в котором анализируется отношение молодежи к развитию страны в целом, а также выясняется мнение о роли молодежи в общественно-политической жизни страны и ее основных проблемах.

Положительно общее положение дел в стране и происходящие в ней перемены оценивают 3% опрошенных.

Оценку скорее положительно, чем отрицательно выбирают 41% респондентов, скорее отрицательно, чем положительно выбирает 27%. Трансформации, происходящие в государстве, отрицательно оценивают 17% молодых людей, и 12% затрудняются ответить.

Тройка наиболее популярных форм политического участия среди студенческой молодежи выглядит следующим образом:

- участие в выборах в органы власти различного уровня (27%);
- подписание обращений в органы власти по поводу событий в стране (19%);
- работа в местных самоуправлениях и молодежных организациях (12%).

Проведенное исследование выявило, что среди обучающихся в магистратуре больше представителей «активного» и «периодически воздействующего» типов. Это еще раз доказывает, что образованность молодых людей напрямую влияет на уровень политической активности. Средний возраст среди данных типов 23–25 лет. Студенты, которые обучаются в бакалавриате, на 75,3% составляют тип «пассивных граждан».

Также выяснилось, что более активными личностями являются студенты, обучающиеся на гуманитарных и экономических специальностях, их порядка 77,8% среди данных типов. Студенты, специализирующиеся на естественно-техническом профиле, в большинстве своем составляют группу «пассивных» и «наблюдателей».

Пол респондентов особо не влияет на уровень политического участия, так как практически в каждой категории мужчин и женщин равное количество.

Если анализировать семейное положение, то выясняется, что наиболее политически активными в общественной жизни являются студенты, которые не состоят в браке.

В целом, большая часть студенческой молодежи интересуется политическими событиями. Конечно, есть и определенные проблемы в развитии политической активности среди студентов. На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что результаты опроса выявляют высокую заинтересованность политическими процессами в стране и в

мире, но при этом молодые люди проявляют низкий уровень реальной политической активности.

Вызвано это следующими причинами. В России многие молодежные политические организации не популярны у молодежи, работают они периодически, в форме одноразовых мероприятий. Как правило, стратегии развития молодежи носят лишь формальный характер и практически не реализуются на практике. Молодежь чувствует неуверенность в завтрашнем дне.

Пути решения данной проблемы нам видятся следующие.

1. Крайне важно, чтобы правительства стран были готовы к равноправному диалогу с молодежью.

2. Нужно разработать единую стратегию развития молодого поколения, в которой будет выработана программа по поддержке и стимулированию студенческой молодежи.

3. Интересно было бы проводить чаще встречи студентов и представителей органов власти различного уровня, где бы обсуждались актуальные для студентов вопросы, вырабатывались пути решения проблем.

4. Важным пунктом в развитии политической активности студентов, является гарантии в трудоустройстве и улучшение финансового положения. Поэтому со стороны государства необходимо реализовывать проекты, помогающие студентам найти работу как во время обучения, так и после него.

Итак, можно прийти к выводу, что студенческая молодежь интересуется общественно-политической жизнью. Основной целью политической деятельности молодые люди видят изменение политической конъюнктуры на благо общества. Очень важно, что и органы власти в России осознают важность проведения грамотной и эффективной молодежной политики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что динамика политического участия молодых людей будет расти. Как говорится, «Дорогу осилит идущий».

Библиографический список

1. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М.: Наука, 1992. – 160 с.

2. Русакова О.Ф., Квятковский К.О. Основные методологические подходы к исследованию политической блогосферы // Социум и власть. – 2011. – № 3. – С. 70-74.

3. Савруцкая Е.П. Анализ динамики качественных характеристик ценностного сознания молодежи России // Власть. – 2011. – №10. – С. 92-96.

Е.М. Гостюшева

Алтайский государственный университет, Барнаул

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» В РОССИИ И РЕГИОНАХ

В 2003 г. в Послании Президента России в качестве основного препятствия экономическим реформам была названа недостаточная эффективность функционирования государственного аппарата, несоответствие количества его полномочий качеству власти. Тем самым были поставлены задачи реформирования в трех сферах: политической, правовой и административной. Все эти задачи были объединены под общим названием «административная реформа», которая формально началась с президентского Указа №824 от 23 июля 2003 г. Этот Указ ввел в практику российского государственного строительства широко использующуюся за рубежом модель «сервисного государства» (в тексте документа впервые были упомянуты «государственные услуги» и подчеркнута необходимость их развития). Правительством Российской Федерации были утверждены пять документов со сроком действия до 2010 г., имеющих прямое отношение к развитию электронного правительства: Концепция и программа административной реформы в Российской Федерации, Федеральная целевая программа «Электронная Россия», Концепция формирования электронного правительства в Российской Федерации, Концепция региональной информатизации, Концепция использования информационных технологий в органах государственной власти. Планировалось развертывание защищенной системы межведомственного

электронного документооборота. Предполагалось, что все федеральные органы власти и регионы будут иметь центры телефонного обслуживания населения и интернет-сайты, соответствующие единым требованиям. Кроме того, предполагалось, что к 2010 г. будет обеспечен полный перевод в электронный вид десяти наиболее значимых государственных услуг, таких как заполнение бланков на оформление персональных документов (паспортов, водительских лицензий), различных детских пособий, заполнение квитанций на оплату штрафов за нарушение правил дорожного движения. На сегодняшний день внедрение технологий электронного правительства показывает, что наша страна прошла этап освоения методов нового государственного менеджмента и формализации административных регламентов с постепенным переводом их в электронный формат.

В Алтайском крае в рамках общероссийской программы «Электронное правительство» к настоящему моменту реализован комплекс мероприятий, предусмотренных, в частности, Программой проведения административной реформы в Алтайском крае в 2008–2010 гг., краевой программой «Снижение административных барьеров, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг» на 2011–2013 гг. И, как следствие реализации данных программ, были созданы первые в Алтайском крае многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, организовано предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме (с учетом определенных Правительством Российской Федерации этапов перевода государственных и муниципальных услуг в электронный вид); повышена эффективность взаимодействия органов исполнительной власти Алтайского края с населением, институтами гражданского общества; модернизирована система информационного обеспечения деятельности органов исполнительной власти Алтайского края; сформировано необходимое организационное, информационное, ресурсное и кадровое обеспечение административной реформы. Если анализировать статистику внедрения электронного правительства на уровне региона, то

можно сказать, что в Алтайском крае 11 краевых управлений и органы местного самоуправления 70 муниципальных районов и округов оказывают государственные и муниципальные услуги в электронной форме. Они предоставляют в электронной форме 42 государственные и муниципальные услуги в сфере поддержки предпринимательства, труда и занятости, социальной защиты населения, регистрации актов гражданского состояния, культуры, земельно-имущественных отношений, градостроительства, благоустройства, дорожного хозяйства, природных ресурсов, услуги по выдаче охотничьих билетов, разрешений на перевозку пассажиров легковыми такси.

Следующий шаг в формировании организационно-правовой основы обеспечения информационной открытости органов власти в Алтайском крае был сделан в марте 2015 г. Было введено в действие Постановление Администрации Алтайского края, которое отменяло многие предыдущие реализованные программы как уже достигнутые. Постановление Администрации Алтайского края от 6 марта 2015 г. N87 «Об утверждении государственной программы «Совершенствование государственного и муниципального управления в Алтайском крае» на 2015-2020 гг.» в своей сути реализует три основные подпрограммы: «Повышение открытости деятельности органов исполнительной власти Алтайского края и органов местного самоуправления и совершенствование административно-управленческих процессов в указанных органах» на 2015–2020 гг., «Развитие информационного общества и формирование электронного правительства в Алтайском крае» на 2015-2020 гг., «Совершенствование кадрового обеспечения государственного и муниципального управления Алтайского края» на 2015–2020 гг. Реализация программы, по мнению местных законодателей, должна привести к повышению открытости деятельности органов исполнительной власти Алтайского края и органов местного самоуправления и совершенствованию административно-управленческих процессов. Кроме того, программа повышает доступность и качество государственных и муниципальных услуг для населения и бизнеса на основе использования современных информационно-коммуникационных технологий. Общий объем финансирования

государственной программы «Совершенствование государственного и муниципального управления в Алтайском крае» на 2015–2020 гг. составляет 3091727,6 рублей.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время статистика говорит об осуществлении широкомасштабного перехода к развитию электронного правительства от стадии информирования к стадии оказания электронных услуг в интерактивном формате.

Следует отметить, что проекты «электронного правительства» во многих странах стали драйверами инновационного развития. В частности, произошли качественные изменения институтов образования и здравоохранения, повысилось качество среды обитания, что позволило гражданам на практике ощутить выгоды использования государством инновационных технологий. В экономически развитых странах феномен «электронного правительства» повлиял на повышение требований населения к состоянию предпринимательской, политической и интеллектуальной среды, сказался на росте трудовой мобильности населения и способствовал развитию территорий. Как следствие, произошел переход к принципиально новым стандартам жизни, а в обществе возник спрос на инновации.

В мировой практике имеется довольно много систем мониторинга и оценки уровня информационного развития, направленных на анализ как количественных, так и качественных характеристик применительно к задачам межгосударственного сопоставления. Вместе с тем, не все используемые методы и критерии оценки могут быть применимы к анализу опыта и уровня развития внутри конкретной страны. Специфика развития методов и технологий электронного правительства в Российской Федерации определяется особенностями системы управления государством, в том числе механизмами межэлитных взаимодействий, принципами «ручного управления», широким разбросом задач между курирующими этот процесс министерствами и ведомствами.

Совершенно очевидно, что в подобных условиях необходимо применение особых методов изучения,

аккумулирующих лучшие международные исследовательские практики, но учитывающие российскую и региональную специфику.

Известно, что оценка уровня готовности стран мира к использованию электронного правительства осуществляется в рамках деятельности Департамента экономического и социального развития ООН, регулярно публикующего отчеты, представляющие потенциал и возможности развития этих технологий в странах мира. В основе построения оценок лежит методика веб-мониторинга сайтов органов власти и анализ статистических данных. Данная методика позволяет оценить наличие или отсутствие основных черт и категорий перехода на электронное правительство.

Долгое время Россия занимала весьма низкие позиции в данном рейтинге. Из 193 стран в 2003 г. Россия занимала 58 место, в 2004 г. – 52 место, в 2010 – 59 место. Но в последних рейтингах 2012 и 2014 гг. Россия поднялась довольно высоко – на 27-е место.

Существенное улучшение позиции России может быть обусловлено в первую очередь тем, что наиболее пристальное внимание в рейтингах, опубликованных в 2012 и 2014 гг., было уделено оценке электронных сервисов, организации системы межведомственного взаимодействия, бэкофиса, что позволяет гражданам получать электронные услуги и находить необходимую информацию. Индекс оценки включает три подындеса, характеризующих состояние человеческого капитала, ИКТ-инфраструктуры и веб-присутствия органов государственной власти.

Первые два основываются на официальных статистических данных, а последний строится на основе результатов обследования веб-сайтов правительства и пяти министерств – финансов, здравоохранения, образования, труда, социального обеспечения. Обследование веб-сайтов проводится в рамках подготовки индекса, они оцениваются с точки зрения информационного наполнения, функциональности, а также их использования для предоставления государственных услуг в электронной форме.

В этой сфере за последние 4 года в Российской Федерации было осуществлено многое, особенно на порталах федерального уровня, которые и являются предметом оценки в рейтинге ООН.

А.Д. Дерендяева

Алтайский государственный университет, Барнаул
**ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛИДЕРСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ**

Категория «политическое лидерство» представляет собой относительно новый, но уже достаточно исследованный феномен современной политической жизни России. В настоящее время собран обширный материал, состоящий из анализа, типологии и конкретных элементов политического лидерства, методики популяризации лидеров. Однако исследователи довольно часто анализируют в своих работах личностную природу, роль и ответственность публичных политиков в принятии управленческих решений на государственном уровне, уделяя внимание теоретическому осмыслению «определенных» групп лидеров в современном обществе, и не затрагивая анализ аспектов политического лидерства в молодежной среде.

Данная проблема особенно важна, поскольку именно молодёжь является одной из тех социальных групп, которая служит фактором институциональных инноваций и эффективности становления общества. Ведь именно из молодёжной среды формируются новые политические лидеры, от деятельности которых будет зависеть дальнейшее развитие страны.

В настоящее время вопрос степени включенности молодёжи в политические процессы вызывает активные дискуссии. Многие авторы делают акцент на том, что молодёжь является активным субъектом современных политических процессов и преобразований, и только отсутствие в России развитого гражданского общества, несовершенство деятельности и функционирования различных институтов политической системы мешают российской молодёжи реализо-

вать имеющийся у неё творческий потенциал в политической сфере. Например, И.Н. Кольжанова обращает внимание на такие положительные моменты в модернизирующейся России, как омоложение властных структур, проникновение молодёжи в социоактивные группы предпринимателей, формирование новых образцов политической культуры, создание собственных молодёжных организаций, выдвижение политических лидеров, структурирование молодёжных политических движений.

Другие исследователи считают, что молодёжь постсоветской России негативно настроена по отношению практически ко всем властным структурам, отрицательно воспринимает развитие политической ситуации в стране, не видит для себя возможности оказать влияние на политический процесс, поэтому граждански пассивна и аполитична. А. Антонов утверждает, что «часть той молодёжи, которая осознает существующие проблемы в стране и желает предложить пути выхода из сложившегося положения, очень мала. Даже такой простой способ влияния на политическое развитие, как выборы, использует крайне малое число молодых людей. Статистика неумолимо свидетельствует о резком падении числа именно молодых избирателей, что говорит и о соответствующем отношении к политике вообще» (Антонов А., 2008).

Западными авторами (Р. Инглхарт, Барнс, Каазе) данный спад политического участия объясняется как повышение уровня недоверия к власти и эмансипации от нее. Исследование, проведенное в рамках «World Values Survey» с 1980 по 2010 гг., также указывает на две противоположные тенденции: с одной стороны, человек эмансипируется от традиционного участия в политике, с другой – резко расширяется масштаб противозлитной активности (Инглхарт Р., 2011, с. 139). Методика «World Values Survey» в противозлитную активность включает петиции, демонстрации, бойкоты, флеш-мобы, митинги, шествия и иные различные ненасильственные акции, направленные снизу против власти. Противозлитные политические акции «не являются прямым отражением объективных поводов для недовольства», – утверждает Р. Инглхарт, – и не коррелируются с уровнем электоральной активности западной молодежи. Во-первых, в случаях угрозы

демократии и обострения ситуации в стране, молодежь активизируется и принимает участие в выборах (например, Болгария 1997 г. и Словакия 1998 г.). Во-вторых, молодые люди способны быстро мобилизоваться во время каких-либо отдельных событий (революций, бунтов, восстаний, волнений, гражданских акций неповиновения). В-третьих, активность молодежи в основном проявляется в виртуальном пространстве (участие в онлайн дискуссиях, обращение к официальным лицам через интернет). Конечно, участие через интернет свойственно современному обществу в целом, но молодежи в особенности, поскольку это наиболее продвинутый и компьютерно-грамотный слой населения. И наконец, для молодежи характерно самовыражение в различных сферах, которое тоже может иметь политический подтекст. Таким образом, опыт западных стран показывает высокую активность молодых поколений в сфере политического. Молодежь создает различные общественно-политические организации и движения, интеллектуальные клубы, школы гражданского образования, стремится участвовать в реальном политическом процессе, эмансипируется от власти. Данное обстоятельство оказывает существенное влияние на формирование новых эффективных институтов.

Другие исследователи – Вильям Штраус и Нейл Хоув – в своей теории выделяют несколько поколений, называя современную молодёжь – поколением Y (поколение Сети или Миллениум (годы рождения 1983-2003)), для которой характерен индивидуальный прагматизм, самонадеянность и политика невмешательства. Наибольший вклад они вносят в дела общины, в благоденствие, а также в сферу технологии. «Миллениум» активно и рационально возводит новые общественные институты. Российская же политическая практика препятствует формированию институтов «снизу», ставит барьеры институциональным инновациям молодёжи, тем самым снижая доверие к существующим институтам и уровень вовлеченности в их функционирование со стороны молодого поколения (Strauss W., 2011, с. 127).

Как показывают всероссийские опросы 2000-х гг. (ЦИРКОН 2006 г., ФОМ 2007 г.), российская молодёжь к этому

времени уже не проявляла интереса к политике и не желала становиться её активным актором. Молодые люди не видели и до сих пор не видят для себя возможности оказывать влияние на политический процесс, в качестве основных ценностей молодого поколения выступает далеко не политика (Российская молодежь...).

Так, согласно всероссийскому опросу ФОМ 2004 г. лишь 37% респондентов 18–35 лет интересовались политикой; почти две трети молодых сограждан (62%) не проявляли интереса к этой сфере. Обсуждали политические события со своими ровесниками 46% молодых респондентов, не обсуждали – 51% (Молодежь новой России: ценностные приоритеты).

В масштабном социологическом исследовании «Российская молодежь: потенциал политической мобилизации», проведенном Исследовательской группой ЦИРКОН в 2006 г. (общий объем выборочной совокупности составил 2856 респондентов), на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» 58% молодых людей ответили отрицательно. Более того, лишь 4% опрошенных отметили политическую жизнь как важную для себя сферу. Главное внимание молодых людей сконцентрировано на учебе (69%), семье (67%), работе (67%) и карьере (33%) (Российская молодежь...).

Аналогичные результаты были получены исследователями Института социологии РАН в 2007 г. Данный опрос показал, что всего 14% молодых россиян активно интересуются политикой, иногда политикой интересуются 52% и не интересуются вообще 33%. Главными ценностями для молодых выступают семья (70%), карьера, личный успех (64%), хорошее образование (51%). Что касается политической и общественной активности молодежи, то она также сравнительно невысока. На вопрос: «Приходилось ли Вам за последние год–два участвовать в общественной и политической жизни? И если да, то в какой форме?» почти каждый второй опрошенный молодой россиянин (49%) дал отрицательный ответ. Из различных видов политической деятельности 36% участвуют в выборах в органы власти различного уровня, 7% – в проведении избирательных кампаний, 2% задействованы в деятельности политических партий и общественных движений. На вопрос «Являешься ли ты

сторонником политической партии?», 49,2% ответили отрицательно, поддерживают «Единую Россию» 32,7%, ЛДПР – почти 7,2%, КПРФ – 1,7%, Яблоко – 1,1% (Молодежь новой России...).

Поэтому важным при изучении молодежного политического лидерства становится анализ факторов, влияющих на уровень политического участия, мотивы, побуждающие идти молодое поколение в политическую сферу.

Теоретической базой исследования послужат «теории политического участия», в которых дается анализ основных подходов к изучению политической активности, сложившихся в западной социологии и политологии и позднее воспринятых отечественной наукой. К таковым относятся теория рационального выбора, мотивационные теории и теория факторов политического участия. Однако теория рационального выбора концентрируется в большей мере на алгоритме принятия решений. Отдельный индивид представляется как рациональный субъект, просчитывающий заранее полезность того или иного выбора, решая для себя вопрос о включении в политическое участие. На практике такая модель имеет ограниченные возможности для применения, так как не может в полной мере объяснить механизм включения индивида в политическую активность, в частности выявить причины участия в политических организациях, поскольку пренебрегает многообразием мотивов, стимулирующих его (Котова К.А., 2013, с. 17). Исследователь М.В. Рыжкова, пишет, что данная теория носит ограничения в историческом, социальном контекстах, методах, математизации, иррациональности, информационных ограничителях и т.д. Ограниченное историческое применение выражается в том, что теория не распространяется за рамки Нового времени и рыночной капиталистической экономики. С помощью данной модели нельзя объяснить другие нерыночные и дорыночные механизмы социального обмена, прежде всего механизм дарения, игравший огромную роль в докапиталистических хозяйственных порядках. Теория носит внесоциальный характер, поскольку предполагает, что равновесие на рынке устанавливается автоматически и без явной помощи институтов, для чего

базовой посылкой является свобода воли индивидов. Таким образом, неоклассическая теория слабо представляет социальную структуру. Социальные отношения практически не оказывают влияния на поведение экономического человека, чье поведение сводится к автоматизму и т.д. (Рыжкова М.В., 2012, с. 29).

Данные недостатки можно компенсировать изучением внутренних механизмов, обуславливающих включение человека в политическую жизнь, которые исследуются в рамках мотивационных теорий участия. Одним из таких мотивов является потребность во власти. Сама потребность во власти, уровень ее развития коррелирует с целым рядом близких к ней потребностей – *affiliativeneeds* (аффилиативные потребности) в идентификации, групповой принадлежности и т.д. Их удовлетворение и развитие важно не только само по себе, но и для осознания молодёжью наличия у них общих целей, необходимости самим активно участвовать в их реализации.

Таким образом, использование власти может служить созданию приятных переживаний вследствие подчинения окружающих своей воле, что приводит к повышению своей самооценки. А также может служить и групповым интересам и целям.

С моральной точки зрения намерения субъекта власти могут оцениваться как плохие и хорошие, законные и незаконные. Именно в этом смысле Д. Мак-Клелланд различает два вида мотивов, называя их эгоцентрическими (личностно ориентированными) и социоориентрическими. В первом случае люди стремятся к власти не ради того, чтобы достичь определенных общественно важных целей, а лишь потому, что наличие ее приносит им удовлетворение. Такие люди используют все возможные средства принуждения, чтобы получить и усилить контроль над другими. Межличностное доминирование для них самоцель, составляет смысл их жизни. В структуре их мотивации другие стремления (например, познавательная или коммуникативная потребность) не играют особой роли.

Люди, у которых преобладает социоцентрическая мотивация власти, стремятся к ней, поскольку она предоставляет возможность достигать определенных

общественных целей (служит на пользу другим людям). В таком случае человек не только стремится к абсолютному доминированию (господству) над другими людьми, но и озабочен интересами дела. Тем не менее, они также несколько односторонне объясняют механизмы участия. Дело в том, что сами мотивы, образуя сложную индивидуальную иерархию стимулов политического поведения, не являются единственными стимулами участия. У личности может быть сформирована мотивация к осуществлению тех или иных политических действий, но только при определенных условиях они могут стать сигналом к политическому участию (Вятр Е., 1979, с.372).

При рассмотрении феномена политического участия важно учитывать, как субъективные – рациональные или экспрессивные – характеристики, так и объективные социальные факторы. В связи с этим предпочтение отдается теориям факторов политического участия, принципиально исходящим из признания политического участия как сложного явления, формируемого под влиянием целого комплекса факторов. Показывается, что методологически значимой в данном случае является не столько их фиксация, сколько признание того, что решающим для включения личности в политическую деятельность становится определенное сочетание внутренних и внешних стимулов, имеющее значимый побудительный эффект. В рамках этих теорий исследуются взаимосвязь и влияние на политическое участие таких факторов, как институционализация, уровень социально-экономического равенства и возможности социальной мобильности, стабильность и др. (Рыжкова М.В., 2012, с. 29).

Поэтому важно понять не только, какими мотивами руководствуется молодое поколение, (оценив его внутреннее состояние), но и отметить влияние внешних факторов, оказывающих большое значение, особенно на региональном уровне. Некоторые данные дают всероссийские опросы, но они не позволяют выявить особенности политического поведения молодого поколения, их роль и потенциал, факторы формирования молодежного политического лидерства. Для ответа на эти вопросы нами было проведено глубинное

интервью. Задачей данного исследования служит анализ поведения политических лидеров Алтайского края, ни как политических конструкторов, а изучение молодых лидеров через их индивидуальные истории, карьерные стратегии, реконструированные со слов информаторов. Анализируя общие особенности регионального политического лидерства среди молодёжи, стоит отметить, что все политические партии, имеющие мандаты в Государственной Думе, имеют отделения молодежных движений. В Алтайском крае, наиболее ярко проявляют себя: Молодая Гвардия Единой России (МГЕР, Единая Россия), Соколы Жириновских или Время молодых (Всероссийская молодежная организация ЛДПР), Социал-демократического союза молодежи «Справедливая сила» (Справедливая Россия).

В разработанном нами глубинном интервью было задано десять схожих вопросов респондентам, на основе ответов которых мы предприняли попытку формирования нескольких гипотез, характеризующих мотивы политического лидерства в молодежной среде.

Важнейшим аспектом является вопрос о том, что послужило стремлением заниматься политической деятельностью. Удивительным оказался тот факт, что ни один из респондентов не указал альтруизм как основной мотив, заставляющий прийти их в политику. Молодое поколение не склоняется к социоцентрическим аспектам, среди их ответов преобладает эгоцентрическая сторона, которая содержит такие мотивы, как «стремление к господству», «усиление контроля над другими», «межличностное доминирование», а также «возможность заработать капитал». Стоит отметить, что профессиональный стаж молодых лидеров немаленький – начиная работу с агитаторов, чтобы дойти до руководителей молодежных отделений политических партий, им потребовалось от 5 до 8 лет.

Образ «идеального политика» для молодых людей – это, прежде всего, доступный, компетентный, не забывающий о своем народе (преобладает социоцентрическая сторона), но с другой стороны это и «стремящийся реализовать свои планы», «умеющий достичь успеха», «руководить коллективами». Стоит

отметить, что для одного из респондентов таковым является В.В. Путин, для другого – В.В. Жириновский, а один из участников интервью, считает, что идеальных политиков нет. Причем респонденты отмечают, что они не соответствуют «идеалу» в настоящий период времени, но стремятся совершенствовать свои навыки во всех доступных им сферах.

На вопрос «Кем Вы себя видите в будущем времени?» все трое респондентов указали ответ: депутатами Государственной Думы РФ, причем молодежные организации для них выступают стартовыми площадками для «большой политики».

На вопрос, считаете ли Вы, что «Государство и его институты, способствует вовлечению молодёжи в политический процесс?», все трое респондентов выбрали ответ «такая работа ведется, но не постоянно».

Считаете ли Вы, что политическая карьера зависит от такой социальной мобильности, как родственные связи, дружеские отношения? Два респондента, согласились с утверждением, один респондент, дал следующий ответ: «не всегда, иногда преобладают личностные качества индивида».

Таким образом, небольшое глубинное интервью позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что среди молодого поколения, идущего в политическую сферу, преобладают эгоцентрические мотивы, которые с точки зрения теории рационального выбора и мотивационных теории, характеризуют современную молодёжь как социальную группу, стремящуюся максимизировать свою выгоду, свое частное благополучие через сферу политического, а основными чертами, описывающими их поведение, являются: индивидуализм, эгоизм, рациональность и обмен. Кроме того, теория факторов политического участия, подтверждает слабую институционализацию российских политических институтов, а также не совсем компетентную деятельность в области молодежной политики, закрытые социальные лифты, которые снижают политическую активность в молодежной среде.

Библиографический список

1. Антонов А. Проблема участия молодежи в политике // [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php3?Rub=365&id=13394>, (дата обращения: 27.08.2015).
2. Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979. – 456 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. - М.: Новое издательство, 2011. – 556 с.
4. Котова К.А. Участие молодежи в политических организациях современной России: автореф. дис. ... канд. пол. наук. – Москва: Московский гуманитарный ун-т, 2013. – С. 25.
5. Молодежь новой России: ценностные приоритеты // [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html (дата обращения 02.09.2015).
6. Российская молодежь: потенциал политической мобилизации» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf> (дата обращения 10.08.2015).
5. Молодёжь: 18-25 лет. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d092914>, свободный (дата обращения 04.09.2015).
7. Рыжкова М.В. «Провалы» теории рационального выбора» // Вестник Томского государственного университета / под ред. И. А. Петиненко. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. №3 (19). - С. 24-32.
8. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy // What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. - N. Y.: Broadway Books, 1997. - 411 с.

В.А. Должиков

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ АЛТАЯ В XVIII–XIX ВВ.

В отечественной исторической литературе интерпретация многосложной специфики системы управления Алтайским горным округом периода империи зачастую сводится к лукавому эвфемизму «кабинетское землевладение», искажающему характер собственности на землю и другие богатства региона (подробнее см.: Жеравина А.Н., 2005, с. 12–18, 243–253). Тем не менее, в датируемом 1861-м годом циркуляре Алтайского горного правления специально разъясняется, что «...земли и воды Алтайского горного округа по 1690 и 1801 ст. VII свода законов Устава Горного, изд. 1857 г., – составляют **частную собственность Государя императора** и, на основании 1860, 1891 и 1892 статей того же тома, **управляются Алтайским горным местным начальством**» (Государственный архив Алтайского края. Ф. 163. Оп. 1. Д. 57, лл. 40–41) (выделено мной – В.Д.). Судя по содержанию данного служебного документа, сами чиновники Кабинета его императорского величества хорошо понимали, кто в действительности владеет и пользуется природными ресурсами края.

Многоотраслевое хозяйство Алтайского горного округа представляло собой типичное «государство в государстве». На территорию этой отдельной региональной подсистемы, управлявшейся кабинетской бюрократией, не распространялась юрисдикция общеимперского законодательства. Здесь действовали свои «горные уставы», карательные «военно-судные комиссии», особая «горная стража» (История Алтая, 1983, с. 88–89, 100, 102, 111, 126–127). Фактически регион находился в ситуации постоянно поддерживаемого, хотя и не объявленного чрезвычайного положения. Неслучайно алтайским горнозаводским комплексом управляли по преимуществу «русские немцы» или «немецкие русские», как называл их А.И. Герцен (Герцен А.И., 1859). К закрепощенному приписному крестьянству господа-управляющие относились как к низшей

касте, что добавляло к межсословному конфликту в регионе определенный этнофобский оттенок (подробнее см.: Должиков В.А., 2015). Чужестранное происхождение большинства назначаемых из Петербурга высших кабинетских начальников лишь дополнительно подчеркивало антинародный, «оккупационный» характер царивших здесь порядков.

Неизбежным следствием такой специфики являлась институциональная коррупция, проникавшая во все слои бюрократии Кабинета его императорского величества. Это факт, достоверность которого подтверждают как исследователи, так и очевидцы. По личным наблюдениям современника, для местных коррупционеров «главная задача состояла в том, чтобы как можно более затруднить крестьянам отбывание заводских работ и чрез это собирать с них больше денег за фиктивно отбываемые работы». Данный способ незаконного присвоения денежных средств был вполне сложившейся «системой, дававшей возможность дельцам наживать громадные капиталы» (Бергал, 1882). Вспоминая о своем путешествии по Алтаю, автор бестселлера «Сибирь и ссылка» Джордж Кеннан сообщает о знакомых ему горнозаводских начальниках в Барнауле, которые, «получая 2-3 тысячи рублей годового жалованья, имели «доходы» в 100 и более тысяч». Они «платили гувернантке-француженке свое годовое жалованье, французу-повару – вдвое больше, а свое грязное белье отправляли для стирки по почте в Париж» (Кеннан Дж., 1906, с. 44).

В период первой в истории России политической «оттепели» (1856–1861 гг.) на беспрецедентные масштабы коррупции в Алтайском горном правлении обращали внимание М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Г.Н. Потанин и В.Д. Скарятин (подробнее см.: Должиков В.А., 2015). Благодаря усилиям этой группы русских публицистов масштабные злоупотребления властью чиновников Кабинета получили довольно широкую огласку. Высокопоставленными алтайскими коррупционерами заинтересовалась, что само по себе примечательно, государственная политическая полиция – III-е Отделение. По просьбе вновь назначенного на должность томского губернатора А.Д. Озерского начальник VIII-го (Сибирского) округа корпуса жандармов Я.Д. Казимирский направил в Барнаул обер-офицера

Герасимова со специальной миссией, чтобы выявить «факты противозаконного обогащения служащих по Алтайскому горному ведомству». Однако сам генерал признавался в письме к А.Е. Тимашеву от 2 июня 1858 г., что «всякое формальное исследование по этому предмету... никак не раскроет тайн внутренней администрации Барнаульского Округа, весьма хитро и математически сложенных и поддерживаемых в С.-Петербурге теми лицами, до коих это дело касается».

За время своей двухмесячной командировки жандармский подполковник разузнал о чиновном мире Барнаула много чего интересного. В своем служебном рапорте от 20 марта 1859 г. он приводит собранные сведения о коррупционных «подвигах» бывшего начальника Алтайских заводов А.Р. Гернгросса, в том числе описывая «безумную роскошь» демонстративно дорогих нарядов супруги полковника, которые по почте заказывались из Парижа. «Вредное влияние ее на общество и даже на служебные дела, – сообщает Герасимов своему шефу, – усугублялись тем, что муж ее состоит в ее полном и раболепном расположении – раздача мест, производств(о) в чины, назначение к другим наградам состояли под ее влиянием». Попутно устанавливались протекционистские связи коррупционера с высокопоставленными покровителями в столице. «Поддержкою Гернгросу, – как выяснил этот обер-офицер, – служит родной брат его Директор департамента Горных и соляных дел генерал-майор Гернгрос и член Кабинета Е.И.В генерал-майор Соколовский, бывший долгое время начальником Алтайских заводов и наживший огромный капитал». В столице на обличительную информацию реагировали, впрочем, весьма характерным образом. Отвечая жандармскому ведомству, председатель Кабинета П.К. Мейендорф сообщил, что поскольку Гернгросс «в течение последних пяти лет, проведенных в Барнауле, ...заметно продвинул вперед горное производство, то ему Всемилоостливейше (императором лично – примеч. мое – В.Д.) **пожалована украшенная бриллиантами табакерка с вензелем**» (ГА РФ. Ф. 109. 3-е Отд. 1-я эксп. Оп. 33. Д. 184. лл. 1–1об, 11–13об, л. 25–25об) (выделено мной – В.Д.).

Среди множества факторов, обусловивших укоренение поистине тотальной коррупции в регионе, следует выделить

дистанционный характер подсистемы бюрократического управления алтайским горнозаводским хозяйством. Патриархальная лояльность местных чиновников, служившим правящему монарху, который одновременно был для них верховным собственником-нанимателем, кстати говоря, в основном и обеспечивалась за счет их коррупционного подкупа. Как бы не замечая многочисленные злоупотребления со стороны Кабинета и жертвуя частью своих доходов, император получал взамен гарантированную «львиную долю» денежной ренты, поступающей от добычи и выплавки на Алтае драгоценных металлов (подробнее см.: Жеравина А.Н., 2005, с. 263–287).

Имеются все фактические основания полагать, что на территории Русского Алтая в XVIII–XIX вв. успешно функционировал традиционный для имперского самодержавия институт верховной «властесобственности» (или «властисобственности», в другом варианте) (Нуреев Р.М., Рунов А.Б., 2002; Пивоваров Ю.С., 2006, с. 62). Кабинетская бюрократия управляла этим хозяйственным комплексом из столицы дистанционно, через своих служилых агентов. По своим историко-генетическим корням, на мой взгляд, этот институт восходит не только к дистанционной модели управления ордынского типа, но и к пресловутой «опричнине» (от старорусского «опричь» – особо, отдельно, кроме). *«Сущность опричнины, – по верной оценке А.А. фон Бринкмана, – как управления страной через чуждых ей и близких ко двору лиц, – управления, в котором усмотрение попечительной власти ставится выше твердых указаний закона, а голос народа заранее подозревается в крамоле против этой попечительной власти, – эта сущность осталась и определяет историю России вплоть до настоящего времени»* (Бринкман А.А., 2006, с. 111, 114) (курсив автора – А.Б.).

Первым данный политический идеал, как известно, попытался осуществить во второй половине XVI в. Иван IV Грозный. «Гениальным для самодержца ударом, – отмечает русский исследователь начала XX в., – он расколол свою державу на **опричнину** и **земщину** и этим **в долготу веков** предначертал все ее исторические судьбы» (Бринкман фон А.А., 2006, с. 111). Институциональное выделение московским

государем «опричнины» – территориально и типологически обособленной подсистемы государственного управления, где в отличие от земской сословно-представительной монархии все должностные лица **назначаются** царем-самодержцем, – следует расценивать, по-видимому, как не слишком удачную попытку строительства «властной вертикали» будущей наднациональной централизованной **империи**. Позже данный проект возобновил Петр I, а завершали его реализацию уже преемники. В частности, незаконнорожденная дочь первого российского императора и М.С. Скавронской – Елизавета – после удавшегося государственного переворота сначала полностью овладела верховной абсолютной властью, а затем в 1747 г. обратила земли и ресурсы Алтая в свою личную собственность. Так с помощью насилия ею был основан императорский **«майорат, украденный у государства»** (определение А.И. Герцена) (Герцен А.И., 1860, с. 721–722). Впоследствии немалыми богатствами края воспользовалась германская по своему происхождению Голштейн-Готторпская династия, представители которой под псевдонимом «Романовых» владели до 1917 г. всей страной, излишне самонадеянно именуя себя «Хозяевами земли Русской».

Современные исследователи продолжают рассматривать всероссийскую империю XVIII–XIX вв. как государственность «вотчинного», то есть по сути европейского феодального типа, воспроизводя при этом известную концепцию Р. Пайпса (подробнее см.: Пайпс Р., 1993). Однако в данном случае вольно или невольно камуфлируется азиатско–крепостническая ее специфика. Намного точнее, полагаю, отражает реалии афористичное определение, сформулированное идеологами классического русского народничества – М.А. Бакуниным и А.И. Герценом, которые именовали этот политический режим **«германизированным Чингисханом»** (см.: Бакунин М.А., 1989, с. 254; Должиков В.А., 1997, с. 10–13) (выделено мной – В.Д.). Примерно так же, но с идеологически противоположной точки зрения, генотип имперского режима впоследствии характеризовали русские мыслители-евразийцы. «И главный вывод, который они для себя сделали, – констатирует А.А. Синева, – российская государственность является прямой

наследницей государственности Чингисхана» (Синева А.А., 2009, с. 77). По мнению многих современных авторов, у «матрицы» отечественного государства, действительно, имеются традиционные восточно-деспотические корни (об этом см.: Кирдина С.Г., 2014; Макаренко В.П., 2013; Нефедов С.А., 2002)

Вотчина – это все-таки вполне легитимная форма частно-семейной собственности, наследуемая по мужской, генеалогически прямой линии от одного юридического лица к другому в соответствии с традициями старорусской (боярской) феодальной аристократии. В домонгольский период вотчинный уклад был основной опорой земской системы государственного управления. На низовом уровне совместно с волостным сельским и городским слободским самоуправлением он служил мощным сдерживающим противовесом имперской «опричной» тенденции.

С демократической точки зрения, опричнину как государственный институт вообще трудно признать законной, поскольку она не санкционирована даже формально главенствующим субъектом права и власти – самим народом или, хотя бы высшим элитным его слоем, представляющим его во власти. В историко-юридическом же смысле опричная «властесобственность» с вотчинным традиционным правом никак не связана. Главный источник возникновения данного института – это абсолютный произвол деспотичной верховной власти, которая с превентивной целью практиковала негативную селекцию, непрерывно уничтожая социокультурные аристократические и этнократические традиции земского сообщества «лучших людей», то есть русской элиты.

Именно после преждевременной смерти единственного в XVIII в. легитимного наследника верховной власти в России – Петра Алексеевича Романова II-го – по итогам череды так называемых дворцовых государственных переворотов юридическое право на верховную власть и на вотчинную фамильную собственность Дома Романовых *de facto* стало ничтожным и полностью утратило свою силу. В результате произошла насильственная подмена правящей династии. Отныне в XIX–начале XX вв. престол Российской империи занимали уже самозванцы «сверху» – монархи германской

фамилии Голштейн-Готторпских (лже-Романовы). Поэтому легитимность их властных полномочий представляется в исторической ретроспективе крайне сомнительной.

Итак, среди факторов, способствовавших укоренению институциональной коррупции в Алтайском горном округе рассматриваемого периода, следует выделить дистанционный характер подсистемы бюрократического управления региональной экономикой, а также азиатско-деспотическую, «опричную» специфику института властесобственности Российской империи. В «кабинетском» хозяйстве уже отчетливо видны черты матрицы-прототипа, свойственные всем известным сегодня модификациям отечественной государственности (Кирдина С.Г., 2014). Кроме традиционной коррупции здесь, например, можно выявить генетически предшествующие формы редистрибуционной «продразверстки», общинной принудительной «коллективизации» зависимых от власти крестьянских домохозяйств, карательных «частей особого назначения» и других одиозных институтов будущего тоталитарного режима.

Библиографический список

1. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М.: «Правда», 1989. – 622 с.
2. Бергал. Горная исповедь (из жизни сибирских заводов) // Восточное обозрение. – 1882. – №19.
3. Бринкман фон А.А. Неполномощные законы. К психологии русской исполнительной власти // Полис. – 2006. – № 1. – С. 110-121.
4. Вольчик В.В. Зависимость от пути предшествующего развития в эволюции института собственности в России // Научные труды ДонНТУ. – 2005. – Серия: Экономическая. – Вып. 89-1. – С. 60-66.
5. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон-Женева. Факсим. издание. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. II. 1859. №53. 1 октября. – С. 431–433.
6. (Герцен А.И.). Императорский Кабинет и Муравьев-Амурский // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева.

Лондон-Женева. Факсим. издание. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. III. 1860. 15 июля. № 87–88. – С. 721–742.

7. Должиков В.А., Усольцев А.В. Русские демократы-народники о статусе Алтайского горного округа в системе имперского крепостничества // Известия Алтайского государственного университета. – Серия: История. – 1997. – №2. – С. 10–13.

8. Должиков В.А. Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – Серия: Исторические науки и археология. – 2015. – №4/1 (88). – С. 104–108.

9. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 324 с.

10. История Алтая. Ч. 1. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. – 185 с.

11. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. В 2-х ч. – СПб.: Изд-во Вл. Распопова, 1906. – 287 с.

12. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 468 с.

13. Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. – 2002. – №1. – С. 30–53.

14. Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. – 2002. – №6. – С. 10–31.

15. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1. – Ростов н/Д, 2013. – 649 с.

16. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 424 с.

17. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. – М.: РОССПЭН, 2006. – 168 с.

18. Синева А.А. Н.С. Трубецкой об идее влияния монгольско-татарского фактора на развитие русской государственности // История и теория политической науки: сборник статей. Вып. 2. – Барнаул, 2009. – С. 75–78.

19. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция: очерки теории. – М.: Изд-во РГГУ, 2000 – 365 с.

В.В. Дубицкий

Тюменский государственный университет, Тюмень

ИНСТРУМЕНТЫ И ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО PR В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Управление во всех сферах политической и общественной жизни, реализуется через коммуникацию субъекта и объекта управления. Роль коммуникации в государственном и публичном управлении постоянно возрастает, а сама коммуникационная составляющая усложняется. В таких условиях большое значение приобретает главная в плане организации коммуникации технология Public Relations (PR) – связи с общественностью. Бурное развития политического PR начинается после завершения Второй мировой войны, с тех пор потребность в нём только возросла, это связано с двумя объективными факторами: демократизацией политики и информацией общества. Первый фактор заключается в массовизации политики, в развитии демократических практик и политического рынка, а также в пересмотре взглядов на стандарты эффективности и справедливости государственного управления в пользу, так называемой, модели «governance», предполагающей активное участие в процессах публичного управления негосударственных акторов. Информатизация общества, начавшаяся ещё в эпоху индустриализма при содействии научно-технического прогресса и трансформации института СМИ, влечёт за собой явления медиатизации и виртуализации политики – с одной стороны они делают её более публичной и широкодоступной для масс; с другой – учитывая правила медиа, упрощают её, делают более театрализованной, нередко, оторванной от реальности.

После отказа России от административно-командной системы государственного управления и перехода к демократическому режиму и соответствующим практикам, усвоения ею западных политических стандартов, крайне актуальной становится тема развития и совершенствования публичной политики и публичного управления.

Понятия публичного пространства и публичной политики лежат в сфере государственного управления и связаны с особым типом управления общественными отношениями, в основе которого, как считает А.Ю. Сунгуров, лежит традиционное для западной, либерально-демократической традиции деление права на публичное и частное, когда в сферу публичного относится и общественное, и муниципальное, и государственное – все, что не относится к частному (Сунгуров А.Ю., 2011). По его мнению, современное понимание публичной политики и публичного управления является близким к понятию governance («руководство», «управление без управляющих»), наиболее развитому в качестве модели управления в теории политических сетей (policy network), которая отвергает использование старых принципов деятельности иерархических, бюрократических структур и исключительно рыночных принципов организации государственного управления. Государственное управление, осуществляемое органами государственной власти сильно связывается с теорией демократического принятия решений при выработке политического курса. При сохранении ведущей роли государства (представленного подсистемой государственного и муниципального управления), эта модель предполагает активное участие в процессах управления и принятия политических решений негосударственных акторов; вместе с этим возрастает координационная, стимулирующая роль государства, направленная на обеспечение совместных, согласованных действий государства и общества (Петров С.И., 2014). При реализации данной модели происходит развитие общественной коммуникации, дискурса и договора. «Руководство» осуществляется организацией переговоров между государственными и негосударственными структурами с целью определения взаимного интереса и налаживания совместных усилий для принятия политического решения, которое будет максимально устраивать все стороны этих переговоров; при этом инициатором переговоров выступает не обязательно государственная система. В образуемых коммуникацией сетях сложно однозначно выделить субъект и объект управления – все участники равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по конкретному вопросу, между ними

преобладают горизонтальные отношения. Такая модель эффективна для удовлетворения общественных потребностей, выработки решения по социальным вопросам и реализации разработанных проектов. Роль коммуникации в данных процессах колоссальна, следовательно, как особый инструмент управления политическим процессом нужна информационно-коммуникативная технология PR.

Акторами публичной политики, активно участвующими на многих этапах процесса подготовки, обсуждения, принятия и реализации властных решений, направленных на разрешение важных для государства и общества проблем, наряду с органами государственной власти и местного самоуправления, являются: политические деятели, движения и партии, гражданское общество в лице НКО, бизнес-структуры (компании, ассоциации и пр.), СМИ, а также, экспертное и академическое сообщество и пр. Следует особенно подчеркнуть, что в процессы решения и управления вовлечены не только формальные, но и неформальные акторы политического процесса, различные клиентелы, элитные группировки, группы давления и т.д. Взаимодействуя между собой публичные акторы образуют поле публичной политики, которое может расширяться или сужаться в зависимости от степени участия разных акторов. Форма организации акторов, характеристики их ресурсов, совокупный капитал, позволяющий, так или иначе, воздействовать на политический процесс, оказывают решающее влияние на облик публичной политики. Структуры, способствующие расширению поля публичной политики, могут создаваться как со стороны гражданского общества, так и со стороны государства, например, институт Уполномоченного по правам человека, Общественная палата, и пр. Сужению публичного поля противодействуют процессы глобализации, рост влияния международных организаций и их стандартов прозрачности на внутренние процессы государства, а также взаимодействие национальных и международных неправительственных организаций.

Сфера публичного управления отличается крайней конкурентностью. С одной стороны, интересы и проблемы, существующие в обществе, часто являются разнонаправ-

ленными и даже противоположными. С другой стороны – при ведущей роли государственных структур существует конкуренция различных политических сил за представление интересов населения в этих государственных и муниципальных органах, на соответствующих властных постах. Не считая государственных институтов, образующих особую подсистему государственного управления в системе публичного управления, к политизированным участникам публичного процесса можно отнести политических лидеров, политические партии и общественно-политические организации и движения. Именно на них в демократических системах возлагаются такие важные функции как выявление и представительство интересов общества; политическое образование и воспитание граждан, в том числе формирование общественного мнения; вовлечение общества в политическое участие, мобилизация поддержки и борьба за власть. В такой ситуации политизированные акторы публичного пространства выступают субъектами управления по отношению к обществу, однако объект здесь не всегда осознаёт себя в качестве такового из-за доминирования горизонтальных связей. Все названные субъекты представляют определённое видение публичных проблем, отражают общественные настроения и мнения и могут участвовать в выборах. В таких условиях поле публичного политики представляется в виде политического рынка, где действуют маркетинговые законы и технологии, а взаимодействие субъекта и объекта управления строится на отношениях спроса и предложения. Большинство публичных политических акторов не обладают государственной властью (за исключением случаев, когда политические силы и лидеры, находятся непосредственно у власти или в провластной позиции), а, следовательно, не имеют возможности применения административно-принудительных методов управления. Поэтому для них доступны лишь средства информационного, психологического и идеологического влияния, реализуемые через политический PR.

Публичная политика в современной России имеет ряд особенностей, обусловленных политическим прошлым, транзитными демократическими процессами и общей политической ориентацией государства.

Основные этапы становления и развития публичной политики в России включают в себя период демократизации публичного пространства в 90-х годах XX в., когда происходит оформление институционального дизайна демократического государства; период с 2000 по 2007 гг., когда политическая система в значительной степени противодействует укреплению публичности. При этом усиливается властная вертикаль и роль государства в социально-экономической сфере, а начиная с 2008 г. по настоящее время происходит развитие имитационной публичности, власть все активнее занимается конструированием массовых коммуникаций (Мирошниченко И.В., 2012).

Медиа-позиционирование благожелательных правящему режиму «игроков» выдавливает гражданский сектор и оппозицию на периферию политической системы, что в свою очередь, способствует формированию новых точек роста гражданской активности, актуализации «подпольной публичности» в on-line, так и в off-line пространстве сети Интернет (Мирошниченко И.В., 2012, с. 8).

Таким образом, политический PR в сфере публичного управления выступает практически единственным способом управления для публичных политических акторов, не обладающих государственной властью.

Для выявления форм, методов и инструментов PR, которые наиболее часто используются публичными акторами, нами был проведен анализ PR-деятельности трёх политических акторов, действующих на территории Омской области: члена Совета Федерации ФС РФ, представителя от законодательного (представительного) органа государственной власти А.И. Голушко, ОРО ВПП «Единая Россия» и ОРО ООО «Всероссийский Совет местного самоуправления» (ВСМС).

В результате исследования, проведенного в период с января 2013 по апрель 2015 г. в Омской области с применением метода глубинного интервью, а также анализа документов нами были сделаны следующие выводы.

Следует, прежде всего, отметить, что все рассматриваемые публичные акторы, являлись акторами провластными. Так, А.И. Голушко – действующий сенатор, «Единая Россия» – партия парламентского большинства, а ВСМС сотрудничает с

государственными и муниципальными органами власти, помогая им в реализации определенных функций. Такое положение отчасти определяет их имидж и методы работы в информационно-коммуникативном пространстве, лишая их нарочитой публичности, чрезмерного эпатажа, явных манипуляционных и агрессивных действий. Ключевым элементом в постоянной PR-деятельности всех акторов являются не идеологические и программные заявления, а демонстрация конкретных действий, событий, проектов и достижений.

В деятельности рассматриваемых акторов используются все возможные каналы коммуникации, но уровень представления, способы и инструменты работы значительно различаются и связаны с общей PR-стратегией и особенностями актора.

У всех акторов действует двухсторонняя модель работы со СМИ, присутствуют оба типа конструирования новостей (смысловой и повествовательный). В целом, наибольшие возможности в плане информационного присутствия в публичном пространстве демонстрирует сенатор, имеющий группу собственных СМИ, которые, несомненно, являются средством информационного присутствия, конструирования и давления. Партия также имеет собственное печатное издание и использует его как традиционное средство агитации.

Значительно слабее присутствие в СМИ следует отметить у общественной организации, которая делает ставку на прямую работу с населением и не обладает достаточной яркостью и масштабностью мероприятий для привлечения внимания СМИ, что затрудняет популяризацию деятельности организации для ряда групп населения, и, прежде всего, молодёжи.

Региональный уровень деятельности позволяет активно задействовать каналы общественных приёмных и механизмы непосредственного взаимодействия с населением, что характерно для всех акторов.

Кроме этого, ВСМС имеет практику создания партнёрских сетевых структур, в основу которой положено заключение соглашений о сотрудничестве. Так, ВСМС сотрудничает с рядом других общественных организаций и общеобразовательных

школ, с Администрацией города Омска, Омским городским Советом, партиями «Единая Россия» и «Справедливая Россия».

У всех акторов широко распространены специальные мероприятия, доминирующее место среди них принадлежит праздничным или развлекательным мероприятиям и акциям. Использование отдельных видов инструментов PR может полностью зависеть от условий внешней, по отношению к актору, среды, его положения, целей и видов деятельности.

Особое внимание акторами уделяется созданию такого инструмента как информационная продукция. Кроме этого, в деятельности всех рассмотренных акторов, присутствуют элементы рекламы, однако если в случае с партией реклама включена в комплекс электоральной коммуникации и в повседневной PR-деятельности обычно не используется, то у сенатора и общественной организации рекламные материалы используются как раз с целью продвижения мероприятий организованных вне электорального цикла.

Возможности применения мобилизационных и манипулятивных технологий, особых средств и техник, воздействующих на процессы восприятия, потенциально доступны для всех акторов. Из всех рассмотренных нами субъектов публичного управления, наиболее склонна к этому политическая партия, наибольший упор на рациональные методы и убеждение сделан у ВСМС.

В деятельности партии и организации используется механизм «переноса авторитетов», который использует обращение к образу своих публичных лидеров. Выстраивания коммуникации «от негативного» и использования критики для создания информационных поводов все акторы пытаются избегать. Пропагандистский элемент и характерные для него апелляция к чувствам и иррациональные компоненты наиболее характерны для партии.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что особенностью публичного PR, по нашему мнению, является принципиальное многообразие методов, инструментов, техник и приёмов, а также их комбинаций, которые могут быть использованы для успешного информационного сопровождения деятельности. Вид PR-сопровождения каждого конкретного

публичного актора индивидуален и определяется такими факторами как характеристика внешней среды, организационная форма, его политический капитал, имидж, ресурсные возможности, цели, вкусовые предпочтения.

Библиографический список

1. Сунгуров А.Ю. От редакции. Акторы и направления публичной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9. №2. – С. 149–150.
2. Петров С.И. Государственное управление и политические сети // Полис. – 2014. – № 4. – С 184.
3. Мирошниченко И.В. Публичная политика в современной России: состояние и тенденции развития // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – №3.

Н.А. Заусаева

Алтайский государственный университет, Барнаул

НАЧАЛО РЕФОРМ: ИСХОДНЫЕ МОМЕНТЫ

В условиях наступившего кризиса в современной России тема реформ, направленных на существенное обновление общества и его институтов, вновь и вновь пробивается сквозь слой традиционализма и нежелание охранителей власти и сложившегося порядка поднимать эту тему. В ее рамках говорят о векторах направления будущих реформ, их содержательном характере, возможных последствиях, трудностях на пути их реализации и многом другом. Для одних проведение реформ – вопрос практически решенный, но по каким-то причинам пока еще не реализующийся. Для других призрак реформ маячит где-то в весьма отдаленной перспективе, поскольку запас прочности сложившегося порядка позволяет существовать без изменений. Третьи считают, что процесс реформирования может начаться в любой момент, совершенно неожиданно, провоцируемый стечением различных обстоятельств. Тем более что современные мировые тенденции и прежде всего глобализация порождают все больше и больше таких обстоятельств.

Справедливости ради, следует отметить, что существуют исследователи, которые считают, что «в России реформы безостановочно идут вот уже четверть века, время от времени их интенсивность слабеет, но вскоре начинается новый тур, и нам все кажется, что, несмотря на все ошибки и промахи, повлекшие тяжелые жертвы и иногда безвозвратные потери, они должны, наконец, привести к какому-то окончательному результату» (Ионин Л.Г., 2014, с. 50). Действительно, анализ имеющегося опыта реформирования свидетельствует о том, что реформы могут приносить как позитивные плоды, так и негативные, то есть завершиться ничем или возвратом в исходное состояние. Итоги реформирования зависят от самых разных обстоятельств, как сопровождающих этот процесс, так и предшествующих ему.

Поэтому вопрос о начале реформ, их исходных условиях отнюдь не выглядит праздным. Поскольку процесс реформирования является содержанием модернизации, то и успех модернизационного цикла или модернизации в целом зависит от выбора момента начала реформирования, а он в свою очередь от наличия определенных предпосылок и условий. Запаздывание с реформами может не только снизить темпы развития общества, но привести к его стагнации и вытекающим из этого последствиям, в том числе, развалу сложившейся системы власти. Так, в испанском обществе к середине 1970-х после смерти Франко сложилась сложная ситуация. Анализ тенденций экономического развития свидетельствовал о нарастающем отставании от развитых европейских стран. Без реформирования общества этот процесс обещал стать необратимым. Именно это обстоятельство побудило сторонников и противников изменений сесть за стол переговоров по инициативе главы испанского правительства Адольфо Суареса и при содействии короля Хуана Карлоса I договориться о начале реформирования. Именно этот процесс сегодня рассматривается как классический вариант «пактового» перехода к демократии.

Углубление кризиса в современной России, прежде всего экономического и последующего за ним политического кризиса, все больше напоминает начало испанского сюжета, но пока с отсутствующими персонажами Суареса и Хуана Карлоса. В

России, как и в модернизирующейся Испании, есть сторонники и противники реформ. Одни ожидают реформы, поскольку с ними связывают появление новых возможностей и перспектив в развитии общества, своего региона, коллектива и реализации своих личных целей. Другие, и таких, как правило, большая часть населения, реформы продолжают ассоциировать с нежелательным процессом или даже социальным бедствием, вспоминая потери времен перестройки или девяностых годов. Они явно не учитывают другого урока постсоветской России, того, что «чем динамичнее развивается общество, тем более оно стабильно. Стабильность застойных обществ иллюзорна. Она чревата взрывом и распадом системы» (Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А., 2011, с. 177). Именно точка зрения отрицания реформ оказалась преобладающей и практически надолго устранила реформистскую тематику из политического и экономического дискурса в качестве приоритетной.

Различное отношение к обсуждению реформ обусловлено не только имеющимся удачным или неудачным опытом, но и природой политического режима. Так английский исследователь Ричард Роуз указывает: «В демократических режимах идут постоянные дискуссии о реформах, которые предлагаются с целью сокращения разрыва между существующими полиархиями и идеальной демократией, например, об изменениях в финансировании партий, в избирательных системах и децентрализации управления или сокращении или расширении полномочий правительства. Сторонники реформ наталкиваются на возражения со стороны защитников существующего порядка, утверждающих, что он – это лучшее, что возможно в несовершенном мире» (Демократизация, 2015, с. 63). Тема реформирования, по его мнению, важна и в конституционных автократиях, поскольку «основные противоречия возникают не между теми, кто поддерживает принцип верховенства закона и кто выступает против него, а между теми, кто хочет реформировать систему, и теми, кто выступает против изменений» (Роуз Р, 2015, с. 64). В плебисцитарных автократиях эта тема как постоянная не существует. Только увеличение доли голосов, отданных за оппозицию, правители могут рассматривать «как сигнал для осуществления ограниченных

реформ, чтобы продолжать автократическое правление» (Демократизация, 2015, с. 65). И, наконец, в неподотчетной автократии тема реформирования неактуальна.

Анализ начала реформирования в отдельных странах свидетельствует не только о значимости обращения к теме реформ, но и о некоторых важных моментах, влияющих на успех в осуществлении реформ и модернизации в целом. Прежде всего, важно обратить внимание на следующее обстоятельство, с одной стороны, очевидное, но с другой стороны, не учитываемое в нашей политической практике. Если в стране в общественном мнении господствующим является представление об успешности развития общества на данном этапе, о его самодостаточности, то из этого закономерно следует вывод о том, что оно не нуждается в реформировании, поэтому речь о реформах здесь оказывается неуместной. Такие условия вряд ли способны стимулировать процесс реформирования. Подобные оценки преобладали в конце Франкистской Испании и в Китае времен Мао Цзедунa.

Трезвая оценка сложившейся ситуации должна стать важным обстоятельством, обуславливающим серьезность намерений реформирования, желание осуществить необходимые для страны перемены. Зачастую она оказывается нелицеприятной, вызывающей раздражение власти или консервативно настроенной части общества, поскольку в ней содержится констатация кризисного или тупикового состояния, слабости экономики и бесперспективности для общества в целом. Только такой здравый (объективный) диагноз может служить отправным пунктом или толчком процесса реформирования. Примером может служить Франция конца 1960-х гг., когда исследователь бюрократии М. Крозье, осмысливая события 1968 г. и последующее состояние французского общества, охарактеризовал его как «заблокированное», то есть зажатое тисками бюрократизма и патернализма, которое не может сдвинуться с места и начать давно назревшие изменения. Это послужило для Крозье и его исследовательской группы отправной точкой в изучении модернизации в других странах и разработке программы реформ для французского общества.

Весьма показателен в этом отношении опыт трансформации Китая, по поводу которого до сих пор идут дискуссии. В частности, о том, могла ли у нас реализоваться китайская модель развития (Буров В.Г., Федотова В.Г., 2007, с. 271-272). Стоявший у истоков китайских реформ Дэн Сяопин начинал, хотя и очень осторожно, с констатации состояния страны. По этому поводу Генри Киссинджер пишет: «В отличие от Мао Цзедунa, взывавшего к своему народу при помощи представления о величественном блестящем будущем, Дэн Сяопин призывал народ взяться за преодоление своей отсталости» (Киссинджер Г., 2014, с. 359). В частности, он описывает эпизод на банкете 1979 г., когда Дэн Сяопин во время беседы с ним за одним столом стал рассказывать о своем видении необходимых изменений: децентрализации правительства, внедрении современных технологий, переходе к приоритету товаров широкого потребления, отправке тысяч студентов за границу для обучения. При этом в качестве главной проблемы он отметил необходимость исправления ошибок: «Мы уже наделали так много ошибок». Видимо, это было так важно для присутствующих на этом банкете китайцев, что они, как пишет Киссинджер, не только все замолчали, но даже не делали вид, что не слушают старца (Киссинджер Г., 2014, с. 356–357).

С признания отсталости своей страны начинались реформы в послевоенной Японии и в республике Сингапур в 1959 г. китайцем Ли Куан Ю. Даже известный «новый курс Рузвельта», по словам философа А. Пятигорского, начался с признания плачевного состояния американского общества (Пятигорский А., 2007, с. 12). Провозглашение политики гласности в эпоху Перестройки можно рассматривать как фактор выработки трезвой оценки состояния советского общества, его экономической и политической подсистем.

Другим весьма важным моментом начала успешного реформирования общества является требование перемен в системе образования как необходимого условия. Почти крылатым в XX в. стало выражение, характеризующее начало модернизации: «Любая модернизация начинается с реформирования образования». Выше названный французский интеллектуал М. Крозье задолго до начала реформирования

экономических и политических основ общества выступил инициатором реформы системы образования. Это позволило к началу реформ вырастить новое поколение с другими ценностными установками. Дэн Сяопин, призывая к преодолению отсталости, прежде всего обозначил проблему образования: «Ключом к осуществлению модернизации является повышение научно-технического уровня. Нельзя добиться развития науки и техники, не взявшись за образование. Пустыми разглагольствованиями модернизацию не осуществишь, для ее осуществления нужны знания, нужны специалисты» (Цит. по: Киссинджер Г, 2014, с. 359). При этом он подчеркивал, что не стоит бояться западного образования, и во главу угла ставил необходимость воспитания творческого человека. Джованни Арриги, анализируя истоки подъема Китая, отмечает, что «китайское правительство модернизировало и расширило систему образования с такой скоростью и размахом, каких в Восточной Азии не знал никто» (Арриги Д., 2009, с. 393). Известно, что в послевоенной Японии в рамках преобразования всех сфер жизни общества была проведена кардинальная реформа образования, которая полностью изменила всю его систему в соответствии с новыми задачами модернизации. Курировавшие преобразования в Японии американские эксперты пришли к выводу, что японское образование абсолютно не пригодно для дальнейшего использования и подлежит коренному реформированию. В первую очередь речь шла о ликвидации, укорененной в образовании идеологической конструкции. В школьных программах были аннулированы курсы морали, японской истории и географии, а Министерству просвещения предлагалось срочно подготовить планы пересмотра учебников по этим предметам. В новых учебниках в приказном порядке запрещалось касаться тем, связанных с ультра национализмом, национальной религией синто, почитанием императора, возвышением государства над личностью, расизмом. По выражению английского ученого и дипломата Дж. Сэнсома, американцы полагали, что дать Японии новую систему образования также просто как портному – сшить костюм (Япония..., 2011., с. 102). Но японцы, как всегда, решали эту

проблему путем компромиссов, создав систему, которая с необходимыми поправками в целом продолжает действовать и в настоящее время.

К числу важных вопросов, решаемых в период начала реформирования, можно отнести вопрос о мере, характере заимствований. Решение этого вопроса было обусловлено историческими и внешнеполитическими условиями, особенностями имеющегося опыта, степенью участия интеллектуальной элиты в процессе модернизации и другими обстоятельствами. Так, Джовани Арриги указывает на дискуссионность вопроса о степени самостоятельности китайских реформаторов (Арриги Д., 2009, с. 388–391). В этом вопросе ему близка точка зрения Дж. Гэлбрейта, который считает, что китайские реформы проводились не по рецепту неолибералов. Для доказательства Ариги приводит высказывание высокопоставленного чиновника Всемирного банка: «Китай представляет собой, может быть, лучший пример страны, прислушивающейся к советам иностранцев, но принимающей решения лишь в свете собственных социальных, политических и экономических обстоятельств... Успех Китая объясняется именно тем, что он не следовал слепо советам Вашингтонского консенсуса» (Цит. по: Арриги Д., 2009, с. 390). Известно, что скрупулезно и избирательно подошли к заимствованиям в процессе своей модернизации японцы. Члены исследовательской группы М. Крозье изучили модернизационные процессы в ходе длительных командировок в трех совершенно разных странах: США, Японии и Швеции. Обобщив опыт модернизации этих стран, ученым удалось выявить общие тенденции модернизации и подготовить предложения для проекта модернизации французского общества, реализованного в 1980-е гг.

Следует отметить, что по-разному реформы начинались в регионах модернизирующихся стран в зависимости от степени централизации государства, характера взаимодействия центра с регионами, наличия определенной ресурсной базы в регионе, субъективного настроения региональных элит и интеллектуального актора перемен.

Таким образом, знание исходных моментов, условий и обстоятельств, способствующих успешному реформированию в различных странах и регионах, может служить основой для разработки комплексной программы осуществления реформ отдельных сфер и всего российского общества с учетом его специфики и имеющегося опыта. В частности, экономический кризис уже стимулирует обсуждение состояния общества, экономики и политических институтов. Появляются реалистические оценки происходящего в элитных кругах, что, вселяет надежду на появление и других опорных точек в движении к необходимым реформам.

Библиографический список

1. Арриги Д. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456с.
2. Буров В., Федотова В. Китай как фактор будущего и тупики неолиберализма // Прогнозис. – 2007. – №3. – С. 271–284.
3. Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А. Гражданские инициативы и модернизация России. – М.: Ключ-С, 2011. – 336 с.
4. Демократизация / сост. и науч. ред. К.Р. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф.Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.
5. Ионин Л.Г. Парад меньшинств. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2014. – 176 с.
6. Киссинджер Г. О Китае. – М.: АСТ, 2014. – 635 с.
7. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 152 с.
8. Япония: опыт модернизации. – М.:АИРО-XXI, 2011. – 280 с.

Ю.В. Ирхин

*Российская Академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва*

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОЦЕССА

«Электронная демократия» («э-демократия», «виртуальная демократия») – форма демократии и политический институт, характеризующиеся преимущественным использованием современных информационно-коммуникационных технологий как актуального средства развития административных, политических и частных коллективных процессов на всех уровнях – начиная с местного самоуправления и заканчивая международным взаимодействием.

Понятие «электронной демократии» означает широкое использование электронных процедур, интернета и социальных сетей в политических, административных, бизнес- и гражданских организациях и управленческих процессах с элементами обратной связи. Речь идет о прямой и обратной интерактивной коммуникации, используемой для обеспечения как подготовки, так и участия граждан в политическом, административном и общественном управлении. Особенно актуальны: информирование, проектирование и формирование общественного (коллективного) мнения, принятие решений посредством электронного голосования и других электронных процедур, электронное контролирование исполнения решений и т.д.

Электронная демократия соотносима с демократией, понимаемой как в широком, так и в узком смыслах.

В широком смысле речь идет о форме устройства и функционирования любой организации, основанной на принципах равноправия входящих в нее лиц, принятия решений большинством голосов, периодической выборности и подотчетности органов управления избравшему их общему собранию, конференции, съезду, организации при широком использовании интерактивной коммуникации.

В более узком значении в политологии под электронной демократией понимается эффективное использования

интерактивной политической коммуникации в работе государственных и особенно негосударственных органов управления.

Следует различать электронную демократию и электронное правительство. Если последнее понятие означает повышение оперативности и удобства доступа к услугам именно государства из любого места и в любое время, то первое – относится к использованию информационных технологий для расширения возможностей каждого гражданина. Некоторые исследователи вместо термина электронная демократия употребляют термин сетевая демократия.

В этом смысле к сфере электронной демократии относится прежде всего деятельность сетевого интернет-сообщества по обсуждению, выдвижению и актуализации различных политических идей и инициатив, информационное обеспечение и организация различных политических и неполитических акций, а также участие в различных выборах.

Платформой для реализации электронного участия граждан является Интернет, доступ к которому может осуществляться через разнообразные каналы (персональные компьютеры, мобильные телефоны, интерактивное телевидение и т.д.). Так, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития и Организации Объединенных Наций, существуют три уровня электронного участия, отражающих степень вовлеченности граждан: 1) информирование, 2) консультирование, 3) активное участие. Они соответствуют трем основным целям: 1) увеличению информационной доступности и открытости, 2) более широкому вовлечению граждан в дискуссии по различным политическим и социально значимым проблемам, 3) расширению прав и возможностей граждан в определении политики.

Первые две цели (информирование и консультирование) реализуются посредством инструментов электронного участия, построенных по принципу «сверху вниз», позволяя гражданам быть информированными о происходящих политических событиях, а также реагировать на инициативы правительства, в то время как достижение последней цели опирается на инструменты участия, основывающиеся на принципе «снизу

вверх», согласно которому граждане являются не только потребителями государственной политики, но и ее производителями.

Следуя общемировым тенденциям, Россия также предпринимает попытки активизации участия граждан в решении различных вопросов государственной и общественной жизни посредством ИКТ. Среди них – утверждение программы развития информационного общества, предписывающей создание электронных сервисов для обеспечения общественного участия и контроля над деятельностью органов государственной власти. За последние несколько лет был принят целый ряд нормативно-правовых актов, формирующих правовую базу взаимодействия органов государственного управления с гражданами в электронном формате. Среди них следует назвать разработку «Концепцию развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года». Важным является правило, по которому власти будут обязаны рассматривать предложения, получившие поддержку не менее 100 тыс. граждан в течении определенного срока времени.

В соответствии с указанной «Концепцией» под электронной демократией понимается такая форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами. Электронная демократия наряду с электронным правительством является одной из базовых основ информационного общества.

Наиболее распространенными среди механизмов электронной демократии являются:

- электронное голосование (голосование по мобильному телефону, интернет-выборы и т.д.);
- механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line;

- механизмы формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий;

- механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;

- механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне.

Согласно концепции развитие механизмов электронной демократии до 2020 г. предлагается обеспечить в три этапа.

На первом этапе в 2011–2013 гг. планировалось, в частности: апробировать технические и программные решения при создании опытного образца Единой системы электронной демократии (ЕСЭД); внедрить ЕСЭД в субъектах РФ, в том числе и на муниципальном уровне, интегрировав её с региональными и муниципальными порталами органов власти; разработать и запустить мобильную версию ЕСЭД для использования гражданами на мобильных устройствах; обеспечить интеграцию ЕСЭД с популярными социальными сетями.

На втором этапе в 2014–2016 гг. предполагается расширить масштаб функционирования Единой системы электронной демократии до федерального уровня, реализовать в полной мере принцип субординации, обеспечить интеграцию ЕСЭД с федеральными порталами органов власти, а также с интернет-порталами информационных агентств и средств массовой информации, с большинством существующих сервисов массовой сетевой коммуникации граждан (форумы, социальные сети, блогохостинги, мультимедиахостинги и др.).

На третьем этапе в 2017–2020 гг. возможна разработка и внедрение дополнительных функциональных подсистем Единой системы электронной демократии. В плане организации электронного взаимодействия гражданского общества и органов власти перспективным направлением развития ЕСЭД может стать дальнейшее повышение уровня интерактивности за счет использования технологий онлайн-конференций, а также видеосвязи. ЕСЭД может быть использована в качестве удобной площадки для планирования и организации онлайн-

коммуникации чиновников с гражданами, организации онлайн-овых прямых линий и интернет-конференций (Концепция, 2012, с. 9–18).

По мнению разработчиков концепции, Единая система электронной демократии должна обеспечить участие граждан и организаций в общественном управлении на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, что должно положительно повлиять на качество предоставления государственных и муниципальных услуг на территории РФ, обеспечить повышение эффективности государственного управления, а также повысить удовлетворенность граждан деятельностью государственных органов власти и органов местного самоуправления.

Анализ отношения россиян к электронным формам участия в политике показывает, что до половины опрошенных выражают желание повысить собственную информированность за счет получения электронных рассылок с новостями о деятельности органов законодательной и исполнительной власти; часть из них готова воспользоваться онлайн-петициями.

Онлайн-чаты с политиками и должностными лицами также являются востребованным инструментом общественного участия у ряда респондентов. Онлайн-протесты, онлайн-дебаты и онлайн-митинги – привлекают внимание и участие до четверти опрошенных.

В то же время, значительная часть россиян не воспользовались бы ни одной из предложенных форм электронного участия. Те люди, которые не участвуют в политике, обычно не участвуют и в активной электронной политической жизни.

Важную роль в процессах электронной демократии играют политические блоги. В России блоги с политической направленностью не являются доминирующими в блогосфере (всего 10-12%), что, однако, нельзя сказать об их значимости, особенно в электоральные или политически острые периоды развития страны. Политический сектор блогосферы Рунета растет. Непосредственное развитие Рунета и приход в российское пространство широкополосного Интернета расширяет и переформатирует коммуникативное пространство

сети и помимо сайтов политических партий и персональных страниц политиков, в последние годы появилось много ярких политических блоггеров различного уровня, причем их значимость в социо-коммуникативном пространстве возрастает. Политический блог становится мощным имиджевым PR-инструментом, направленным, прежде всего, на целевую аудиторию лидеров мнений (Публичная политика, 2015. с. 438).

Внедрение инструментов электронной демократии в целом способно повысить уровень общественного участия и демократизации коммуникационной сферы. В то же время существует опасность ее ограничения и приватизации лидерами общественного мнения в интернете. С целью уравнивания в правах участников блогосферы, в 2015 г. в России был принят закон об обязательной регистрации блоггеров (по аналогии со СМИ), у которых в сутки регистрируется более 3 тыс. читателей.

Зарождающийся политический активизм в российском интернет-пространстве уже продемонстрировал свой потенциал влияния на баланс политических сил и доступ к власти через вынесение событий общественного значения на политическую повестку дня и мобилизацию части общественности для оказания давления на тех, кто наделен полномочиями принимать политические и административные решения. Интернет создает как новые возможности, так и может быть проводником угроз и ограничений для современной демократии.

Библиографический список

1. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. – М., 2012. – 28 с.
2. Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования /отв. ред. Л.И. Никовская. – М.: РОССПЭН, 2015. – 532 с.

А.С. Исаков

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

УГРОЗА «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» И РОССИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАМНЕЗ

Запрещенная в России так называемая группировка «Исламское государство» или ДАИШ, по мнению видных экспертов в сфере безопасности, является главной угрозой Российской Федерации. Данное мнение также было неоднократно озвучено МИД РФ. Обоснованность данного мнения доказывает применение вооруженных сил РФ на территории Сирийской Арабской Республики с целью противодействия данной группировке с воздуха.

Представляется, что мотивация для инспирированных авиаударов зиждется в двух аспектах:

Во-первых, внешняя потребность в сохранении режима. Данная новелла преследует широкий круг целей. Прежде всего, нынешнее руководство Сирии является важным региональным союзником России, поддерживает тесные отношения с Исламской Республикой Иран; в стране находится пункт материально-технического обеспечения ВМФ РФ. Также сюда можно отнести ряд политических и гуманитарных вопросов. Нынешнее руководство Сирии является легальным и легитимным, пришло к власти с помощью демократических процедур. Более того, попытки насильственной смены режима приведут к усугублению гуманитарной катастрофы, возрастанию смертности и экспоненциальному росту потока миграции.

Во-вторых, внутренняя потребность обеспечения безопасности. Данная новелла исходит из повышенной террористической угрозы со стороны ДАИШ. Особую актуальность данный аспект приобрел после заявления группировки об образовании на территории нескольких субъектов Северо-Кавказского Федерального Округа, так называемого вelaya, т.е. провинции ДАИШ. При этом основная опасность исходит не со стороны институционализированных структур группировки, а со стороны потенциальных сторонников – граждан РФ. По различным оценкам источников

МВД и ФСБ, в ДАИШ задействовано от двух с половиной до пяти тысяч человек, являющихся гражданами РФ.

Именно восприятие угрозы «Исламского государства» как внутренней, ставит вопрос о необходимости формирования обособленной государственной политики, направленной на противодействие вызовам исламского экстремизма. Фундаментом такой политики не может быть только военная операция, пролонгировано решающая проблема, также должны применяться комплексные меры аксиологического характера, связанные с конструированием идентичности и направленные, в долгосрочно перспективе, на минимизацию популярности ДАИШ в РФ и использование российских мусульман как культурно-охранительного фактора. В данном контексте, особую роль играют приверженцы традиционного ислама.

Как многонациональное и многоконфессиональное государство, современная Россия стоит перед вопросом оценки влияния ислама на политический процесс и безопасность граждан. Основа этого влияния зиждется в плоскости формирования альтернативной идентичности на базе религии и, как следствие, популяризации террористических группировок. Наиболее экстремальное проявление оформляется в виде ряда делинквентных феноменов, кульминативным выражением которых становится социальное отчуждение и, как наиболее потенциально опасная угроза, осуществление террора.

Для того, чтобы представить структурную картину угрозы, которую представляет «Исламское государство» для России, по аналогии можно рассмотреть кейс в двух измерениях: внешнем, как характеристику институциональных структур, имеющих в распоряжении ДАИШ; и внутреннем, как анализ угрозы формирования альтернативной идентичности, приводящей к появлению сторонников терроризма.

Характер и охват институциональных структур ДАИШ детерминирован сущностными характеристиками событий так называемой «Арабской Весны». В более узком значении существует выделяемый многими экспертами ряд непосредственных причин (Tome L., 2015, p. 118). Во-первых, вывод основного контингента американских военных из Ирака в 2014 г. Это привело к усилению про-шиитской политики в

стране, апологетом которой является бывший премьер-министр Нури аль-Малики, что создало базу социального недовольства среди суннитского населения, ставшего фундаментом «Исламского государства». Во-вторых, смерть лидера Аль-Каеды Усама бен Ладена в 2011 г. Это привело к изменению структуры и методов деятельности группировки, создав почву для возникновения региональных независимых групп, одной из которых и стала ДАИШ. В-третьих, порожденная «Арабской Весной» череда нестабильности на Ближнем Востоке и Северной Африке. Именно военное противостояние в Йемене и Ливии, волнения в Алжире, Тунисе, Ливане, создало организационный ландшафт для присутствия ДАИШ в данных странах. Определенные слои политического истеблишмента и слои населения представляют «Исламское государство» в виде конструктивной интегрирующей силы, реализующей космополитизм политического ислама. В-четвертых, гражданская война в Сирии. Инспирированный извне военный конфликт создал широкие возможности для участия в нем ДАИШ, а также привлечения на свою сторону разрозненных групп радикальных исламистов и часть т.н. «умеренной» оппозиции.

Также можно отметить факторы, реже называемые экспертным сообществом, но также оказавшие системообразующее влияние на институциональные структуры «Исламского государства». Прежде всего, это продолжающийся военный конфликт в Афганистане. Группировка рассматривается там как новый участник конфликта, способный к противостоянию с западной коалицией, что в перспективе может изменить региональный баланс сил. Сама группировка рассматривает Афганистан как плацдарм для наступления на Иран. Кроме того, видное влияние на оформление институциональных структур ИГ оказал ряд военных конфликтов в Африке. Различные группировки, вроде Боко Харам, присягнули на верность ДАИШ, составив вспомогательную базу для дальнейшего роста группировки и создания новых провинций «халифата».

Таким образом, можно говорить о том, что ДАИШ на сегодняшний день: «воссоздало [себя] в качестве профессиональной военной силы, способной к планированию,

подготовке, финансированию и выполнению комплексных и синхронных атак в Ираке» (Lewis J.D., 2013, p. 7) и других странах присутствия, к которым соответственно относятся: Алжир, Тунис, Ливия, Египет (синаяское отделение), Йемен, Сирия, Афганистан и иные страны, где находятся вспомогательные группировки, присягнувшие на верность. Можно заключить, что потенциал ДАИШ весьма многогранен, сама группировка представляет сетевую структуру, представленную в множестве государств, авангард которой участвует в вооруженном противостоянии в Сирии и Ираке. С такой позиции, попытка сдерживания с помощью российской авиации представляется своевременной и необходимой мерой, предотвращающей расширения военного противостояния вплоть до границ РФ.

С другой стороны, проблема ДАИШ касается внутренней повестки России. Число сторонников организации из стран бывшего СНГ, имеющих доступ в РФ, представляет прямую угрозу безопасности. При этом потенциальные сторонники ИГ либо стремятся попасть на контролируемые ей территории, либо осуществить противоправные действия на территории РФ. Именно использование террора как способа влияния на формирование политической повестки приводит к осмыслению проблемы безопасности в контексте идентичности. Если ранее существовал тренд формирования общенациональной идентичности, основанный на артикуляции исторически традиционных ценностей, часто инкорпорируемых в концепт национальной идеи; то современное измерение идентичности уходит на локальный уровень.

Угроза формирования локальных версий идентичности может быть выражена как варианты самоидентификации человека, его принадлежности к определенным сообществам, при отсутствии значимых аксиологических альтернатив. Локальная идентичность может быть создана с помощью нескольких оснований. Во-первых, идентичность, связанная с географической местностью: региональная, как житель Урала/Алтая; или муниципальная, как Екатеринбург/Барнаулец. Во-вторых, может иметь национально-этническую окраску, как русский, чеченец или калмык. В-третьих, может

быть основана на идеологическом базисе, как либерал. В-четвертых, может быть локализована на уровне религии. Современный академический дискурс особо акцентирует внимание на последнем, как являющемся конгруэнтным исчерпывающему репертуару актуальных угроз современности, актуализированных, в большей степени, влиянием ислама.

В данном контексте наличие значимого количества мусульман на территории РФ можно рассматривать в двух аспектах:

С одной стороны, существует подход, рассматривающий этот факт в качестве угрозы национальной безопасности. Данное мнение популяризируется среди бытового представления граждан, отчасти фрагментарно воспроизводится в академическом дискурсе. Его обоснованием является утверждение, что наличие мусульман создает потенциальную рекрутинговую базу сторонников ДАИШ. Доказательством чего являются приводимые в СМИ данные МВД и ФСБ о воюющих на стороне группировки россиянах. Однако при этом зачастую игнорируются культурные, аксиологические и теологические противоречия. Кроме того, закономерной является академическая традиция, рассматривающая наличие альтернативных инвариантов идентичности как угрозу безопасности в виду формирования вызова аксиологической гомогенности.

Предметное обращение к качественной составляющей влияния показывает, что основной негативной составляющей является автономность, зачастую приобретающая значение добровольной социальной автаркии. Данная новелла характерна для любых конфессиональных групп за исключением демографически наибольшей. С помощью автономизации община старается сохранить аутентичный и характер собственного вероисповедания, противостоять религиозной синкретии и обеспечить воспроизведение автохтонных элементов.

Большой уровень социальной автономии действительно представляет угрозу, так как ведет к социальной дивергенции. Это происходит за счет того, что ассоциированные с общиной люди могут терять устойчивые социальные связи вне общины и

претерпевают изменение в самоидентификации. Это ведет к обесцениванию окружающих людей для индивида и увеличивает риск делинквентных проявлений с его стороны. Также это может привести к аномии и необходимости расширения круга общения, что является одним из аспектов мотивации вступления в террористическую группировку.

С этой позиции, особую опасность представляют представители конфессии, для которых исповедание ислама не является традиционным для их этнической группы. Неофиты более подвержены риску социальной дивергенции, так как религиозная конверсия с их стороны ослабляет интенсивность социальных связей вне общины и увеличивает риск возникновения симпатий к экстремистским группам, характеризующихся высокой степенью сплоченности.

С другой стороны, можно рассматривать этот факт в противоположном значении – в качестве особого потенциала, сдерживающего рост «Исламского государства» и нивелирующего его влияние на территории РФ. Такой подход пролонгируется официальными представителями исламских структур в России, а также поддерживается наиболее крупными исследователями политического ислама. Он основан на локализованном изучении догматических и культурных особенностей российских мусульман, т.н. традиционном исламе. В этом качестве данные особенности могут быть выражены как совокупность исторических детерминант, так и могут быть рассмотрены с помощью политического анализа универсализированных особенностей религии.

В данном контексте важным является механизм формирования политических взглядов на основе религии, а именно – механизм легитимации политических изменений. Именно изучение данного механизма способно показать потенциал возможной ценностной конвергенции или дивергенции российских мусульман и сторонников ДАИШ.

Основу механизма легитимации политических изменений в исламе составляет правовая школа – мазхаб. Абстрагируясь от догматических особенностей, можно сказать, что мазхаб описывает доступный инструментарий для интерпретации любых изменений в обществе с последующим приданием им

негативной или позитивной презумпции. Большинство российских мусульман придерживается ханафитского мазхаба. С политологической точки зрения, данный мазхаб является наиболее умеренным направлением в исламе, содержит ряд особенностей, влияющих на отношение к политическим изменениям (Малашенко А., 2006, с. 135).

Во-первых, ханафитский мазхаб предполагает учет воли большинства как основу для процедуры легитимации политических изменений в обществе. Таким образом, с помощью демократических процедур натурализуются любые общественные новации, в т.ч. продвигаемые государством. Это позволяет российским мусульманам поддерживать высокий уровень социальной и политической адаптивности, что отличает их от любых экстремальных проявлений веры, акцентирующих внимание на клерикальной ортодоксии как способа деконструкции современного образа жизни.

Во-вторых, у приверженцев ханафитского мазхаба традиционно высокий уровень национального и этнического компонента самоидентификации (Исаков А.С., 2013, с. 88). В свою очередь, это антагонизирует с исламским ультрауниверсализмом, пролонгируемым любыми экстремистскими формированиями на базе религии, в том числе ДАИШ. Данные автохтонные особенности воспроизводятся в России в качестве акцента на национальные образования и концепции, свойственные наиболее крупным этническим группам, исповедующим ислам; в том числе находят свое отражение в национальном элементе федерального строительства.

В-третьих, на основе указанных особенностей, у российских мусульман-ханафитов традиционно высокий уровень инкорпорации в российское общество. Это позволяет увеличить эффективность потенциала государственной политики, направленной на профилактику исламского экстремизма.

В дополнение, наличие исторически обусловленных и интегрированных в российское пространство структур управления мусульман, позволяет говорить о крайне позитивном влиянии духовенства на процесс профилактики терроризма в целом.

На основании отмеченных особенностей, закономерно говорить о том, что наличие большого количества мусульманского населения в РФ является уникальным ресурсом, дающим государству потенциал для противодействия угрозе ДАИШ. Активация этого ресурса возможна за счет поддержки традиционного ислама и высокого уровня социальной инкорпорации мусульман.

Таким образом, политический анамнез угрозы ДАИШ следующей: с одной стороны, организация обладает значимыми ресурсами и представляет собой крупнейшую террористическую организацию современности, действующую по сетевому принципу. С другой стороны, наличествует значимое число факторов, нивелирующих его угрозу России. К таким факторам относится: большое число российских мусульман, активное противодействие группировке зарубежом и наличие особых политических интересов РФ в регионе действия, суммарным значение которых является задача стратегической стабилизации Ближнего Востока и Северной Африки, содействие прекращению гуманитарной катастрофы.

Библиографический список

1. Бартольд В.В. Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир. – М.: Книговек, 2012.
2. Исаков А.С. Политическая модернизация в странах исламского востока: проблема конвергенции периферии и центра – Саарбрюккен: LAPLAMBERT, 2013.
3. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокреницкого. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
4. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М: Весь Мир, 2006.
5. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. – 2014. – №12.
6. Lewis J.D. Al-Qaeda in Iraq Resurgent. Part II. Middle East Security Report 15, The Institute for the Study of War, September, 2013

7. Robinson L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.

8. Tome L. The «Islamic State»: trajectory and reach a year after its self-proclamation as a «Caliphate» // JANUS.NET e-journal of International Relations. – Vol. 6, №1. – May-October 2015.

Д.А. Казанцев

Алтайский государственный университет, Барнаул

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В современном информационном обществе стремительно растет влияние на политику знания и образования в целом. В связи с этим Ф. Уэбстер отмечает: «...если приглядеться внимательнее к политике, можно увидеть, что именно теоретическое знание лежит в основе многих политических решений» (Уэбстер Ф., 2004, с. 39). Существенную роль в этом явлении занимает высшая школа и, по мнению некоторых ученых, она может выступать источником модернизации политических режимов и систем. В частности, А.А. Аузан утверждает, что «...университет имеет возможность осуществлять культурный сдвиг, ...то, что происходит сейчас с нынешним поколением студентов, – это то, что через 15 лет будет происходить со страной, если вы производите элиты» (Аузан А.А., 2014).

Предположительно, высшая школа изменяет ценностные ориентации людей и политической элиты, в том числе, а они, в свою очередь, могут способствовать модернизации политического режима. Р. Инглхарт выяснил, что «между «ценностями самовыражения» и последующими показателями уровня демократии существует более сильная корреляция, чем между этими ценностями и предшествующим уровнем демократии. Таким образом, именно ценности человека оказывают решающее воздействие на процесс политической модернизации» (Инглхарт Р., 2011, с. 264).

В данной статье будет рассмотрено влияние высшего образования на уровень этнической толерантности молодежи,

прослежена корреляция, установленная Р. Инглхартом по уровню этической толерантности как составного элемента «ценностей самовыражения».

С точки зрения социальной психологии, толерантность – это, прежде всего, особое, идущее от самого человека, отношение к другому, это ценность, убеждение. Ценностными установками толерантности, как правило, выступают эмпатия (сопереживание, сострадание другому), альтруизм, миролюбие, доверие, сотрудничество, стремление к диалогу. На практике этническая толерантность наблюдается той или иной степенью дистанции между «своим» и «чужим». Чем ближе «чужой» к «своему», тем более толерантными являются отношения между ними и наоборот, чем дальше «чужой» от «своего», тем более интолерантны их отношения, вплоть до наделения «чужого» качествами кровного врага.

Особую значимость проблема толерантности приобрела в российском обществе, сложном по своему этническому составу. Всероссийские опросы, регулярно проводимые крупными аналитическими центрами, демонстрируют низкий уровень толерантности среди наших граждан. Наиболее подвержена ксенофобским настроениям такая социальная группа общества, как молодежь, она показывает уровень интолерантности выше, чем все население в целом. Тем не менее, среди исследователей бытует мнение, согласно которому студенческая молодежь более толерантно относится к представителям других этносов, чем не студенческая.

Для подтверждения выдвинутых положений использовались социологические материалы международного проекта Р. Инглхарта – «Всемирный опрос ценностей». Критерием выборки исследования выступила работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка». В ней автор выделяет «стержневые страны» или государства – лидеры в существующих цивилизациях: в западной – США, Германия, Швеция, в православной – Россия, в японской – Япония, в китайской – Китай, в индийской – Индия, в исламской цивилизации нами был выбран Иран, так как С. Хантингтон рассматривает несколько претендентов) (Хантингтон С., 2003, с. 603). В свою очередь, наличие и

качество высшего образования рассчитываются с помощью индекса человеческого развития потенциала ООН (далее ИЧРП). По данным ИЧРП 2014 г. США, Германия, Швеция, Япония являются лидерами в области оказания образовательных услуг. В аутсайдерах же расположились Россия, Иран, Китай, Индия (Центр гуманитарных технологий, 2009). В инструментарии «Всемирного опроса ценностей» имеются как прямые, так и косвенные вопросы, касающиеся этнической толерантности. Выяснилось, что ответы на косвенные вопросы пропорционально близки по значению с ответами на прямой вопрос, следовательно, будет корректно использовать ответы на прямой вопрос (предполагая косвенные) в качестве надежного измерителя уровня этнической толерантности. Отвечая на прямой вопрос, респондент должен был указать/не указать неприязненные нации и народы. В результате, уровень этнической толерантности будет равен количеству людей (в %), которые не указали неприязненные нации и народы в прямом вопросе. На основе ответов на этот вопрос был построен график общих трендов всех государств (среднее арифметическое) для людей с высшим образованием и для людей без высшего образования. Исходя из графика, гипотеза о том, что высшее образование (университет) является важной переменной, влияющей на уровень этнической толерантности, подтвердилась в глобальном масштабе. График убедительно демонстрирует, что люди с высшим образованием этнически более толерантны, чем без него.

В основу местного анкетирования (на базе Алтайского государственного университета (АлтГУ)) была положена методика, разработанная Центром политического анализа и технологий АлтГУ, который регулярно проводит опросы общественного мнения. Выборочный опрос охватил студентов первого, четвертого и пятого курсов естественных и гуманитарных факультетов АлтГУ. Анкета включала в себя 26 вопросов, касающихся различных аспектов межнациональных отношений. Общий объем выборки – 312 человек в возрасте от 17 до 25 лет. По результатам анкетирования определялся уровень этнической толерантности.

Измерение уровня этнической толерантности студентов выявило, что низкий уровень толерантности продемонстрировали всего 2,9% респондентов (9 анкет), средний уровень показали 35,6 % (111 анкет) и высокий уровень – 61,5 % (192 анкеты). Таким образом, предположение о том, высшее образование влияет на уровень этнической толерантности и что уровень толерантности в академической среде студенческой молодежи будет выше, чем у остальной молодежи, подтвердилось результатами исследования.

Следовательно, университет (высшее образование) оказывает самое непосредственное влияние на молодые умы. Поэтому его этнокультурная политика должна включать в себя систематическую просветительскую работу среди студентов, основанную на понимании ментальных особенностей, традиций того или иного народа в самых различных организационных формах: от обязательного включения в учебные программы спецкурсов по истории и культуре других народов до регулярного проведения психологических тренингов, круглых столов, диспутов, совместных занятий с иностранными студентами.

Проведенное разведывательное исследование нацеливает на дальнейшее изучение проблематики толерантности (вглубь и вширь) студентов за пределами академической среды (например, в условиях общежития), использование инновационных методик измерения уровня этнической толерантности (например, социальное экспериментирование), адаптации учащихся разных национальностей в университете и сравнение уровня толерантности среди студентов отдельных ВУЗов г. Барнаула, других городов России.

Результатом исследования стало построение культурной карты по методике Р. Инглхарта. В данном случае она демонстрирует зависимость между уровнем толерантности, высшим образованием и «ценностями самовыражения». Выяснилось, что для людей с высшим образованием более характерны «ценности самовыражения» (во всех странах), они в большей степени заинтересованы в демократизации, чем люди без высшего образования. Следовательно, люди с высшим образованием этнически более толеранты и более

демократичны. Таким образом, утверждение, согласно которому «высшая школа осуществляет культурный сдвиг» и впоследствии может привести к политической трансформации режима, подтверждается Всемирным опросом ценностей.

Библиографический список

1. Аузан А.А. Эффект колей // Постнаука. – 31.10.2014. – [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/longreads/35754> (дата обращения: 20.04.2015)
2. Индекс развития человеческого потенциала. Гуманитарная энциклопедия. Центр гуманитарных технологий. – 2009.10.10 (последняя редакция: 2015.02.14). – [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (дата обращения: 20.04.2015)
3. Инглхарт Р. Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития – М.: Новое издательство, 2011. – С 464 с.
4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

А.А. Керимов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В структуре обеспечения устойчивого развития современной России важное место занимают проблемы легитимности политической власти, определяемые такими фундаментальными явлениями как персонификация и моноцентричность власти, традиции патернализма, «отрыв» государства от общества, подрыв доверия государства к самому

себе, коррупция, бюрократизация государства, отсутствие у правящей элиты реальных стремлений к модернизации.

Как показывают итоги социологических опросов (ВЦИОМ, 2015), политическая власть в современной России пользуется достаточно высокой степенью доверия. Однако это доверие, оказываемое со стороны населения, не обеспечивает системную легитимность, ибо «она утратила всеобщий характер и наталкивается на легитимность иной природы, сосуществующую с ней в рамках одного социально-политического пространства» (Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л., 2006, с. 53–54). «В современной российской политической практике, – отмечает А.В. Скиперских, – чувствуется высокая степень ориентации на традицию, что активизирует и традиционалистический, консервативный дискурс, специализирующийся на охране и легитимации особого уникального пути России» (Скиперских А.В., 2014, с. 167).

Безусловно, за годы руководства В.В. Путина легитимность политической власти в России сильно возросла. Процессу легитимации власти, восстановлению доверия к политической власти способствовали такие факторы, как попытки России возродить себя в статусе мировой державы, воссоздание атмосферы безопасности, умелая идеологическая обработка масс и т. д. Однако такая легитимность, как уже выше отмечалось, несистемна. Более того, «политическая система, основывающаяся на конкретной фигуре, не может быть устойчивой и стабильной. Культура неучастия граждан, социальная апатия, недоверие друг к другу и к политическим институтам, стремление перенести всю ответственность «наверх» представляют собой серьезную угрозу для демократического развития» (Григорьева Е.Б., 2014, с. 46).

Повышение уровня легитимности политической власти в современной России, как отмечают специалисты, сопровождается одновременно «сдачей населением своих гражданских прав и ответственности действующему режиму, которая проходит при ослаблении сопротивления в отношении антидемократических тенденций в России» (Гудков Л., 2007). Включаются механизмы увода населения от политического участия, минимизации эффекта его влияния на управленческие

процессы. Подавляющее большинство населения «отворачивается от демократии, не желает существовать в условиях подлинной открытости и политической конкуренции» (Григорьева Е.Б., 2014, с. 50), но в то же время избиратели активно участвуют в выборных кампаниях и тем самым демонстрируют свою приверженность существующему режиму, легитимируют его.

Возникает закономерный вопрос: почему это происходит? Считаем, что этот феномен можно объяснить следующими причинами. Во-первых, низким уровнем развития гражданской политической культуры, которая не может способствовать становлению активистского типа личности. Во-вторых, манипулированием общественным сознанием. Транслируемые властью идейно-пропагандистские установки, не оставляют шансов для проявления организованного социального недовольства. В-третьих, модель развития, предложенная обществу, предполагает договор между властью и обществом об обмене демократических свобод на относительное экономическое благополучие, что и произошло в российском обществе в период становления современного политического режима. По этому поводу Е.Б. Григорьева справедливо отмечает, что «общество согласилось передать всю полноту власти В. Путину и его команде в обмен на проведение необходимых экономических и социальных реформ, которые, в конечном счете, должны были привести к экономическому процветанию, социальной защищенности, возвращению международного престижа страны» (Григорьева Е.Б., 2014, с. 51).

Главным элементом в структуре легитимации политической власти выступает личностный компонент. За всю постсоветскую эпоху в России другие легитимирующие компоненты, такие как идеологический, структурный, не получили развития, и их ценность и значение не были осознаны и усвоены гражданами страны.

Практика российского государственного строительства исторически сложилась таким образом, что власть здесь всегда носила персонифицированный характер, сопряженный с традициями патернализма. Это явление имеет глубокие исторические корни и определяется политической культурой

общества, которая непосредственным образом влияет на процесс формирования органов государственной власти, легитимность политической власти, определяет природу политического режима страны.

Отсутствие в обществе свободного индивида, политическое, социально-экономическое бесправие населения, концентрация власти в одних руках в России породили особый тип политической культуры. По оценке Г.П. Федотова, становление такого типа политической культуры стало возможным вследствие отказа русского народа от собственной свободы во имя национально-государственного могущества (Федотов Г.П., 1992, с. 284), хотя в мировой истории немало примеров, показывающих, что достижение могущества и процветание государства возможны через вовлечение граждан в общенациональный созидательный экономический, социально-политический процесс, а не путем исключения из него собственного народа.

Российский выбор «национального могущества» сформировал в психологии народа тип политической культуры, где «отношение к политической системе в целом является пассивным» (Алмонд Г., Верба С., 1992, с. 122). При такой системе народ, не вовлеченный в политический процесс, прежде всего ориентируется на власть и результаты ее деятельности и легко становится объектом постоянного манипулирования со стороны власти.

Обращает на себя внимание также традиционная аморфность общественной структуры и системы социальных связей. Российское общество всегда походило более на конгломерат, чем на стройную систему, в которой четко определены групповые интересы, права, обязанности по отношению к обществу и государству. «В результате многовековой политики государственного патернализма в широких слоях российского общества сформировалось устойчивое персонифицированное восприятие власти, отношение к ней сквозь призму политических лидеров, а не политических институтов» (Руденкин В.Н., 2002, с. 80). Подобный способ влияния власти на общество привел к таким негативным проявлениям, как неразвитость демократической

политической культуры и гражданского общества, пассивность со стороны населения в выражении своей политической позиции и отсутствие у него веры в возможность влияния на политическую власть. Под влиянием вышеперечисленных факторов в общественном сознании сформировалась устойчивая патерналистская культура, которая подтверждается и данными социологических исследований. Например, по данным Левада-Центра, в течение 1990–2013 гг. в ответах на вопрос: «какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали?», доля утверждающих, что «государство должно больше заботиться о людях», возросла с 57% до 83%, а удельный вес считающих, что «люди должны проявить инициативу», снизился с 25% до 9%. Согласно данным августовского опроса 2013 г., доля полагающих, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной опеки со стороны государства», составила 70%, против 20% респондентов, придерживающихся противоположного мнения (Левада-Центр, 2013). Более того, доля сторонников принципа такого устройства общества, когда власть должна заботиться о людях, за десятилетие (2001–2012) ниже 60% не опускалась (Левада-Центр, 2012, с. 36).

Пагубное влияние патернализма выражается в том, что он затрудняет процесс становления активного гражданского общества. На политической активности граждан негативно отражается привычка ожидания от верховной власти действия и вера в ее безграничные возможности осуществить изменения в обществе. Однако патернализм нельзя рассматривать как фундаментальную, непреодолимую преграду на пути к становлению партнерских отношений между государством и обществом. В этом отношении примечателен опыт послевоенной Германии, где немецкий народ, преодолев все тяготы разрухи, встал на путь создания демократического общества. Примеры послевоенной Германии, Италии, Японии показывают, что политическая культура способна меняться и развиваться и, следовательно, чувство патернализма тоже не является предзаданной установкой и неотъемлемой чертой психологии народа.

Колоссальную роль в делегитимации политической власти в России играет и такой фактор, как «отрыв» государства от общества, подрыв доверия государства к самому себе. Противопоставление властью себя обществу, игнорирование его требований, отказ от диалога с обществом, непонимание его глубинных потребностей – это далеко не полный перечень трудноразрешимых противоречий, которые исторически присущи процессу государственного строительства России. Эти факторы особенно усиливались в переломные периоды, когда остро ставился вопрос о необходимости модернизации страны.

Модернизацию в России власть всегда интерпретировала по-своему. В то же время очевидно, что для успешного проведения реформ требуется соблюдение определенных условий. Прежде всего, реформы должны соответствовать социокультурным особенностям народа. Предлагаемые властью реформы во всех отраслях общественной жизни должны находиться в согласии с менталитетом, культурой, историческими традициями народа. Если нововведения не воспринимаются и не усваиваются большинством населения, а, наоборот, вызывают негативные эмоции, усиливают социальный дискомфорт, то это обычно приводит к росту его недовольства, а иногда и вспышкам агрессии, провоцирует активную часть населения к радикальным действиям и создает в обществе атмосферу ностальгии по прошлому привычному укладу жизни. Успех реформ не в меньшей степени зависит от того, какая власть их проводит. Только власть с высоким уровнем легитимности способна понимать и согласовывать интересы различных групп, не допустить социокультурного раскола и тем самым уберечь общество от хаоса и энтропии. Названные условия проведения реформ взаимосвязаны. Несоблюдение их ставит под сомнение успех реформаторской деятельности, а впоследствии и легитимность самой власти.

Следующая «болевая точка» российского общества – это разрыв между богатыми и бедными, который сохраняется и увеличивается, что не может не формировать отрицательное отношение к представителям правящей элиты с последующей потерей легитимности. Социальное неравенство непосредственным образом негативно влияет на рациональную политическую

активность населения. По оценке Ю.А. Красина, «целые слои населения вытеснены из политической жизни общества, лишены возможности реального участия в политической жизни страны, не имеют возможности для включения своих требований в повестку дня; произошла концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты, следовательно, такое положение дел генерирует авторитарные тенденции в обществе» (Красин Ю.А., 2005).

Неэффективность деятельности государственных институтов усиливает авторитарные тенденции в политической системе общества. Коррупционированность бюрократии, низкий уровень доверия со стороны населения к парламенту, политическим партиям и другим органам государственной власти создают условия для выведения реальной политики за рамки конституционных структур. В результате такого смещения центром принятия важнейших решений становятся структуры, не имеющие конституционного статуса. К числу таких структур относятся администрация Президента РФ, Государственный совет, Совет безопасности, система федеральных округов, общественные палаты.

Отмечая силу и значение подобных структур, Л. Гудков констатирует, что все важнейшие кадровые назначения в государственных органах осуществляются администрацией президента. «Реальная власть сосредоточена у институционально не оформленного, не дифференцированного узкого круга лиц. Этот круг управляет важнейшими процессами. Подбор кадров в системе государственного управления основывается не на принципах деловой компетенции, профессионализма и знаниях, а на личной лояльности. Соответственно, вытекающий отсюда административный произвол блокирует развитие независимого суда, автономию парламента, способствует сращиванию бизнеса и государственной бюрократии...» (Гудков Л., 2007).

Деформированию структуры легитимности политической власти также содействует и проводимая властью экономическая политика, где немаловажную роль играют государственные корпорации, превращенные в полуавтономные центры. В результате подобной практики «часть экономических решений выводится из сферы компетенции федеральной и региональной

административной элиты и делегируется руководству государственных корпораций, которое, по сути, составляет ближайшее окружение президента» (Зудин А.Ю., 2010, с. 75). Таким образом, деятельность подобных структур подрывает эффективность органов государственной власти. С точки зрения степени влияния на политические процессы эти структуры оказываются более влиятельными, чем государственные органы власти. Они усиливают веру в силу «вертикали власти», представляя ее единственной из всевозможных альтернатив, способной выводить страну из кризисного состояния.

Данные социологических опросов (ВЦИОМ, 2015) подтверждают мысль о патриархальной привязанности россиян к власти, где первое лицо рассматривается в качестве верховного арбитра. Между тем, подобное отношение к власти подрывает основы рациональной легитимности и позволяет правящей элите не стремиться к реформам, а лишь сохранять существующее положение. Так происходит в системах авторитарного типа, где власть теряет стимулы для обновления. В подобных обществах надежда на модернизацию, гарантию стабильности, обеспечение эффективной деятельности органов государственной власти, повышение уровня благосостояния граждан, обуздание чиновничье-полицейского произвола, борьбу с коррупцией всегда связывается с персонифицированной властью. Эти базовые требования составляют основу легитимности политической власти, удовлетворение которых может гарантировать безопасность ее существования.

По мнению политолога К. Калачева, «запрос на перемены возникнет тогда, когда финансово-экономический кризис перерастет в социальный, а усилия власти покажутся неадекватными, не соответствующими запросу на справедливость и даже вредными». При этом он полагает, «если бы деятельность президента «разложили на составляющие»: как он справляется с коррупцией, ростом цен, решением проблем здравоохранения и образования, с мигрантами, то вопрос о долгосрочности нынешнего политического режима стал бы актуальным. Тема «коней на переправе не меняют» хороша в начале кризиса. Но если кризис затянется на годы, то вера в действующую власть поколеблется. Пока ситуация выглядит как

инерционная. Путин до сих пор доказывал свою эффективность, и с этим связаны надежды именно на него, что дальше – зависит от скорости развития, глубины и продолжительности кризиса» (Калачев К., 2014). Однако необходимо отметить, что, несмотря на достаточную прочность действующего режима, он постепенно будет терять свою легитимность и, по справедливому замечанию Р. Роуза, «чем больше вклад Путина в обеспечение массовой поддержки существующего в России политического режима, тем выше вероятность потрясений после его ухода с этого поста» (Роуз Р., 2007, с. 97–117).

Таким образом, необходимо отметить, что современная политическая жизнь России характеризуется усилением в ней авторитарных тенденций. К ее проявлениям можно отнести сужение политического поля, сокращение политической конкуренции, отсутствие условий для становления многопартийной системы, коррумпированность элиты, недоверие бизнеса государству, ревизию и устранение некоторых элементов прямой демократии. Полагаем, что дальнейшее развитие России будет продолжаться по пути дальнейшего укрепления авторитарного режима. Всевозможные каналы воздействия на общественное сознание будут связывать благополучие страны на долгие годы вперед с персонифицированной властью, необходимостью борьбы с внутренним и внешним врагами. С этой целью не исключается и вариант частичного пересмотра итогов приватизации 90-х гг. прошлого столетия, поощрения умеренного национализма. На этой волне массовое сознание, сформированное авторитаризмом, с легкостью может принять любые, даже не вполне законные, шаги во имя будущего благополучия.

Библиографический список

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
2. Бляхер Л.Е., Огурцова Т. Л. Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности // Полис. – 2006. – № 3. – С. 53–54.

3. ВЦИОМ: Одобрение деятельности государственных институтов – [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/>. (Дата обращения: 03.07.2015 г.).

4. Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №379. – С. 46–54.

5. Гудков Л. Итоги путинского правления – [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article> (Дата обращения: 03.07.2015 г.).

6. Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС. – 2010. – №5. – С. 71–86.

7. Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении – [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo33.wordpress.com> (Дата обращения: 03.07.2015 г.).

8. Общественное мнение–2012. – М.: Левада-Центр, 2012. – 232 с.

9. Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2002. – 196 с.

10. Скиперских А.В. Инновационный дискурс российской политики // Politbook. – 2014. – №1. – С. 167.

11. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – СПб.: Изд-во София, 1992. Т. 2. – 352 с.

12. Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // Post-Soviet Affairs. – 2007. – Vol. 23. – P. 97–117.

О.С. Киреева

Алтайский государственный университет
**ДИНАМИКА КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)**

На современном этапе исследователи значительное внимание уделяют изучению политических конфликтов. При этом актуальным представляется анализ их региональных

аспектов, успешное предупреждение и регулирование которых является весьма значимым.

В данной статье предпринята попытка с помощью системного анализа определить потенциальные основания конфликтов в Республике Алтай. В этой связи актуализируются вопросы об изменениях, происходящих в представлениях жителей этого региона, касающиеся политической сферы общества, важным видится выявление проблем, которые могут привести к конфликтам, а также специфика межнациональных отношений в регионе.

В основу их изучения положены опросы, проведенные во время полевых исследований 2013 г. К тому же, опираясь на материалы экспедиций 2009 и 2010 гг., можно говорить об определенной динамике конфликтного потенциала республики.

Необходимо отметить, что по сравнению с прошлыми результатами опросов население меньше стало интересоваться политической ситуацией. Так, если в 2009 г. интерес к политике проявляли 69%, в 2010 – 49%, то в 2013 – уже 26,92%. На заинтересованность не повлияло и то, что очередной избирательный цикл начнется в сентябре 2013 г. При этом большую заинтересованность проявляют женщины (30,82%).

Интерес представляют данные респондентов по образовательному уровню и возрасту. Больше всего интересуются политической ситуацией люди с высшим образованием. Так, в 2009 г. их было 30%, в 2010 г. – 34%, в 2013 г. – 30,77%.

По данным опросов 2013 г., больше всего интересуется политической ситуацией в регионе население, относящееся к возрастной группе от 61 года и старше (38,78%), в то время как в 2010 г. большую активность в политической жизни проявляла молодежь (36%).

Определенную тенденцию можно проследить в политическом участии жителей. Так, если в 2009 г. 56% респондентов участвовали в выборах, то в 2010 г. – 58%. В 2013 г. по-прежнему на первом месте находятся выборы, в которых принимали участие 53,85% жителей. Однако 30,07% опрошенных ни в каких мероприятиях не принимали участия. В 2010 г. следующим по степени важности мероприятием были

встречи с политиками (16%), в то время как в 2013 г. в таковых участвовали 8,74%. Как и в опросах 2009 и 2010 гг., незначительное внимание жителями было уделено митингам и демонстрациям. При этом митинги и демонстрации в 2009 г. в основном были направлены против браконьерства высокопоставленных чиновников на редких животных, а материалы 2010 г. свидетельствуют о том, что участники данных мероприятий выступали за снижение тарифов ЖКХ (На Алтае пройдут...) и против назначения А.Бердникова на пост главы Республики Алтай (В Горно-Алтайске на митинге...). В 2013 г. каких-либо значимых и массовых митингов и демонстраций, посвященных данным аспектам, по СМИ не прослеживается, что позволяет сделать вывод о том, что респонденты отвечали, опираясь на события, выходящие за рамки последнего года.

В этой связи интерес представляют материалы опросов, которые позволяют выявить, каким государственным и общественным институтам доверяет население республики. Как и в прошлые годы, наибольшее доверие жители оказывают Президенту РФ (27,27%) и Правительству РФ (15,38%). Замыкают тройку лидеров Глава РА (10,49%), Эл курултай (8,74%) и Правительство РА (8,04%).

Необходимо отметить, что население региона в меньшей степени доверяет ФСБ (6,99%), армии (5,94%), церкви (5,59%), полиции (5,24%). Тех же, кто поддержал региональные отделения политических партий по-прежнему немного (1,4%). В этой связи заслуживает внимания тот факт, что 81,47% респондентов не являются сторонниками какой-либо партии. Причем значительная часть опрошенных (29,02%) никому из перечисленных институтов не доверяет.

Можно предположить, что причинами такого отношения респондентов особенно к республиканским органам власти являются наличие серьезных проблем, которые несут в себе определенный конфликтный потенциал. В 2010 г., по мнению респондентов, актуальными являлись земельный вопрос (44%), безработица (44%), низкая заработная плата (43%), образование (33%), здравоохранение (33%), сохранение Священных мест (30%), недоверие к местной власти (21%), религиозные и

межнациональные проблемы (13%). Что касается опросов 2013 г., то вырисовывается следующая картина:

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Какие проблемы беспокоят Вас более всего в данный
момент», %**

	мужчины	женщины	Вся выборка
Политическая ситуация	20,63	20,75	20,98
Материальное положение	43,65	42,77	43,01
Экологические проблемы	11,9	18,24	15,38
Личная и общественная безопасность	10,32	13,21	11,89
Проблемы ЖКХ	12,7	15,72	14,34
Состояние экономики	11,1	10,06	10,49
Национальные отношения	9,52	11,32	10,49
Земельный вопрос	19,84	13,84	16,43
Сохранение Священных мест	10,32	8,18	9,09
Рост цен	42,86	42,14	42,66
Религиозная ситуация	4,76	8,18	6,64
Образование и культура	21,43	33,3	28,32
Здравоохранение	19,84	32,7	26,92
Безработица	18,25	20,75	19,58
Проведение газопровода	6,35	5,03	5,59
Другие	0	0,63	1,75

Таким образом, становится очевидным, что приоритет в расстановке проблем в 2013 г. несколько поменялся. Больше всего жителей республики волнует материальное положение (43,01%), в том числе и в силу определенного роста цен (42,66%). Следующими по значимости являются проблемы, связанные с образованием и культурой (28,32%), здравоохранением (26,92%), политической ситуацией (20,98%),

безработицей (19,58%). В меньшей степени население обеспокоено земельным вопросом (16,43%), экологическими проблемами (15,38%), проблемами ЖКХ (14,34%), личной и общественной безопасностью (11,89%), состоянием экономики и национальными отношениями (по 10,49%), сохранением Священных мест (9,09%).

По опросам 2013 г., по сравнению с данными 2010 г., отмечается положительная динамика, которая заключается в том, что жители региона в основном не видят проблем в межнациональных отношениях. В частности: 27,27% опрошенных посчитали, что они вообще отсутствуют, 33,92% – что они носят латентный характер, 32% затруднились ответить. Только 12,94% отметили, что межнациональные противоречия возникают периодически, 6,29% – что они существуют постоянно и носят явный характер.

Однако отрицать наличие межнациональных противоречий не стоит. Так, данный аспект отметили 32,54% мужчин, и 35,22% женщин. Причем 15,72% женщин и 9,52% мужчин отмечали, что проблемы возникают периодически, в то время как 6,29% женщин и 6,35% мужчин посчитали, что они постоянно существуют.

На вопрос «Если Вы считаете, что противоречия или конфликты существуют, то между какими этническими группами?» большинство респондентов (86,71%) не ответили. 1,05% опрошенных считают, что конфликт происходит между тубаларами, русскими, таджиками, армянами, и такое же количество респондентов отмечают наличие конфликтов между армянами, казахами, алтайцами. 0,7% жителей Республики Алтай ответили, что конфликты существуют между большинством этнических групп (при этом не уточняя каких именно). 0,35% отметили конфликты между православными и буддистами, столько же процентов – между местным населением и таджиками, между властью и народом – также 0,35%.

Таким образом, необходимо признать наличие в регионе достаточно непростой межнациональной ситуации.

В 2013 г. качестве причин возникновения межнациональных конфликтов респонденты выделили: политику властей – 17,83%; отсутствие терпимости к другим культурам – 16,43%;

низкий уровень образования – 12,59%; нерешенность социальных проблем – 11,54%; несоответствие религии и традиций – 7,69%; миграция населения – 5,24%; другое – 0,7%; затруднились ответить - 17,13%.

В принципе, в 2013 г. факторы остались такими же, как и в 2010 г (32% посчитали, что, во-первых, этому может способствовать политика властей, во-вторых, политико-правовая неграмотность населения, на чем акцентировали внимание 29% опрошенных, в-третьих, миграция населения, так посчитали 15% жителей), хотя их перечень достаточно расширился.

При этом наблюдаются некоторые отличия в рейтингах причин по возрастным группам. Так, 18–25-летние на первое место поставили отсутствие терпимости к другим культурам (13,73%), затем политику властей (12,75%), нерешенность социальных проблем (9,8%), низкий уровень образования (5,88%), несоответствие религии и традиций (4,9%), миграция населения (3,92%).

Респонденты в возрасте 26–40 лет наиболее распространенными причинами назвали политику властей (25,33%), отсутствие терпимости к другим культурам (21,33%), низкий уровень образования (17,33%), нерешенность социальных проблем (12%), несоответствие религии и традиций (6,67%), миграция населения (4%).

У жителей в возрасте 41–60 лет причины возникновения межнациональных конфликтов распределены следующим образом: отсутствие терпимости к другим культурам (21,43%), политика властей (17,86%), низкий уровень образования (17,86%), миграция населения (12,5%), нерешенность социальных проблем (10,71%), несоответствие религии и традиций (8,93%).

Население в возрасте 61 год и старше прежде всего среди причин назвали политику властей (18,37%), нерешенность социальных проблем (16,33%), несоответствие религии и традиций (14,29%), низкий уровень образования (12,24%), отсутствие терпимости к другим культурам (10,2%), миграция населения (2,04%).

Из профессиональных категорий межнациональные проблемы более заметны предпринимателям (25%), служащим

(16,95%), работникам агропредприятий (16,67%), которые отметили, что межнациональные противоречия периодически возникают. Кроме того, периодически конфликты возникают и по мнению неработающих (14,29%), учащихся и студентов (12,86%), работников коммерческих организаций (12,5%), рабочих предприятия (12%), пенсионеров (9,62%), т.е. тех категорий населения, которые решают свои социально-экономические проблемы в конкурентной борьбе с приезжими и/или находятся под сильным влиянием стереотипов и СМИ.

В качестве основных субъектов противоречий и конфликтов профессиональные группы назвали русских и алтайцев, а также алтайцев и казахов. Главными же причинами возникновения межнациональных противоречий и конфликтов большинство групп назвали политику властей, миграцию населения, нерешенность социальных проблем, отсутствие терпимости к другим культурам:

Таблица 2

**Распределение оценок причин возникновения
межнациональных противоречий или конфликтов по
профессиональным группам, %**

	служащий	учащийся, студент	военнослужащий	рабочий	пенсион	безработный	работник ком. орг.	предприниматель	неработающий	фермер	работник агропредприятия
Политика властей	32	10	0	16	19	20	16	15	0	33	17
Нерешенность социальных проблем	19	9	0	8	12	10	16	10	0	0	0
Миграция населения	8,5	3	0	12	0	10	9	5	0	0	0
Низкий уровень образования	19	6	50	16	12	10	3	25	43	0	0
Отсутствие терпимости к	25	10	0	20	15	0	19	5	71	0	17

другим культурам											
Несоответствие религии и традиций	5	4	0	8	10	0	9	20	0	33	17
Другое	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	14	6	50	24	27	30	22	15	0	33	33

По материалам опросов отмечается поляризованность в оценке вероятности возникновения межнациональных столкновений в регионе – 34,27% жителей Республики Алтай допускают такую возможность, 52,1% не допускают и 11,89% затрудняются ответить. Вместе с тем, только 4,55% допускающих возможность столкновений готовы принять в них участие, не примут участие – 77,62%, 10,84% затруднились ответить.

В целом, респонденты во всех возрастных группах не считают возможным возникновение межнациональных столкновений. Так, в возрасте 18–25 лет таковых 50,98%, 26–40 лет – 49,33%, 41–60 лет – 48,21%, 61 год и старше – 67,35%.

Процент допускающих возможность межнациональных столкновений невысок, среди респондентов в возрасте 18–25 лет (38,24%), в возрасте 26–40 (36%), 41–60 – 35,71% и более низкий процент среди опрошенных в возрасте 61 год и старше (22,45%).

Возможность межнациональных столкновений признают респонденты с неполным средним образованием (53,85%). Этот критерий ниже у жителей с высшим (37,18%) и средним образованием (35,48%). По роду занятий – среди неработающих (71,43%), безработных (50%), военнослужащих (50%), служащих (44,07%), предпринимателей (40%), учащихся и студентов (34,29%), фермеров (33,3%), меньше всего – у работников агропредприятий (16,67%) и рабочих предприятий (16%).

Хотя у этих же групп готовность участвовать в межнациональных столкновениях невысокая, за исключением неработающих, 40% которых выразили готовность принять в них участие.

Интерес представляют данные о корреляции с этнической принадлежностью респондентов. На наличие латентных

межнациональных противоречий указали 100% опрошенных немцев, 44,12% алтайцев, 32,56% казахов, 31,97% русских. Периодическое возникновение межнациональных противоречий отметили 100% вошедших в выборку украинцев, 14,71% алтайцев, 12,24% русских, 11,63% казахов. О постоянном существовании явных межнациональных конфликтов заявили 50% татар, 5,88% алтайцев, 4,76% русских. Кроме того, 100% вошедших в выборку узбеков, 50% татар, 20% русских, 32,56% казахов, 28,57% русских и 22,06% алтайцев отметили, что в республике Алтай отсутствуют межнациональные проблемы; еще 100% метисов, 20,41% русских, 13,24% алтайцев и 11,63% казахов затруднились ответить на этот вопрос.

Исходя из этого 100% украинцев, 41,86% казахов, 36,76% алтайцев, 50% кыргызов и 32,65% русских считают возможным возникновение межнациональных столкновений в регионе. Исключают такую возможность по 100% немцев, татар, узбеков, 57,14% русских, 47,06% алтайцев, 37,21% казахов. Еще 20,93% казахов, 11,76% алтайцев, 8,84% затруднились ответить на этот вопрос. В тоже время, готовность принять участие в этих столкновениях выражают меньшинство опрошенных – 5,88% алтайцев, 4,65% казахов, 4,08% русских.

Среди приверженцев того или иного религиозного мировоззрения согласие принять участие в межнациональных столкновениях выразили представители христианства, православия и ислама.

Таким образом, результаты опросов позволяют проследить определенную динамику конфликтного потенциала региона. При этом один из положительных аспектов заключается в том, что население констатирует определенное снижение межнациональных противоречий. Кроме того, материалы опросов 2013 г. позволяют сделать вывод о том, что напряженность по-прежнему обусловлена социально-политическими, социокультурными факторами.

Библиографический список

1. В Горно-Алтайске на митинге оппозиции чуть не побили журналиста // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=63700>.

2. На Алтае пройдут «народные» выборы губернатора // [Электронный ресурс]. URL: <http://club-rf.ru/r04/news/12334/>.

М.М. Кисляков

Кемеровский институт (филиал)

РЭУ им. Г.В.Плеханова, Кемерово

СОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях реформирования всех сфер общественной жизни в современной России особую актуальность приобретают вопросы организации и проведения регионального политического управления и публичной политики. От того, насколько эффективной будет система политического управления и публичной политики в регионах России, зависит успешное решение экономических, социальных и политических проблем. В связи с этим очень важно понять, в каком состоянии находится и региональное политическое управление, и публичная политика на региональном уровне.

Как отмечают исследователи, принципиальные изменения в изучении проблем местного управления и самоуправления произошли после событий августа 1991 г. и особенно после октября 1993 г. Органы местного управления и самоуправления стали рассматриваться как важнейший механизм демократической самоорганизации граждан, как важнейшая предпосылка построения правового государства и формирования гражданского общества. В российской научной литературе есть мнение, что формирование отечественных концепций местного самоуправления осуществлялось в рамках идей, доктрин и теоретических построений западноевропейской науки. Но при этом основные подходы российских ученых видоизменялись и

корректировались с учетом конкретно-исторических, политических, социально-экономических и социокультурных условий нашей страны.

Опыт распределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления в России показывает, что четкого разграничения между ними не может быть принципиально. Это подтвердила практика других стран и общемировая тенденция усиления государственной природы муниципальных институтов.

В работах отдельных российских исследователей обосновано положение о том, что в регионах действуют органы государственной власти и органы местной власти. При этом существуют как органы местного управления, так и органы местного самоуправления. Полномочия этих органов имеют отличия. Как считает исследователь И.Н. Гомеров, в деятельности органов местной власти (органов местного управления) преобладают полномочия, данные им государством. Органы местного самоуправления имеют реально меньше полномочий и решают более конкретные вопросы развития небольших территорий.

Современные теоретические разработки отечественных ученых позволяют выделить критерии эффективного функционирования органов местного самоуправления:

- насколько они соответствуют национальной культуре и традициям;
- насколько позволяют реализовать потребности и защищать интересы граждан без вмешательства государства;
- насколько создают условия для институционального оформления структур гражданского общества.

Анализ работ В.Н. Артемова, Н.Н. Головкина, В.Г. Игнатова, А.Н. Широкова, В.Ф. Шрейдера и ряда других ученых позволяет сформулировать общие принципы развития местного управления и самоуправления, которые могут быть применимы в современной России: принцип многообразия организационных форм местного управления и самоуправления; принцип самостоятельности в решении местных дел; принцип рациональности использования местных материальных ресурсов.

В работах И.Н. Гомерова дается определение понятий местного управления и самоуправления в регионах России. Автор считает, что недопустимо отождествлять понятия «местное управление» и «самоуправление». По его мнению, местное управление – это проявление местной государственной власти, а местное самоуправление в России можно рассматривать в двух формах: как непосредственное (прямое) и делегированное (опосредованное). Непосредственное (прямое) самоуправление возможно в небольших сельских и городских поселениях, насчитывающих несколько тысяч жителей (например, до 5–10), а также в небольших жилых сегментах (микрорайонах, домах, улицах), взрослая часть населения которых может периодически собираться на собрания, высказываться, слушать друг друга, принимать необходимые коллективные решения. Делегированное (опосредованное) самоуправление реализуется через представителей, избранных от местного населения. Решения принимаются избранными представителями (Гомеров И.Н., 2002, с. 663–666).

В качестве основных проблем государственного и местного управления в регионах России можно выделить четыре проблемы:

- отсутствие четкой и отлаженной системы управления, которая все же постепенно формируется;
- наблюдается кризис проникновения (проводимости) принятых политических решений, т. е. решения региональных органов власти не всегда и не в полном объеме доходят до граждан региона;
- не придается должного значения установлению обратной связи между региональными органами власти и населением, что приводит к росту регионального абсентеизма, снижению политической активности в целом (С.В. Бирюков);
- отсутствие деловых, партнерских отношений между региональными органами власти и населением.

Каковы же пути решения проблем по развитию регионального политического управления? По этому поводу существуют разные точки зрения. Определенный научный интерес представляет позиция исследователя С.В. Бирюкова. По его мнению, в целях совершенствования институционального

дизайна и повышения эффективности институтов региональной власти необходимо выполнение следующих условий: реформирование существующей модели государственно-территориального устройства, имеющей целью создание эффективной федерации, основу которой составят полноценные субъекты – регионы; дополнение существующих механизмов вертикальной интеграции общегосударственного пространства разнообразными формами горизонтальной интеграции между регионами; совершенствование общегосударственного и регионального законодательства, определяющих устройство и порядок деятельности институтов региональной власти; создание эффективных и «работоспособных» моделей разделения властей в регионе; консолидация региональной элиты и активизация обратной связи между региональными властями и населением; повышение уровня и квалификации сотрудников региональных органов власти, усиление гражданского контроля, развитие механизмов публичной политики; развитие политической конкуренции; расширение участия граждан в региональном политическом процессе и другие (Бирюков С.В., 2009, с.48–49).

Непосредственно проблемам регионального политического управления посвящена докторская диссертация И.А. Батаниной (Батанина И.А., 1997). Автором проанализировано состояние регионального политического управления, выделены основные тенденции его развития в регионах современной России:

- наблюдается расширение сферы политического управления как отражение общей закономерности возрастания роли гражданского общества в процессах управления;

- в каждом регионе идет процесс формирования своей системы политического управления, которая, с одной стороны, отражает общие тенденции политических процессов в стране, с другой стороны, имеет политические типологические особенности;

- механизмы политического управления в регионах России сформировались не в полной мере.

Отсюда возникают проблемы в развитии системы государственного и местного управления. Причины возникновения проблем носят субъективный и объективный характер. По

мнению И.А. Батаниной, субъективные причины заключаются в том, что управленческая политика государства по созданию политических механизмов управления регионами часто запаздывает, а объективные причины – в том, что эти политические механизмы вступают в противоречие с такими факторами, как менталитет, социально-политическая стратификация населения, политическое участие граждан (Батанина И.А., 1997, с. 1415).

Обобщая разные точки зрения на проблемы государственного и местного управления в регионах России, можно констатировать, что региональная политическая власть выступает в роли монополиста, пытающегося сосредоточить в своих руках всю полноту власти. При этом значительно сужается поле для проведения публичной политики, развития институтов гражданского общества, развития политической конкуренции. Региональная политическая власть рассматривает других акторов политического процесса как клиентов в процессе политического взаимодействия, исполняющих волю властных структур.

Итак, на современном этапе организация регионального политического управления включает:

- учет интересов и потребностей населения региона, стремление к их реализации;
- прохождение через своеобразные политико-информационные «фильтры», т.е. учет общественного мнения в регионе, позиции региональных СМИ, региональных отделений политических партий;
- рассмотрение проблем в региональном парламенте;
- реализацию всего комплекса мероприятий региональной исполнительной власти;
- контроль со стороны региональной судебной власти.

Вопросы влияния политического маркетинга на совершенствование федерального политического управления получили освещение в работах Е.Г. Морозовой, В.В. Лобанова, Д.В. Нежданова (Морозова Е.Г., 2000; Лобанов В.В., 1994; Нежданов Д.В., 2004).

Под политическим управлением, считает Е.Г. Морозова, следует понимать процесс выработки и реализации «правил

игры», курсов политики, властно-управленческих решений через согласование интересов субъектов политики и при косвенном участии граждан и их организаций (Морозова Е.Г., 2000, с. 4).

Модели политического управления регионами в 2000-х гг. проанализированы в статье А.В. Дахина «Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами» (Дахин А.В., 2009, с. 8–26). По мнению автора, можно говорить о политическом управлении четырьмя типами регионов в современной России – это национальные регионы, аграрно-индустриальные русскоговорящие регионы, регионы, на территории которых находятся предприятия стратегических промышленных корпораций, и последний тип – сложная смесь первых трех.

Можно согласиться с мнением А.В. Дахина о таком разделении регионов, однако, на наш взгляд, необходимо делать анализ всего процесса политического управления регионами России как системы, а не только отдельных элементов политического управления. Наша позиция состоит в том, чтобы рассматривать все основные элементы политического управления в регионе и связанные с ними элементы местного самоуправления как единое целое. Это позволит в комплексе решать проблемы регионального политического управления и местного самоуправления, будет способствовать реализации публичной политики, развитию гражданского общества и политической конкуренции в регионах России.

Библиографический список:

1. Батанина И.А. Политическое управление в регионе: состояние и тенденции развития в современной России: дис. д-ра полит. наук. – М., 1997.
2. Бирюков С.В. Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы: автореф. дис. д-ра полит. наук. – М., 2009.
3. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. – М.: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002.

4. Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х гг. и модели политического управления регионами // Полис. – 2009. – №2. – С. 8-26.

5. Лобанов В.В. Маркетинг в государственном управлении // Проблемы теории и практики управления. – 1994. – №4.

6. Морозова Е.Г. Политический маркетинг: концепции развития, модели функционирования (компаративный анализ): дис. д-ра полит. наук. – М., 2000.

7. Нежданов Д.В. Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра. – СПб.: Питер, 2004.

Ю.Г. Коргунюк

Фонд «Информатика для демократии», Москва

**СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ
В ПЕРИОД РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ
КАМПАНИЙ ЛЕТА 2015 Г.**

Одна из важнейших функций, выполняемых политическими партиями, – формирование массового политического сознания. Если партии не выполняют и её, нет смысла говорить о них как о политических акторах.

Магистральным направлением в формировании массового политического сознания следует считать определение общенациональной политической повестки. Партии не всегда являются главными субъектами этого процесса, но всегда – его главными «интересантами». Властные элиты и масс-медиа, формируя политическую повестку, преследуют узкие цели, лоббируя одни вопросы и игнорируя другие. То же самое можно сказать и о партиях, но при этом следует учесть, что односторонность усилий каждой из них компенсируется шириной политического спектра.

В мировой политической науке изучение формирования общенациональной повестки давно ведётся не только качественными, но и количественными методами, в частности с помощью контент-анализа. Однако последний носит формальный характер и ориентирован на выявление не столько сути обсуждаемых вопросов, сколько частоты повторения

словесных штампов. Контент-анализ помогает обнаружить пункты, объединяющие участников политического процесса, но бессилён в случаях, когда акторы говорят на разных политических языках.

Следует также учитывать, что пространство политических смыслов структурируется не столько сходствами, сколько противостояниями. То, что объединяет политиков, лежит на поверхности, до того, что их разводит, необходимо, как правило, тщательно докапываться.

Другими словами, при выявлении основных пунктов текущей политической повестки следует ориентироваться не на формально выявляемые паттерны, а на смысл возникающей дискуссии, или, говоря философским языком, идти путем не Аристотеля и Канта, а Платона и Гегеля.

В связи с этим автором предложена методика (Коргунюк Ю.Г., 2013; Korgunyuk Yu., 2014), предполагающая тщательную работу с агитационными материалами политических партий (не только платформ, программ и заявлений, но и устных выступлений лидеров и активистов). Ее суть заключается в выявлении именно тех вопросов, которые вызывают наиболее оживленную дискуссию между участниками выборов. Эта дискуссия может вестись на разных «языках», но касаться одного и того же предмета. Вопрос, «вбрасываемый» одной из партий (а каждая из них по определению пытается навязать остальным свою повестку), но не подхватываемый другими, игнорируется, поскольку носит частный характер – в противном случае избиратель заставил бы остальных отвечать на него.

После того как список вопросов определен, позиция каждой партии определяется с помощью шкалы от -5 до +5. Эти позиции определяются не на «глазок» эксперта, а в строгом соответствии с высказываниями самих акторов. Если между представителями одной и той же партии возникают разногласия, оценка корректируется с учетом политического «веса» той или иной фигуры.

Полученные цифры подвергаются факторному анализу, в результате чего на выходе получается картина политических размежеваний.

Наработанный опыт позволяет утверждать, что в 1993–2011 гг. политическое пространство постсоветской России определялось тремя главными размежеваниями: первое из них носило социально-экономический характер (социал-патерналисты против либералов-рыночников – см. табл. 1), третье – авторитарно-демократический (сторонники «сильной руки» против сторонников демократии и политической конкуренции – см. табл. 2), а между ними помещалось так наз. системное, соединяющее черты первого и третьего и указывающее направление развития системы в целом (табл. 3).

Таблица 1

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2011 г. по 1-му фактору*

Factor scores	Позиция	СР	ЛДПР	ПР	КПРФ	Яблоко	ЕР	ПД
-1,33	Введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь	5	5	5	5	-5	-4	-4
-1,19	Бесплатность образования и медицинского обслуживания	5	5	5	5	3	-3	-4
-1,05	Направление средств резервных фондов на бюджетные расходы	5	5	5	5	-1	-5	0
...	...	...	...	...	...	...	...	...
1,73	Отношение к Путину	-3	-3	0	-5	-4	5	2
1,85	Отказ от призыва и переход к контрактной армии	-5	5	-5	-5	5	-5	4
2,01	Возвращение к выборам по одномандатным округам	2	-5	-5	-5	0	0	4
2,05	Вступление в ВТО	0	-5	-2	-4	5	5	5
2,34	Повышение пенсионного возраста	-5	-5	-5	-5	-5	-3	4

* Позиции партий по каждому вопросу оценены с помощью шкалы от -5 до 5 (5 – положительное отношение, -5 – отрицательное, 0 – позиция нейтральная или отсутствует). Подробнее см.: Коргунюк Ю.Г., 2013.

Расшифровка названий партий:

СР – «Справедливая Россия»

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ПР – «Патриоты России»
 КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
 Яблоко – Российская объединенная демократическая
 партия «Яблоко»
 ЕР – «Единая Россия»
 ПД – «Правое дело»

Таблица 2

**Основные пункты размежевания между участниками
 выборов 2011 г. по 3-му фактору**

Factor scores	Позиция	СР	ЛДПР	ПР	КПРФ	Яблоко	ЕР	ПД
-1,51	Отказ от призыва и переход к контрактной армии	-5	5	-5	-5	5	-5	4
-1,28	Отказ от накопительной пенсионной системы, возвращение к распределительной	5	-1	-4	4	-5	-4	-5
-1,14	Нарушение властью избирательного законодательства	5	5	0	5	5	-5	1
...	...	...	...	...	...	...	...	...
1,55	Расширение применения нормы о конфискации имущества	5	5	5	5	-4	2	0
1,59	Интеграция на постсоветском пространстве	3	5	4	4	2	3	-2
1,70	Вступление в ВТО	0	-5	-2	-4	5	5	5
1,83	Введение ответственности за пропаганду гомосексуализма	2	-3	4	5	-5	3	0
2,03	Отношение к Путину	-3	-3	0	-5	-4	5	2

Таблица 3

**Основные пункты размежевания между участниками
выборов 2011 г. по 2-му фактору**

Factor scores	Позиция	СР	ЛДПР	ПР	КПРФ	Яблоко	ЕР	ПД
-1,65	Ратификация ст.20 Международной конвенции по борьбе с коррупцией	5	5	5	5	5	-2	5
-1,62	Отмена мигалок	5	4	0	-3	5	-4	5
-1,56	Восстановление реальных выборов, расширение политической конкуренции	5	3	5	5	5	-4	5
...	...	...	...	...	...	...	...	...
1,20	Национализация	3	0	4	4	-5	-3	-5
1,26	Отказ от накопительной пенсионной системы, возвращение к распределительной	5	-1	-4	4	-5	-4	-5
1,61	Возвращение смертной казни	-5	5	5	5	-5	-2	-5
1,89	Отмена частной собственности на землю	-3	-3	-3	4	-4	-4	-5
1,90	Отношение к советскому прошлому	-3	-4	5	5	-5	-3	-5

За исключением выборов 1993 г. иерархия политических размежеваний была именно такова: 1) социально-экономическое; 2) системное; 3) авторитарно-демократическое. В 1993 г. первое место занимало системное размежевание, оттеснившее социально-экономическое на второй план.

Это наводит на мысль о том, что «нормальным» для постсоветской России было ситуация, когда первое место среди размежеваний принадлежало социально-экономическому. Выход на авансцену системного размежевания можно трактовать как свидетельство чрезвычайного (кризисного) состояния системы. С этой точки зрения выборы 1993 г. несли на себе отпечаток предшествующего состояния, характеризующейся кардинальной перестройкой системы.

Тем интереснее выглядит развитие политического пространства страны после 2011 г. В 2012–2013 гг. на первый план неожиданно вышло авторитарно-демократическое размежевание, оттеснившее социально-экономическое и системное на второе и третье место. Это можно было объяснить резким «закручиванием гаек», предпринятым верховной властью с целью сбить нарастание политического протеста.

В 2014 г. ситуация изменилась еще более кардинально. События вокруг Крыма и Украины вывели на первый план противостояние «империалистов» и «антиимпериалистов» (табл. 4), являющее собой классический пример системного размежевания между сторонниками европейского и «самобытного» путей развития страны.

Таблица 4

Основные пункты размежевания между партиями-участницами региональных выборов 2014 г. по 1-му фактору

Factor scores		ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	Яблоко	ПР	РПР-ПАРНАС	РЭНЗ	КР	ГП	Родина
-2,235	Российское руководство ведет необъявленную войну против Украины	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
-2,235	Телевидение дезинформирует россиян о событиях на Украине	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
-2,235	Курс на конфликт с Западом противоречит национальным интересам России	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
-2,176	Присоединение к России Крыма незаконно	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	-4	-5
...	...	...	...	...	...							

1,056	Причина событий на Украине - происки Запада	5	5	5	5	-5	5	-5	0	5	0	5
1,200	Киевский режим осуществляет в Новороссии геноцид	5	5	5	5	-5	5	-5	4	5	0	5
1,221	Необходимость поддержки ДНР и ЛНР	5	5	5	5	-5	5	-5	5	5	1	5
1,296	Власть на Украине захватили фашисты	5	5	5	5	-5	5	-5	5	5	-4	5

Расшифровка названий партий:

ЕР – «Единая Россия»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской

Федерации

СР – «Справедливая Россия»

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

Яблоко – Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»

ПР – «Патриоты России»

РПР-ПАРНАС – Республиканская партия Россия – Партия народной свободы

РЭПЗ – Российская экологическая партия «Зеленые»

КР – «Коммунисты России»

ГП – «Гражданская платформа»

Родина – партия «Родина»

Уже сам этот факт свидетельствует о том, что система вышла из равновесия.

2015 год показал усиление данной тенденции.

В 2015 г. замерам политического пространства во время летней избирательной кампании предшествовал ежеквартальный мониторинг структуры политических размежеваний. В качестве объекта исследования были избраны агитационные материалы 12 партий: «Единой России», КПРФ, «Справедливой Россия», ЛДПР, «Яблока», «Патриотов России», РПР-

ПАРНАСа, «Демократического выбора» В. Милова, Партии прогресса А. Навального, РОТ Фронта, «Другой России» Э. Лимонова и этнополитического объединения «Русские». Предполагалось, что эти объединения охватывают практически весь политический спектр страны.

Факторный анализ позиций этих партий по разным вопросам повестки дня в январе-феврале 2015 г. выявил только два политических размежевания. Первое (49,67% объясненной дисперсии) всё так же было системным, «империалистическим», второе (23,41%) правильное всего было определить как властно-оппозиционное, поскольку политические вопросы тесно переплетались в нем с социально-экономическими.

В случае снижения порога отсечения (обычно принято учитывать только факторы с собственным значением не ниже единицы) появлялось и третье размежевание (собственное значение – 0,971, или 8,09% объясненной дисперсии), которое, правда, было связано не с какими-то определенными сегментами повестки дня, а с особым местом в общей совокупности РОТ Фронта, представляющего собой осколок совсем другой, плохо вписывающегося в современные реалии, эпохи.

В связи с этим было решено ограничить число объектов изучения девятью партиями, выкинув из списка не только РОТ Фронт, но и «Другую Россию» с «Русскими», которые игнорировали слишком большую часть актуальной повестки дня. В этом случае никакого третьего размежевания не появлялось даже при снижении рамки требований к факторному значению до 0,7. Соответственно возрастала доля объясненной дисперсии для первых двух размежеваний: системного («украинского») – до 58,4%, властно-оппозиционного – до 26,91%.

При мониторинге партийной агитации периода избирательной кампании лета 2015 г. из анализа были удалены данные на «Демвыбор» и Партию прогресса, участвовавших в выборах в составе неформальной Демократической коалиции (в ряде случаев их позиции приписывались ПАРНАСу – если лидеры этой партии не уделяли внимания соответствующим вопросам). Факторный анализ данных оставшихся семи партий фактически повторил картину предыдущих месяцев, выявив те

же два размежевания – системное (53,1%) и властно-оппозиционное (26,4%). При этом в системном размежевании главными камнями преткновения явились не только «украинские» вопросы, но и требования упразднить госкорпорации и отменить закон о НКО – иностранных агентах (табл. 5). Таким образом, системное противостояние вышло за рамки внешнеполитической повестки, включив в себя элементы повестки внутривластной и социально-экономической. Властно-оппозиционное размежевание также включало в себя как политические, так и социально-экономические вопросы (табл. 6).

Таблица 5

**Основные пункты размежевания между главными
участниками выборов 2015 г.
по 1-му фактору**

Factor scores		ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	Яблоко	ПР	ПАРНАС
-1,752	Россия аннексировала Крым, нарушив международное право	-5	-5	-5	-5	5	-5	5
-1,752	Российская власть воюет на востоке Украины	-5	-5	-5	-5	5	-5	5
-1,752	Путинская внешняя политика авантюристична	-5	-5	-5	-5	5	-5	5
-1,752	Нужно упразднить госкорпорации	-5	-5	-5	-5	5	-5	5
-1,752	Отменить закон об НКО - иностранных агентах	-5	-5	-5	-5	5	-5	5
								
1,137	Запад и его приспешники занимаются фальсификацией истории	5	5	5	5	-5	5	-5
1,137	Плодотворность внешнеполитического поворота России на восток	5	5	5	5	-5	5	-5
1,137	Против России ведется информационная война	5	5	5	5	-5	5	-5
1,137	НАТО - геополитический противник России	5	5	5	5	-5	5	-5

Расшифровка названий партий:

ЕР – «Единая Россия»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
 СР – «Справедливая Россия»
 ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
 Яблоко – Российская объединенная демократическая
 партия «Яблоко»
 ПР – «Патриоты России»
 РПР-ПАРНАС – Республиканская партия Россия – Партия
 народной свободы

Таблица 6

**Основные пункты размежевания между главными
 участниками выборов 2015 г. по 2-му фактору**

Factor scores		ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	Яблоко	ПР	ПАРНАС
-1,757	Перенос Единого дня голосования	-5	5	5	5	5	5	5
-1,757	Отмена муниципального фильтра	-5	5	5	5	5	5	5
-1,757	Остановить «оптимизацию» системы здравоохранения	-5	5	5	5	5	5	5
-1,757	Реальные социальные расходы бюджета сокращаются	-5	5	5	5	5	5	5
-1,733	Необходимость ратификации 20-й статьи Конвенции ООН	-4	5	5	5	5	5	5
								
1,692	Повышение пенсионного возраста	-3	-5	-3	-3	-4	-5	0
2,448	Эффективность антикризисных мер правительства	4	-5	-4	-5	-5	-4	-5
2,514	Отношение к муниципальной реформе	5	-5	-5	-3	-5	-5	-5
2,608	Отказ от пропорциональной системы на выборах	4	-5	-5	-5	-5	-5	-5

Если экстраполировать наметившую тенденцию, можно предположить, что уже в ближайшем будущем оставшиеся размежевания сольются в одно, которое вне всякого сомнения будет носить системный характер. Это слияние, судя по всему, станет предпоследним этапом развития системы, за которым следует ожидать полного «переформатирования» последней.

Библиографический список

1. Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. – 2013. – № 3 (70). – С. 31-61
2. Korgunyuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia // Perspectives on European Politics and Society. – Vol. 15. – 2014. – No. 4 (December). – P. 401-415.

Е.В. Лукашевич

Алтайский государственный университет, Барнаул

КОММУНИКАТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ БЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГА А.Б. КАРЛИНА)

Блоговая коммуникация губернатора Алтайского края А.Б. Карлина является одной из форм самопрезентации и взаимодействия с различными целевыми аудиториями и выстраивается по определенной схеме. Обратим внимание на значимость этого канала коммуникации для медиарейтинга губернатора (Медиалогия). Анализ коммуникативной позиции говорящего, речевых стратегий и тональности текстов, по нашему мнению, позволит в определенной степени охарактеризовать ту роль, которую губернатор определил для себя в политической системе региона.

Дата создания блога А.Б. Карлина – 2 июля 2010 г. Первая запись – «Зачем я завел блог?» Мотивы создания определены губернатором как «информационная открытость», «консолидация общества», «конструктивный диалог»: *«Блог – это личный дневник, предназначенный для чтения широкой аудиторией. Всю свою жизнь я стараюсь быть честным перед*

собой и окружающими, в блоге также буду максимально откровенен. <...> Ожидая столь же честной и открытой реакции людей, обладающих гражданской позицией, которым небезразлична судьба края» (Зачем я завел блог, 02.07.2010). Записи в блоге адресованы жителям края, журналистам, органам власти. Например, «обращаюсь к тем, кто представляет власть на местах. Отсутствие информации, как я сам убедился, посетив немало населенных пунктов в зоне подтопления, порождает слухи, создает у людей ощущение покинутости и ненужности. Почаще выходите на открытый контакт с людьми. Честно доносите до них всю необходимую информацию» (Чрезвычайная ситуация, 03.06.2014).

Политический блог рассматривается как разновидность веб-блога. Следовательно, для него должны быть характерны регулярная обновляемость, обратный хронологический порядок публикаций, посвященных политическим событиям разного уровня, возможность сопровождения текста аудиовизуальной информацией (фотографии, видео и т.п.) (Зуйкина К.Л., 2015). Отметим, что наибольшее количество блоговых записей приходится на 2013 и 2014 годы (соответственно 45 и 23 записи), сократилось количество ссылок на публикации в блоге. 14 сентября 2014 г. А.Б. Карлин в третий раз был избран губернатором Алтайского края. На наш взгляд, политический потенциал блога губернатора на сегодня практически исчерпан, поскольку за основу принята линейная коммуникация без возможности обратной связи, в том числе и потому, что нет необходимости слышать другую сторону. Однако вполне предсказуема и реакция значительной части общества на закрытие блога.

К.Л. Зуйкина подчеркивает, что «в целом для ведущих политических блогов ... характерна передача содержания посредством текста вместе с картинкой (58%) и видео (25%), что говорит о тенденции к визуализации в блогинге» (Зуйкина К.Л., 2015). Видео позволяет «оживить» статичные текстовое сообщение и изображение. «Картинка» – дополнить сообщение новыми смыслами. В блоге А.Б. Карлина визуализация отсутствует. Правда, в поле блога есть фотогалерея, тематически не соотнесенная с блоговыми записями. Но имиджевые

фотографии позволяют также реализовать стратегию самопрезентации. На наш взгляд, этот факт нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, не учитываются особенности психологического восприятия медиатекста целевой аудиторией (преимущественно – визуалы), а с другой – в блоге может быть сделан акцент на аудиторию, которую «визуальные элементы («визуальный шум») могут отвлекать от текста» (там же). Кроме того, если блог как коммуникативный ресурс не направлен на активную молодую аудиторию, владеющую современными интерактивными технологиями, то нет смысла затрачивать дополнительные средства.

Интересны результаты анализа жанровой специфики блога губернатора. По мнению исследователей международного политического блогинга, «в российском популярном политическом блогинге преобладают материалы информационного жанра (74%), причем заметки (факты без анализа)» (Зуйкина К.Л., 2015). В этом отношении блог А.Б. Карлина больше напоминает топовые политические блоги США и Великобритании. Тексты по преимуществу можно отнести к публицистическим, они напоминают дневниковые записи, колонку, где дается оценка какого-либо события преимущественно регионального, выражается авторская позиция. Контент предлагается оригинальный, А.Б. Карлин выбирает для себя коммуникативную роль мудрого руководителя, обращающегося к внимательному, но молчаливому собеседнику. Поэтому можно говорить об имитации диалоговой стратегии: есть сигналы диалогизации монологической речи, но при этом блог губернатора не дает возможности слушающему включиться в диалог, высказать свою точку зрения: *«Всем, кто, уехав из Алтайского края, испытывает смущение за свое провинциальное происхождение, адресую строки из письма Людмилы Шатровой: «Я работала на «Ленфильме»... в Госконцерте СССР, в Министерстве культуры СССР в качестве помощника замминистра, на ВГТРК... Много путешествовала, как переводчик с испанского с гастрольями артистов побывала в Латинской Америке, Испании и Португалии, объехала все страны Европы... Но во всех паспортах, на всех визах и документах в строке «место*

рождения» красуется гордое: «село Ребриха Алтайского края»! Поклон тебе, моя родная Ребриха! Поклон тебе, родной край!» (Живая память, 07.09.2015); «Дорогие земляки! Все предыдущие годы мы работали вместе. Ваша поддержка помогла в принятии важнейших решений, в реализации социально-экономических программ и проектов, в преодолении испытаний и стихийных бедствий. Голоса, отданные за мою кандидатуру 14 сентября, - убедительный выбор в пользу моей программы развития Алтайского края. Надеюсь, что и дальше мы будем вместе - во имя крепкого настоящего и уверенного будущего сильного региона сильной страны. Ради того, чтобы мы, наши семьи, наши дети и внуки жили в одном из самых богатых и процветающих регионов России. Мы сделаем это» (Наша победа, 17.09.2014).

В проанализированных нами текстах следует учитывать «фактор двойного адресата» (Колтунова М.В., 2002, с. 227), когда адресатом являются не только те, к кому обращается А.Б. Карлин, но потенциально – любой посетитель данного блога.

По нашему мнению, в этом случае мы наблюдаем прием «управление дистанцией». Причем реализуется тактика «сближения» с представителями различных организаций и профессий. Мы считаем, что тактика «сближения» в анализируемых текстах тесно связана с тактикой комплимента, поскольку адресант соблюдает ритуальность речевого действия с установкой на кооперативный тип общения (контакт) с потенциальной аудиторией, сообщив ей о своем благорасположении (Иссерс О.С., 1999, с. 177–182): *«И преображение края – прямая заслуга каждого, кто вложил все свои силы, таланты, душу в возрождение и развитие малой родины»*. При этом А.Б. Карлин активно демонстрирует открытость (видимую доступность, эффективную обратную связь) и ориентацию на различные целевые аудитории (вариабельность и многоплановость имиджа / репутации руководителя). И если в 2011 г. стиль руководства и лидерства А.Б. Карлина больше характеризовал черты победителя, чиновника, черты «авторитарного отца», то сейчас к этому добавилось стремление проявить себя в качестве мудрого

руководителя, не только любящего свою малую родину, но и служащего ей (высокий индекс корпоративности): *«Я немного шутиливо всегда говорю **землякам**: вот вы утром проснулись и должны подумать – а что вы сегодня намерены сделать для Алтайского края? <...> Не будет такой ситуации, в которой мы проснемся, а у нас на дворе – золотой век. Райские яблоки висят, птички поют, молочные реки текут вдоль кисельных берегов. «Процветающий» – это рукотворное понятие. Мы должны **сделать Алтай процветающим регионом**; «Самая дорогая награда от работы – это **возрожденная вера людей в свой район, в свой край**, это изживание пессимистических настроений. Во время последней поездки в Тюменцево я был приглашен на новоселье к многодетной семье, в которой пятеро (а по словам главы семьи, уже почти шестеро!) детей».*

М.В. Колтунова указывает, что в современном деловом общении «императивность уступает место принципу сотрудничества» (Колтунова М.В., 2002, с. 237): *«Голоса, отданные за мою кандидатуру 14 сентября, – убедительный выбор в пользу моей программы развития Алтайского края. Надеюсь, что и дальше **мы будем вместе** – во имя крепкого настоящего и уверенного будущего сильного региона сильной страны. Ради того, чтобы мы, наши семьи, наши дети и внуки жили в одном из самых богатых и процветающих регионов России. **Мы сделаем это**»* (Наша победа, 17.09.2014). Подобная установка адресанта важна еще и потому, что предполагает «готовность признать позицию собеседника, само право на существование такой позиции» (Колтунова М.В., 2002, с. 255). Однако, как правило, это позиция «своих»: *«И Алтайский край, с его богатейшим природным потенциалом, огромным разнообразием видов туризма, маршрутов, возможностью выбора мест размещения является сегодня одним из туристически привлекательных регионов России. Это **единодушное мнение руководителей и специалистов федеральных ведомств, гостей края, приезжающих сюда на семейный, активный отдых или лечение**»* (Алтайский край-2015. Добро пожаловать! 22.01.2015).

На наш взгляд, тактика «сближения» с адресатом лежит и в основе коммуникативной тактики призыва (декларативность), когда коммуникатор побуждает аудиторию к выполнению каких-либо действий, направленных на проявление гражданской позиции. Основные речевые действия – совет, рекомендация и напоминание. Его предпочтение, как представляется, связано с учетом фактора дистанции между коммуникантами, «ощущения собеседника» (Клюев, 2002, с. 163) или «фактора насилия над волей адресата» (Иссерс О.С., 1999, с. 145): *«Задумайтесь: почему среди многодетных отцов немало успешных бизнесменов, спортсменов, общественных деятелей? Такие отцы эффективно работают и на госслужбе. Мой заместитель Даниил Владимирович Бессарабов, начальник управления по физической культуре и спорту Владимир Александрович Альт - многодетные отцы <...>. Так что мой совет молодым карьеристам: хочешь хорошей карьеры – стань многодетным отцом»* (Отец – это звучит гордо, 07.05.2014). Но в текстах нет издевки, оскорбления, угрозы и провокаций.

А. Полонский подчеркивает, что «посредством трансляции смыслов как дискурсивных событий, дискурсивных формул, трансляции именований, метафор, понятий, образов, оценок, мифологем, идеологем и др. на широкую, признаково неоднородную аудиторию» адресант формирует общие с адресатом мировоззренческие принципы (Полонский А., 2012, с. 52). В блоговой коммуникации А.Б. Карлина в художественно-публицистической форме наиболее ярко представлена апелляция к деятельности, разуму и идеалу, духовным архетипам культуры, что обнаруживается в транслируемых аудитории ценностях как основы для идентификации: *«Преобразилась социальная сфера региона. По оснащенности дворцами культуры, новыми школами и детскими садами, современными больницами и поликлиниками города и районы края отличаются по принципу «лучший – хороший», а не «чуть живой – совсем убитый», как 9 лет назад»; «От всей души благодарю тружеников агропромышленного комплекса за труд, за преданность алтайской земле. За высокий профессионализм и любовь к избранному делу»; «По мере взросления человека изменяются его подходы к загадыванию желаний. Ребенком, естественно,*

загадывал что-то для себя, позднее желания стали аккумулироваться вокруг детей, родных. А сейчас... **Мои пожелания под Новый год касаются огромного количества людей, живущих в Алтайском крае. Под бой курантов пожелаю всем своим землякам много счастья, семейного уюта, благополучия и любви**»; «И мы, взрослые, должны привить любовь к чтению своим детям и внукам. <...> Но самый эффективный способ **пробудить любовь к чтению** у ребенка – **личный пример родителей**».

В целом уровень речевой культуры блогера довольно высокий, но отметим наличие определенной шаблонизации языка текстов. Шаблонные элементы используются не только для выражения идеологической установки, но и для интимизации, сокращения дистанции и установления отношения доверительности с целевой аудиторией. Используемые в качестве заголовков прецедентные феномены (афоризмы, пословицы, цитаты из известных произведений художественной литературы, фильмов, песен и др.) хорошо известны всем представителям целевой аудитории и являются показателями принадлежности к определенной эпохе и культуре: «А у нас в квартире газ», «Газпром и голуби», «Это нужно не мертвым. Это нужно живым», «Память сердца», «Город-сад будем возрождать вместе», «Здравствуй, земля целинная», «Праздник к нам приходит», «Вечный бой», «Светлое Воскресение», «Умеющий читать да возьмется за чтение» и т.п.

Важной текстовой категорией, «в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также адресату и ситуации общения», является тональность текста (субъективная модальность, текстовая экспрессивность) (Стилистический энциклопедический словарь, 2006, с. 549–551). Блоговые записи А.Б. Карлина характеризуются преимущественно мажорной тональностью: активная энергия адресанта, общий оптимистический настрой, преобладание положительных оценок и обещаний, в текстах проявляется декларативность, назидательность: «Они доказали, что являются патриотами в самом прямом смысле этого слова.

Это не потерянное, а нравственно здоровое и правильно ориентированное поколение, сознающее всю степень ответственности перед священной памятью «отцов и дедов с Георгиевскими крестами» (О «ватниках» и «колорадах», 04.02.2015); «Это четкий, внятный сигнал людям со стороны органов власти и работодателей, руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий: только совместными усилиями мы сделаем наш край процветающим регионом» (Нужные работники, 23.08.2013).

А.Б. Карлин в блоговой коммуникации на основе «мягких» критериев дополняет новыми чертами собственный медиаобраз, обозначая важность своей деятельности для государства и общества, повышая эмоциональную привлекательность власти, предлагая широкой общественности взгляд на власть «с человеческим лицом» и традиционным набором ценностей.

Библиографический список

1. Карлин А.Б. Блог – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altaregion22.ru/gov/administration/glava/blog/>.
2. Зуйкина К.Л. Особенности блогинга в системе политической коммуникации России, США и Великобритании // Медиаскоп. – 2015. – № 1. – [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mediascope.ru/node/1680>.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999. – 285 с.
4. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. – М., 2002. – 320 с.
5. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: нормы, риторики, этикет: учеб. пособие. – М., 2002.
6. Полонский А. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ: электронный журнал. – 2012. – Вып. 6. – [Электронный ресурс]. URL : <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006. – 696 с.
8. Медиалогия – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlg.ru/company>.

А.Н. Маринович
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
**ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СИРИЙСКОГО
ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИМИ МЕДИА**

Действия политиков, поведение граждан и их политические предпочтения на протяжении всей истории человечества во многом зависели от информации и процессов коммуникации. Люди принимают решения и действуют в соответствии с полученными сведениями, которые, в свою очередь, по мнению американского социолога Мануэля Кастельса, поступают из «коммуникационных сред» – общественного пространства, в котором формируются мнения и знания, полученные от друзей, знакомых, официальных источников информации, СМИ (Castells M., 2011, p. 96).

Традиционно СМИ, предоставляя зрителям или слушателям информацию, являются своеобразным помощником в принятии решений и выступают в качестве наставника и рассказчика об окружающем мире. Медленно, но эффективно они формируют общественное мнение и таким образом начинают определять мышление и поведение. Привнося в общество новые культурные образцы и модели, СМИ создают ряд потребностей, показывают общественности, каков должен быть уровень жизни, необходимый человеку для достойного существования, косвенно оказывая влияние на оценку населением собственного уровня жизни (Paul V., 2013, p. 34). То есть новости могут сформировать у общественности как ощущение удовлетворения собственным уровнем жизни, так и наоборот – недовольства существующим положением вещей.

Информационные потоки «бьют» по людям и оказывают воздействие на эмоциональное состояние, в особенности на психику молодежи. Так, огромную роль в странах Ближнего Востока и Северной Африки во время волны протестов 2011 г. сыграли социальные сети Facebook и Twitter и телеканалы Al Jazeera и Al Arabiya. Медиа транслировали западные ценности арабскому населению, вследствие чего большинство активистов выходили на улицы, возмущенные существующим положением

вещей в родной стране: образованная молодежь требовала высокооплачиваемой работы и свободы самовыражения.

Современные медиа вовлекают людей в происходящие события, оказывая не меньшее, а возможно и большее воздействие на психику, чем их традиционные аналоги – печатные, аудио- и визуальные СМИ. Вероятно, это происходит в силу того, что медиа предоставляют читателям (нередко одновременно) разнообразный контент: инфографику, текст, фото, видео-, аудиозаписи, актуальные комментарии экспертов или первых лиц страны. При этом интернет-СМИ доступны большому количеству граждан, всегда и везде, где есть интернет (по данным Committed to connecting the world, в 2015 г. в мире насчитывается 3,2 млрд пользователей интернета): люди просматривают новости в течение всего дня (как правило, пики активности приходятся на утренние часы до работы, обеденное время и вечером после 21:00) и активно вовлечены в общее интернет-пространство, что создает чувство причастности.

Одним из наиболее массовых эмоциональных вовлечений граждан в разворачивающиеся события является вооруженный конфликт или масштабная трагедия. Новости о конфликтах нередко содержат оперативные фотографии и видеозаписи с мест военных противостояний, комментарии экспертов, у читателей есть возможность посмотреть, какое оружие используют противоборствующие стороны конфликта, какие территории захвачены, какие отбиты, какие военные либо журналисты находятся в плену и многое другое. Ярким примером трансляции военных действий является ежедневный отчет российского министерства обороны и публикация видеозаписей российских авиаударов по позициям террористов в Сирии. В данном случае российские военные повторяют практику американских коллег во время иракской войны: предоставляют видео, комментарии, приглашают корреспондентов на военную базу.

Осознавая значимость информации, в особенности во время военных конфликтов, на корреспондентов пытаются оказывать давление не только владельцы медиа, заинтересованные в экономической выгоде, но и руководство стран, которые нуждаются в поддержке населения для решения

геополитических задач. Создание «правильной» картины происходящих событий позволит создать ощущение легитимности принимаемых действий, «понимание» существующих проблем, обеспечить лояльность граждан, создаст поддержку действий правительства или, по меньшей мере, отсутствие сопротивления. К примеру, Д.Ю. Поминов определяет общественное мнение, как главный партнер государства, СМИ и других политических субъектов, заинтересованных в расширении своей политической поддержки (Поминов Д.Ю., 2009). В итоге, при описании военного конфликта СМИ, как правило, занимают определенную позицию, подавая новости односторонне и формируя соответствующую картину происходящих событий в массовом сознании населения.

При освещении конфликтов используются как эмоциональные методы воздействия на предпочтения населения: навешивание ярлыков, формирование «стадного чувства», тенденциозное высвечивание плюсов и минусов, подмена понятий и причинно-следственных связей, – так и рациональные: приведение фактов, цифр, данных. Помимо вышеуказанных методов убеждений, существуют и универсальные приемы, которые используются в «военной журналистике»: пояснение благих причин вмешательства в конфликт представителей родной страны, обозначение отрицательных качеств противоборствующей стороны, рассказ о внешнеполитическом соперничестве за ресурсы в данном конфликте (Амиров В.М., 2007).

Принимая во внимание, что не все СМИ анализируют происходящие события, пытаются выявить причинно-следственные связи и являются источником взвешенной информации, нами были изучены публикации о сирийских событиях в общественно-политических деловых российских и американских изданиях: «Эксперт», «Коммерсантъ», Lenta.ru, The New York Times, Washington Times, The Wall Street Journal, чья аудитория насчитывает миллионы пользователей ежемесячно и которые, в отличие от других СМИ, описывают события относительно безоценочно, с попыткой анализа и с

привлечением экспертов. Однако, несмотря на это, в материалах изданий нами были выявлены особенности.

При описании сирийских событий, российские медиа имеют свою специфику:

- Несмотря на критику действий сирийского правительства, Б. Асад не представлен в публикациях как диктатор. В статьях до 2012 г. появляются призывы (через комментаторов) прекратить насилие по отношению к мирному населению; затем у сирийского президента складывается скорее положительный, чем отрицательный имидж.

- Создается впечатление, что российские СМИ интересуют не столько ход событий и итог конфликта, сколько действия или заявления представителей США.

- Корреспонденты изданий стараются анализировать события, однако, довольно часто ссылаются на чьи-либо мнения, слова и слухи, поясняя это тем, что достоверную информацию с мест событий получить сложно.

В результате анализа публикаций нами были обозначены следующие приемы, которые формируют определенные представления российских граждан о конфликте:

- **Причина**, по которой Россия является активным участником сирийского конфликта на дипломатическом уровне, – желание показать США, что международное право необходимо соблюдать: ситуация с резолюцией по Ливии – пример того, что западные партнеры могут трактовать законы как угодно. Причина дополняется экономическими и политическими **целями**: поставки оружия, нефтяные контракты, стратегический союзник на Ближнем Востоке и морская база Тартус.

- **Устрашения**. Корреспонденты поясняют, что Россия не может не вмешиваться в конфликт, так как в Сирии вероятен более худший, чем ливийский сценарий – создание фундаменталистского Исламистского квазигосударства, в результате чего радикальный исламизм и терроризм станут угрозой для всего мира, в том числе и для России.

- **Внешнеполитическая ситуация**. В конфликте представлены интересы многих акторов: Саудовская Аравия и Катар хотят сменить шиитский сирийский режим на суннитский, ослабить Сирию как игрока в регионе. Для Ирана – сирийский

президент важный союзник, после его свержения Эр-Рияд возьмется за Тегеран. В конфликте также присутствуют интересы США, Турции, Франции, Великобритании, Иордании, Ирака. Соответственно, Россия не может отстать от общей тенденции и должна отстаивать собственные интересы.

– **Действия России:** складывается впечатление, что сотрудники МИДа РФ, представитель России в Совбезе ООН и правительство в целом прикладывают много усилий, чтобы урегулировать конфликт дипломатическим способом. Понимание того, что правительство работает в интересах страны, должно вызвать у россиян чувство патриотизма и желание поддержать усилия чиновников.

В американских медиа складывается иная картина происходящих событий. Ситуация в Сирии описывается очень эмоционально, с использованием окрашенной лексики и стереотипных представлений таких, как «40-летнее репрессивное правление Асадов» или «Сирия – несвободная страна во главе с диктатором». Отметим особенности описания сирийского конфликта в американских медиа:

– Любые действия сирийского правительства подвергаются критике. Б. Асад представлен диктатором, который должен был отказаться от власти еще в 2011 г. Сообщения и мнения о виновности сирийского правительства в различных инцидентах подаются как факт, без оговорок и возможности услышать оппозиционное мнение.

– Действия российской стороны в сирийском конфликте в большинстве случаев подвергаются критике (исключая предложение по уничтожению химического оружия). В. Путина обвиняют в поддержке режима Б. Асада, в эскалации конфликта, в поставках оружия. Российский президент сравнивается с иранским и сирийским диктаторами.

– Отсутствует взвешенная, сбалансированная подача информации в новостях; корреспонденты в большинстве случаев занимают сторону умеренной оппозиции.

В результате анализа публикаций нами были обозначены следующие приемы, которые формируют определенные представления американских граждан о конфликте:

– **Причина**, по которой Соединенные Штаты должны урегулировать ситуацию в Сирии – бесспорное лидерство США в мире и роль Америки как мирового жандарма. Так как Америка является мировой военной державой и не может находиться в стороне, наблюдая, как мирные сирийские граждане страдают от авторитарного режима, необходимо их защитить. Причина дополняется **целью** – защитить и американцев от угрозы терроризма.

– **Устрашение**: формируется образ Б. Асада как тирана, лгуна, слабого руководителя и сирийского правительства, как врага, угнетающего мирных жителей, спонсирующего террористические организации и сотрудничающего с диктаторскими режимами (Северная Корея, Иран, Россия), попирающего международное право и наводящего страх на весь мир. Подобный режим – угроза мировой безопасности.

– **Внешиполитическая ситуация**: с 2011 г. правительственные войска при помощи снайперов, слезоточивого газа, танков и пушек подавляют восстания активистов и убивают мирных жителей, которые выступают за смену режима, политические права и свободы. Международная общественность в лице Франции, Великобритании и США хотела помочь активистам, но не смогла, так как Россия и Китай (на который оказывала давление Россия) накладывали вето на резолюцию в Совбезе ООН, страны ЛАГ и Турция, осуждая действия сирийского президента, не предпринимали активных действий – не поддерживали оппозицию вооружением. Так как официального «разрешения» нет, а арабские страны практически бездействуют, Соединенные Штаты не могут решить конфликт силовым способом – вооруженной интервенцией. Однако есть возможность поддержать умеренную оппозицию нелетальным оружием, техникой для связи, консультациями, разведданными. Примечательно, что одним из виновников продолжающихся вооруженных действий в Сирии является В. Путин, который из-за личной обиды, амбиций и экономической выгоды поддерживает тирана.

– **Действия США**: последние несколько десятилетий Соединенные Штаты совместно с союзниками во имя гуманитарных целей успешно вмешивались в дела других стран.

Операция в Ливии позволила свергнуть диктатора. В 1991 г. Америка остановила попытки Саддама Хусейна истребить курдов на севере Ирака после войны в Персидском заливе. В 1993 г. защитили боснийцев, позже – косоваров от попыток сербов провести этническую чистку. Все гуманитарные интервенции произошли после того, как были убиты тысячи людей (то есть не беспричинно), и все операции были успешными, так как спасли тысячи жизней и предотвратили геноцид. В роли сверхдержавы Соединенные Штаты всегда будут вынуждены решать вооруженные конфликты.

Таким образом, в российских и американских медиа формируются различные представления о сирийском вооруженном конфликте и собственной роли в нем. Для новостей каждой страны характерны свои особенности, которые выражаются в позиции СМИ по отношению к участникам конфликта, в понимании «положительных» и «отрицательных» акторов, в формировании образов глав стран-противников, в расстановке акцентов на тех или иных событиях. Как нам представляется, эта специфика зависит от видения роли собственной страны в сирийском конфликте, геополитических интересов и идеологической заданности.

Библиографический список

1. Амиров В. М. Локальная война в зеркале российской военной прессы: концептосфера и прагматика двух дискуссов // Известия УрГУ. – 2007. – №52. – С. 87 – 96.
2. Поминов Д. Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 371.
3. Castells M. Democracy in the age of the Internet // Journal of contemporary culture. – 2011. – №6. – P. 96 – 103.
4. Paul V., Singh P., John S. B. Role of mass media in social awareness // International Journal of Humanities & Social Sciences. – 2013. – № 11 (01). – P. 34–38 – [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/4243720/ROLE_OF_MASS_MEDIA_IN_

SOCIAL_AWRENESS?login=&email_was_taken=true&login=&email_was_taken=true&login=&email_was_taken=true (date of access: 12.09.2014).

5. Committed to connecting the world – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения 03.11.15).

О.В. Меженина

Алтайский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНАЛЬНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НАЧАЛА XXI В.

Главы исполнительной власти в субъектах Российской федерации занимают важное место в составе политико-административной элиты. Являясь народными избранниками, они в силу своих немалых полномочий оказывают влияние на развитие не только территории, которую они представляют, но и всего государства. Поэтому так важно обращать внимание на то, как удалось им добиться вершины региональной власти. Изучая демографические характеристики российского губернатора, получаешь представление о принципах и критериях отбора региональной элиты, появляется возможность нарисовать типичный портрет представителя власти, а также – проследить динамику его основных характеристик.

В статье представлены результаты анализа биографий глав исполнительной власти в субъектах РФ на декабрь 2000 г.

Начало XXI в. в определенной степени отражает переломный период российского политического процесса, так как на федеральном уровне произошла смена власти, президентом страны стал В.В. Путин. С одной стороны, на партийном небосклоне появились новые партии и движения, федеральные округа, Государственный Совет, стабилизируется частично экономическая ситуация в государстве, меняется принцип формирования Совета Федерации. Все это не могло не вызвать обновления в кадровой корпусе. Но с другой стороны, во многом еще сохранялись элементы прошлой эпохи, что также

не могло не повлиять на качественный состав политической элиты страны в целом, и региональной в частности. Тем более, что серьезные изменения в порядке формирования губернаторского корпуса (отмена выборов) произойдут только в 2005 г.

Основной источниковой базой нашего исследования стали биографии глав регионов, представленные в различных официальных и неофициальных сборниках (Власть–2010). Состав губернаторского корпуса на 2000 г., конечно, еще не сильно изменился. Так, 39 глав исполнительной власти в регионах были избраны еще в 1990-е гг. (44%), то есть они занимали свои посты уже не первый срок, учитывая тогдашний четырехлетний избирательный цикл. Но большая часть все-таки были избраны в 1999–2000 гг. Интересно, что 66% региональных руководителей сохранили свои посты и в знаменитом 2005 г. Причем многие, благодаря новой системе назначений. Для половины из них (33%) политический статус не изменился и в период президентства Д.А. Медведева. Таким образом, треть руководителей оказались долгожителями в губернаторском корпусе, занимая должности по 2 и более сроков. Как нам видится, это стало возможным благодаря преобразованиям в 2005 г. системы формирования исполнительной власти в регионах.

Для анализа портрета российского губернатора большое значение имеет такая характеристика, как половозрастной состав. На декабрь 2000 г. среди глав исполнительной власти в регионах не было ни одной женщины, этот факт в целом отражает политическую картину России. В отличие от западных стран, женщины в политике вообще мало представлены. Впоследствии губернаторский корпус если и пополнялся представителями слабого пола, то незначительно. Так, на сегодняшний день только 3 женщины входят в корпус региональных руководителей (Меженина О.В., 2014, с. 146).

Годы рождения российских губернаторов могут рассказать нам о том, в какую эпоху они родились, какие события происходили в период их взросления, что в итоге повлияло на их мировоззрение, карьерный рост. В период 1935–1950 гг. родился 61% будущих руководителей. То есть

молодость, период взросления, формирования личности абсолютного большинства губернаторского корпуса пришлось на так называемый период хрущевской «оттепели». Можно предположить, что проблема свободы и демократии для тех, кто стал губернаторами в конце XX в., была не чуждой. А вот представителей поколения периода застоя значительно меньше (23%). Еще меньше «детей перестройки» – 6% (1960–1970 гг.), что неудивительно, учитывая их пока еще молодой возраст и малый опыт в политике. Интересно, что через 15 лет в состав губернаторов будут входить в основном представители «золотого века Брежнева» – 75% (Меженина О.В., 2014, с. 147). Таким образом, сегодняшнее поколение глав исполнительной власти в регионах в меньшей степени боготворят либеральные и демократические принципы государственного и общественного устройства.

По таблице 1 видно, что возрастной состав региональный руководителей 2000 г. варьируется от 35 до 75 лет. В соответствии с проведенным анализом, 45% губернаторов относились к возрастной категории 35–50 лет, остальные находились в предпенсионном и пенсионном возрасте (55%). Некоторая динамика все же прослеживается по сравнению с 2014 г., когда доля представителей пожилого возраста в подобной среде приблизилось к 67% (Меженина О.В., 2014, с. 147). В итоге их сегодняшний состав отнюдь не помолодел.

Таблица 1

Возрастной состав губернаторов РФ (декабрь 2000 г.)

возраст, лет	35-45	46-50	51-55	56-60	61-65	66-70	71-75
человек	14	26	19	13	12	1	5
%	15,7	29	21,3	14,6	13,5	1,1	5,6

Важную роль для анализа играет такой показатель, как специфика образования, научные достижения. Практически 100% губернаторов на тот момент имели одно или 2 и более высших образования (57 % и 43 % соответственно). Есть, правда, в литературе сомнения на счет приобретения диплома о высшем экономическом образования бывшего главы исполнительной власти Ненецкого АО Бутова Владимира

Яковлевича (Нефть в мире). В таблице 2 представлена образовательная специфика губернаторов образца 2000 г., для анализа было выбрано первое полученное высшее образование. Несомненно лидерство технического образования (65%), то есть губернаторы заканчивали политехнические и сельскохозяйственные институты, что неудивительно – почти вся партэлита СССР имела дипломы инженеров, поэтому это было вполне в духе того времени. Почти не изменилась подобная картина и в 2014 г. – 56,5% (Меженина О.В., 2014, с. 147). А вот в отношении наличия ученой степени в среде губернаторов прослеживается обратная динамика. Так, в 2000 г. тех, кто имел ученую степень, было 30% (большая часть из них обладали докторской степенью), а в 2014 г. – 48%.

Таблица 2

**Специфика образования российских губернаторов
(декабрь 2000 г.)**

образование	гуманитарное (историки, социологи и др.)	юридическое	экономическое	техническое	военное	другое
человек	9	3	12	58	8	3
%	10,1	3,4	14,1	65	9	3,3

Обращает на себя внимание также факт значительного количества тех губернаторов образца 2000 г., которые заканчивали в свое время образовательные учреждения, связанные с КПСС (Высшая партийная школа, курсы и т.д.). Таковых оказалось – 28%. Надо сказать, что профессиональный путь глав регионов оказался весьма богатым. В некоторой степени их жизненный путь логично делится на 2 больших этапа: до распада СССР и период становления современной России. Поэтому в таблице 3 и 4 отражены цифры, показывающие поле деятельности российских губернаторов в эти периоды. Большинство их в советский период (40,4%) были задействованы на партийной работе, занимали различные

должности в горкомах, исполкомах и т.д. Почти треть будущих губернаторов реализовывала себя по инженерной части в промышленном секторе экономики (28%). В целом в их жизненном пути не наблюдается разнообразия. При этом именно их руководящий опыт в партийной и промышленной сфере, вероятно, сказался на дальнейшем карьерном росте.

Таблица 3

Сфера деятельности губернаторов РФ до распада СССР (состав – декабрь 2000 г.)

Сфера деятельности	Партийная (КПСС)	Госслужба	Образование, наука	Военная служба, органы правопорядка	Промышленность	Сх	Ж/д, транспорт
чел.	36	3	3	7	25	12	2
%	40,4	3,3	3,3	8	28	13,5	2,2

После распада СССР профессиональная деятельность глав исполнительной власти в регионах логично претерпевает существенные изменения. Начавшиеся процессы демократизация общества и государства в эти годы в значительной степени повлияли на их карьерный взлет. Основная масса тех, кто в советские годы был задействован на партийной работе, после прекращения деятельности КПСС, уходят в публичную политику и на государственную и муниципальную службу. Судя по данным таблицы 4, суммарная цифра таковых составила 82,8%. Здесь вероятно сказался имеющийся опыт организационно-политической работы. Причем третья часть из них уже в 1993–1999 гг. оказывается на губернаторских постах. Остальные проявили себя как всенародно избранные депутаты органов законодательной власти разных уровней.

Таблица 4

**Сфера деятельности губернаторов РФ в 1990 –е гг.
(состав – декабрь 2000 г.)**

Сфера деятельности	Бизнес	Муниц. и госслужба	Органы правопорядка, военная служба	Политическая деятельность в органах представительной власти всех уровней	Другое
чел.	9	31	4	43	2
%	10	34,8	4,5	48	2,2

Определенный интерес представляет анализ партийной принадлежности губернаторов в 2000 г. Как видно из таблицы 5, почти 41% губернаторов состояли в какой-нибудь политической организации, участвовавшей в избирательных кампаниях тех лет. Это были самые разнообразные партии, блоки и движения, как впервые появившиеся в 1999 г. (ОВР, Единство), так и активно проявляющие себя в 1990-е гг. Некоторые партийные структуры, как видим, открыто поддерживали существующую власть (президент, правительство), другие имели ярко выраженную оппозиционную окраску. Наивысшим результатом, по данному показателю, судя по таблице, оказалось членство в КПрФ (15%). Это представители так называемого тогда «красного пояса», то есть группы российских регионов с устойчивой поддержкой КПрФ на местных и федеральных выборах. Причем данный термин начал широко употребляться как раз с середины 1990-х гг. после победы в ряде регионов оппозиционных кандидатов-коммунистов. К «красному поясу» относились преимущественно аграрные области Центральной России, дотационные национальные республики Северного Кавказа, а также ряд регионов юга Сибири (в том числе Алтайский край) и Дальнего Востока. С приходом к власти Владимира Путина и снижением поддержки КПрФ «красный пояс» прекратил своё существование. Таким образом, в 2000 г. подавляющее большинство губернаторов (59%) не состояли в политических партиях. Данный факт резко контрастирует с 2014 г., когда почти 100% глав исполнительной власти в

регионах России в них состоят, причем 87% из них – члены политической партии «Единая Россия» (Меженина О.В., 2014, с. 150).

Таблица 5

**Партийная принадлежность глав исполнительной
власти в субъектах РФ в декабре 2000 г.**

Полит. партия, движение, блок	ДВР	АПР	НДР	Единство	Отечество- Вся Россия	КПРФ	СПС	ЛДПР	РНП	Другое
чел.	1	1	7	5	5	13	1	1	1	1
%	1,1	1,1	8	5,6	5,6	15	1,1	1,1	1,1	1,1

Таким образом, анализ социально-демографических характеристик российских губернаторов образца 2000 г. помог составить представление об их типичных представителях. Состав был полностью мужским, примерно половина из них находилась в возрасте 35–50 лет, остальная – в предпенсионном и пенсионном возрасте. В основном они родились в период 1935–1950 гг. Как правило, губернатор образца 2000 г. имеет первое техническое образование, он инженер по профессии, однако в соответствии с советскими реалиями не работает по специальности, а участвует в партийной работе, а после распада СССР проявляет себя в качестве государственного и политического деятеля.

Библиографический список

1. Власть-2010. 60 биографий. – В. Прибыловский (при участии Г. Белонучкина, Е. Лоскутовой и К. Минькова). – М., 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://scilla.ru/works/knigi/vlast2010.pdf>
2. Кто есть кто в мире / Под ред. Е. В. Коровкина. – М., 2004. – 689 с.
3. Меженина О.В. Социально-политический портрет российского губернатора накануне выборов 2014 г. // Власть и

общество в пространстве публичной политики России и регионов. Барнаул: Изд-во «Си-пресс», 2014. – 240 с.

4. Нефть в мире // Скважина. – 2001. – 9 августа [Электронный ресурс] URL: <http://www.nefte.ru/oilworld/-timpech9.htm>.

5. Федеральная и региональная элита России, 2005-2006. Кто есть кто в политике и экономике: биографический справочник / Под ред. А. А. Мухина. – М., 2006. – 423 с.

Е.О. Негров

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

**ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

Предлагаемое исследование выполнено в рамках эмпирического политического исследования «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург–2015»), исполненного на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований (директор Ресурсного центра, канд. социол. наук С.М. Снопова) в марте–апреле 2015 г. Руководитель проекта – докт. полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О.В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров, канд. полит. наук, ассистент Д.А. Будко, ассистент А.В. Шентякова, аспирант 2 курса Р.К. Кучаков, аспирант 2 курса С.И. Суслов. Метод опроса — телефонное интервью. Объем выборки – 1150 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

Представляется очевидным, что, прежде чем говорить о конкретных оценках петербуржцев по поводу социальных конфликтов, следует сказать несколько слов о самом феномене их восприятия. В основе любого развития, как утверждал американский ученый Ч.Р. Миллс, лежит конфликт, а не конформизм, согласие или интеграция (см. Миллс Ч., 2001). Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, олицетворяющими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что высшим проявлением этого конфликта является борьба за власть. Другой теоретик-конфликтолог, немецкий социолог Р. Дарендорф, считал, что все сложные организации основываются на перераспределении власти (см. Дарендорф Р., 2002). По его мнению, в основе конфликтов лежат не экономические, а политические причины. Источником конфликтов является так называемый политический человек. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного уровня, конфликт противников, находящихся в отношении подчинения, конфликт целого и части), он получил 15 типов и подробно проанализировал возможность их «канализации» и регулирования. Еще один сторонник этой теории, американский социолог Л. Козер, определил социальный конфликт как идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т. п. (см. Козер Л., 2013). Большинство представителей этого направления подчеркивают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования. Вместе с тем эта позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования. Именно с этой точки зрения результаты представленного исследования должны представлять не только теоретический, но и сугубо практический интерес.

Эмпирическая часть исследования представляет собой анализ и интерпретацию частотных распределений и связи социально-демографических характеристик отдельных групп респондентов и их оценкой степени опасности реальных и потенциальных социальных конфликтов, исследованная методом анализа значений стандартизованных остатков. Сами социально-демографические характеристики были отражены в анкете исследования и представляли собой пол респондентов, их возраст (от 18 до 29 лет; от 30 до 39 лет; от 40 до 49 лет; от 50 до 59 лет; свыше 60 лет), образование (начальное и неполное среднее; среднее полное; начальное профессиональное; среднее профессиональное; неполное высшее; высшее), род занятий (рабочий; ИТР; работник управленческого аппарата; управленец; работник культурной сферы; рядовой работник торговли; предприниматель; военнослужащий; работник сферы услуг; домохозяйка; студент и учащийся; неработающий пенсионер; безработный и представитель другого рода занятий), самоидентификацию по слоям общества (высший слой; между высшим и средним слоями; средний слой; между средним и низшим слоями; низший слой) и ежемесячный доход на одного человека в семье (до 5000 рублей; от 5000 до 10000 рублей; от 10000 до 13000 рублей; от 13000 до 18000 рублей; от 18000 до 28000 рублей; свыше 28000 рублей; отказ от ответа).

Оставляя в стороне технические вопросы, можно зафиксировать, что больше половины петербуржцев считают угрозу конфликтов между чиновниками и рядовыми гражданами опасной (52,2%), тогда как противоположного мнения придерживаются 38,6% при том, что практически каждый десятый респондент (9,2%) затрудняется с ответом. Более содержательную картину рисует анализ стандартизованных остатков, проведенный по каждому из столбцов данных. Мужчины, однозначно, склонны считать степень опасности описываемой проблемы несущественной (стандартизованный остаток +3,1), тогда как женщины, наоборот, обнаруживают отрицательную связь в этом вопросе (-2,7). По возрасту видна четкая разница между молодежью (от 18 до 29 лет) и людьми старшего поколения: первые имеют четко выраженное мнение (-2,2), считая, что такие конфликты не

опасны (+2,6 и -2,3), вторые – напротив, сомневаются (+4,9), при этом не считая, что такие конфликты не несут в себе опасности (+2,1). Люди с начальным и средним образованием более склонны затрудняться с ответом на поставленный вопрос (+2,5 и +1,7 соответственно), тогда как респонденты с неполным высшим (студенты, все та же молодежь!), наоборот, уверены в своей позиции (-2,0), заключающейся в том, что опасность таких конфликтов совсем невелика (+2,2). Люди же со средним образованием обнаруживают отрицательную связь с мнением об отсутствии опасности таких конфликтов (-2,3). По роду деятельности картина следующая: работники торговли считают, что конфликты между чиновниками и рядовыми людьми (такими как они сами!), скорее, не опасны (+2,7), пенсионеры склонны затрудняться с конкретной оценкой (+4,7), предприниматели и студенты обнаруживают отрицательную связь с признанием проблемы скорее опасной или очень опасной (-1,8 и -2,2 соответственно). Безработные, чего и следовало ожидать, напротив, не считают такие конфликты чем-то безобидным (-2,0). Наконец, люди, относящие себя к низшему слою, однозначно видят большую опасность в такого рода конфликтах (+2,9), а те, кто не могут однозначно определить свой социальный статус, при том, что сомневаются и в ответе на сам вопрос (+4,1), тем не менее, так же явно не считают противоречия между чиновниками и рядовыми гражданами чем-то опасным (+3,2 и -3,1 соответственно). Эти выводы не опровергают и данные по конкретным суммам ежемесячного дохода.

В случае потенциала конфликтов в сфере занятости можно зафиксировать очень схожую картину: больше половины петербуржцев считают угрозу конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками опасной (51,7%), тогда как противоположного мнения придерживаются 38,4%, при том, что ровно один из десяти (10,0%) затрудняется с ответом. Более содержательную картину рисует анализ стандартизованных остатков. Мужчины менее склонны к сомнениям в рамках поставленного вопроса (-2,0), в большинстве своем считая, что конфликты между «капиталистами» и «пролетариями» не очень опасны (+2,9). У

женщин в обоих случаях позиция противоположная (+1,8 и -2,5 соответственно). Люди от 18 до 49 лет также демонстрируют уверенность в своей позиции (-3,4, -1,7 и -1,7 соответственно), тогда как пенсионеры, напротив, обнаруживают весьма высокую степень сомнения (+7,2). При этом молодежь (до 39 лет) не склонна преувеличивать степень опасности такого рода конфликтов (+3,2 и -2,0 в диапазоне 18–29 лет и +1,7 в диапазоне 30–39 лет), а пожилые люди преуменьшать (-3,6). В случае образовательного критерия респонденты с начальным и неполным средним образованием склонны сомневаться (+2,8) при ответе на вопрос, при этом обнаруживая отрицательную связь с высокой степенью опасности конфликта (-1,8) а люди с неполным высшим (т. е., в большинстве своем, студенты), наоборот, не сомневаются (-1,9). В соответствии с предыдущими выводами пенсионеры больше затрудняются с ответом (+6,8), а управленцы, рядовые работники торговли и студенты, наоборот, испытывают мало сомнений в своей позиции (-2,0, -2,0 и -2,8 соответственно). При этом рабочие, как это ни странно, демонстрируют большую солидарность с работодателями, в большинстве своем считая степень конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками не опасной (+1,7), как, кстати, и студенты (+3,4 и -2,4). Противоположного мнения придерживаются пенсионеры и безработные (-3,8 и +1,7 соответственно). Не сомневаются при ответе на данный вопрос люди, относящие себя к промежутку между средним и низшим слоями (-1,7) и с доходами выше 28000 рублей (-3,1), и, наоборот, больше колеблющихся у представителей низшего слоя (+2,9) и тех, чей доход находится в границе от 10000 до 13000 рублей (+2,1). И, что естественно, представители верхней границы среднего слоя опасность конфликтов между собственниками и наемными работниками не преувеличивают, а низшего – не преуменьшают (оба по +2,9).

В рамках религиозных конфликтов ситуация выглядит более определенной и сложной. Почти две трети респондентов считают угрозу конфликтов на религиозной основе весьма существенной (64,9%), только чуть больше четверти не считают данную проблему серьезной (26,5%) при 8,6% не определившихся. При анализе стандартизованных остатков

выясняется следующее. Женщины оценивают опасность конфликтов между православными и мусульманами существенно выше мужчин (–2,0 против +2,4 в соответствующей рубрике). По молодежи информация противоречивая, а вот люди средних лет (40–49 лет) однозначно склонны оценивать угрозу таких конфликтов существенно сильнее, чем пенсионеры (–2,3 и +3,0 соответственно). Чем ниже образовательный уровень, тем, с одной стороны, больше сомнений по поводу собственной позиции, а с другой – тем ниже (что неожиданно) уровень оценки степени угрозы конфликтов на религиозной основе (+3,3 и +1,8 соответственно). Интересно, что работники управленческого аппарата весьма высоко оценивают степень таких угроз (+2,1) при низком уровне сомнения в собственной позиции (–1,7), пенсионеры, наоборот, не считают эту угрозу существенной (+2,9 и –2,0 соответственно), а позиция рядовых работников торговли достаточно противоречива (+2,9 и –2,1 соответственно). В случае социального статуса картина такова. Те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему (–1,9/+2,5 и +1,9/–2,3 соответственно), что подтверждается и сравнением по реальным доходам – те, у кого они ниже 5000 рублей в месяц также не склонны оценивать степень такой угрозы, как высокую (–1,7), видимо, имея перед собой проблемы более серьезные и актуальные.

По вопросу потенциала конфликта между бедными и богатыми ситуация следующая. Скорее опасным и очень опасным данный конфликт считают 59,6% респондентов, не склонны считать данную угрозу существенной 32,5%. Каждый двенадцатый петербуржец (7,8%) затрудняется с ответом на поставленный вопрос. Однозначно более существенной угрозу такого раскола считают женщины (–1,7 у женщин против +2,0 у мужчин). Также довольно разительна разница в позиции по данному вопросу у молодежи и пенсионеров. Первые не видят в разрыве между бедными и богатыми серьезной угрозы (+4,0 и –1,4 соответственно), вторые – напротив, оценивают ее как весьма существенную (–3,1). Так же, как пенсионеры, ситуацию склонны оценивать респонденты с начальным и неполным средним образованием (–2,1) и домохозяйки (+2,1). Картину

подтверждает и род занятий респондентов – студенты, однозначно, угрозы не видят (+3,3 и –1,9 соответственно), неработающие пенсионеры, при существенной доли сомневающихся в своей позиции (+3,1), напротив, считают ее довольно большой (–2,7).

Наконец, угрозу конфликтов по этническому признаку (между русскими и нерусскими) петербуржцы оценивают следующим образом. Почти 2/3 респондентов (63,8%) считают данную проблему существенной, четверть – не очень серьезной (27,8%), 8,5% затрудняются выразить свое конкретное мнение. При этом мужчины, люди пожилого возраста, неработающие пенсионеры и люди с крайне низким уровнем дохода (ниже 5000 рублей в месяц) обнаруживают большую долю при выражении мнения о несущественности данной угрозы (+1,7, +2,4, 3,3% и 2,8% соответственно). Опасными такого рода конфликты считает учащаяся молодежь от 18 до 29 лет, а также управленцы (+1,7, +2,3 и +2,5 соответственно).

Итак, общая ситуация достаточно наглядна. Если говорить об оценке степени опасности социальных конфликтов между различными социальными группами, на первое место петербуржцы ставят опасность конфликтов на религиозной основе. Далее идут такие конфликты, как трения по этническому признаку, между бедными и богатыми и чиновниками и рядовыми гражданами. Замыкает список потенциальная опасность конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками. В первом случае (потенциал конфликтов между православными и мусульманами) женщины оценивают опасность таких конфликтов существенно выше мужчин. По молодежи информация противоречивая, а вот люди средних лет (40–49 лет) однозначно склонны оценивать угрозу таких конфликтов существенно сильнее, чем пенсионеры. Чем ниже образовательный уровень, тем, с одной стороны, больше сомнений по поводу собственной позиции, а с другой – тем ниже (что неожиданно) уровень оценки степени угрозы конфликтов на религиозной основе. Интересно, что работники управленческого аппарата весьма высоко оценивают степень таких угроз при низком уровне сомнения в собственной позиции, а пенсионеры, наоборот, не считают эту угрозу

существенной. В случае социального статуса картина такова. Те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему, что подтверждается и сравнением по реальным доходам – те, у кого они ниже 5000 рублей в месяц также не склонные оценивать степень такой угрозы, как высокую (-1,7), видимо, имея перед собой проблемы более серьезные и актуальные. В случае оценки опасности конфликтов между русскими и нерусскими ситуация следующая. Мужчины, люди пожилого возраста, неработающие пенсионеры и люди с крайне низким уровнем дохода (ниже 5000 рублей в месяц) обнаруживают большую долю при выражении мнения о несущественности данной угрозы. Опасными такого рода конфликты считает учащаяся молодежь от 18 до 29 лет, а также управленцы. По вопросу потенциала конфликта между бедными и богатыми ситуация такова: однозначно более существенной угрозу такового раскола считают женщины, также довольно разительна разница в позиции по данному вопросу у молодежи и пенсионеров. Первые не видят в разрыве между бедными и богатыми серьезной угрозы, вторые – напротив, оценивают ее как весьма существенную. Так же, как пенсионеры, ситуацию склонны оценивать респонденты с начальным и неполным средним образованием и домохозяйки. Картину подтверждает и род занятий респондентов – студенты, однозначно, угрозы не видят, неработающие пенсионеры, при существенной доли сомневающихся в своей позиции, напротив, считают ее довольно большой. Если говорить о предпоследней по степени опасности проблеме – потенциале конфликта между чиновниками и рядовыми гражданами, то следует зафиксировать, что мужчины, однозначно, склонны считать степень опасности описываемой проблемы несущественной, тогда как женщины, наоборот, обнаруживают отрицательную связь в этом вопросе. По возрасту видна четкая разница между молодежью (от 18 до 29 лет) и людьми старшего поколения: первые имеют четко выраженное мнение, считая, что такие конфликты не опасны, вторые – напротив, сомневаются, при этом не считая, что такие конфликты не несут в себе опасности. Люди с начальным и средним образованием более склонны

затрудняться с ответом на поставленный вопрос, тогда как респонденты с неполным высшим (студенты, все та же молодежь!), наоборот, уверены в своей позиции, заключающейся в том, что опасность таких конфликтов совсем невелика. Люди же со средним образованием обнаруживают отрицательную связь с мнением об отсутствии опасности таких конфликтов. По роду деятельности картина следующая: работники торговли считают, что конфликты между чиновниками и рядовыми людьми (такими как они сами!), скорее, не опасны, пенсионеры склонны затрудняться с конкретной оценкой, предприниматели и студенты обнаруживают отрицательную связь с признанием проблемы скорее опасной или очень опасной. Безработные, чего и следовало ожидать, напротив, не считают такие конфликты чем-то безобидным. Наконец, люди, относящие себя к низшему слою, однозначно видят большую опасность в такого рода конфликтах, а те, кто не могут однозначно определить свой социальный статус, при том, что сомневаются и в ответе на сам вопрос, тем не менее, так же явно не считают противоречия между чиновниками и рядовыми гражданами чем-то опасным. Эти выводы не опровергают и данные по конкретным суммам ежемесячного дохода. Наконец, в рамках вопроса о потенциале конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками мужчины менее склонны к сомнениям в рамках поставленного вопроса, в большинстве своем считая, что конфликты между «капиталистами» и «пролетариями» не очень опасны. У женщин в обоих случаях позиция противоположная. Люди от 18 до 49 лет также демонстрируют уверенность в своей позиции, тогда как пенсионеры, напротив, обнаруживают весьма высокую степень сомнения. При этом молодежь (до 39 лет) не склонна преувеличивать степень опасности такого рода конфликтов, а пожилые люди преуменьшать. В случае образовательного критерия респонденты с начальным и неполным средним образованием склонны сомневаться при ответе на вопрос, при этом обнаруживая отрицательную связь с высокой степенью опасности конфликта, а люди с неполным высшим (т. е., в большинстве своем, студенты), наоборот, не сомневаются. В соответствии с предыдущими выводами

пенсионеры больше затрудняются с ответом, а управленцы, рядовые работники торговли и студенты, наоборот, испытывают мало сомнений в своей позиции. При этом рабочие, как это ни странно, демонстрируют большую солидарность с работодателями, в большинстве своем считая степень конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками не опасной, как, кстати, и студенты. Противоположного мнения придерживаются пенсионеры и безработные. Не сомневаются при ответе на данный вопрос люди, относящие себя к промежутку между средним и низшим слоями и с доходами выше 28000 рублей, и, наоборот, больше колеблющихся у представителей низшего слоя и тех, чей доход находится в границе от 10000 до 13000 рублей. И, что естественно, представители верхней границы среднего слоя опасность конфликтов между собственниками и наемными работниками не преувеличивают, а низшего – не преуменьшают.

В случае второго блока вопросов – о степени личной тревоги от присутствия рядом непохожих на респондентов людей ситуация следующая. На первом месте с существенным отрывом переживания респондентов от присутствия рядом людей другой национальности. Далее идут люди из других государств и другого вероисповедания. Наконец, последнее место с абсолютно одинаковыми результатами делят представители других политических взглядов и представители иных регионов Российской Федерации. Анализ стандартизованных остатков показывает следующее: в первом случае совсем не тревожит ситуация с присутствием рядом людей других национальностей неработающих пенсионеров старше 60 лет. Испытывают беспокойство домохозяйки, а сильно переживают по этому поводу, прежде всего, люди рабочих специальностей, тогда, как инженерно-технические специалисты, наоборот, такого сильного переживания от присутствия рядом людей другой национальности не ощущают. Наличие рядом людей из других государств беспокоит больше людей с начальным и неполным средним образованием и рабочих специальностей, а управленцев и учащихся – в меньшей степени. В случае с вопросом о тревоге от присутствия рядом с респондентами людей с другой верой представители

рабочих профессий и безработные демонстрируют определенную степень тревоги, а инженерно-техническая интеллигенция и предприниматели, наоборот, декларируют отсутствие каких бы то ни было переживаний по этому поводу. В ситуации с людьми других политических взглядов мужчины очень явно демонстрируют большое спокойствие в этом вопросе, а вот, женщины, как раз склонны проявлять определенное беспокойство. По возрасту картина тоже весьма однозначна – молодежь спокойна, когда рядом находятся их политические оппоненты, наиболее беспокоятся люди от 50 до 59 лет. Интересно, что люди, причисляющие себя к военнослужащим, а также имеющие доход в диапазоне 13000–18000 рублей, также обнаруживает определенную степень беспокойства. Наконец, в ситуации с соседями из других регионов РФ, чем старше люди, тем степень тревоги выше. То же характерно и для уровня образования и дохода.

Итак, нам удалось зафиксировать отношение петербуржцев к различным социальным конфликтам, а также выявить скрытые связи и закономерности в социодемографической структуре такого отношения, что, в свою очередь, должно полнее раскрыть угрозы и опасности возможного усиления социальных конфликтов в российском обществе, а, значит, и способствовать их предотвращению.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Грищенко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / под ред. М. К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2008.
2. Дарендорф Р. Тропы из Утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Праксис, 2002.
3. Дмитриев А.В. Социальный конфликт. – СПб.: СПбГУП, 2011.
4. Козер Л. Мастера социологической мысли. – М.: Нестор-История, 2013.
5. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: Nota Bene, 2001.

6. Попова О.В. О динамике показателей опасности социальных конфликтов в сознании жителей Санкт-Петербурга (2008–2012 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9. – № 1. – С. 51–72.

7. Попова О. В. Опасность социальных конфликтов в сознании жителей мегаполиса (2008–2011 гг.) // Вестник СПбГУ. – 2012. – Серия 6. – № 4. – С. 78–89.

Д.А. Омельченко

Алтайский государственный университет, Барнаул

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, УСТАНОВКИ,
ПРАКТИКИ²**

Политическая социализация молодежи в период поздней современности испытывает влияние колоссальных социальных трансформаций, наиболее ярко описанных в теориях «общества риска» (У. Бек), рефлексивности (Э. Гидденс) и «текущей современности» (З. Бауман). Глубинные социокультурные трансформации, затронувшие все современные общества и придавшие им черты высокомедиатизированных, технологически развитых, и, в то же время, в крайней степени индивидуализированных, предопределили пересмотр определения «политического» в его обычном понимании. В качестве политического начинает рассматриваться не только действие, структурированное посредством политических институтов и неправительственных организаций, но любое действие, в том числе индивидуальное, подрывающее установленные иерархии ценностей и норм, институтов и авторитетов действие,

² Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации Гранта Президента в области поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук МК-5922.2014.6 «Молодежный акционизм в общественно-политическом пространстве регионального социума: концептуальный анализ социальных практик и сетевых моделей».

облеченное в свободные неформальные формы. Эти действия активно перемещаются в сферу частной жизни, в область альтернативных и более индивидуализированных способов самовыражения, что нашло отражение в концепциях «личного политического» (Carrol, 1989), «субполитики» (Beck, 1997), «персонализированной политики» (Lichtermand, 1996), «политики жизненного стиля» (MichelettiandStolle, 2011). В дополнение к конвенциональным формам, эти проекты отражают идеалы сетевого управления и обычно имеют нелинейную, неиерархическую и флюидную природу, вовлекают разнообразных социальных акторов, проводятся на неправительственных площадках в форме антиинституциональных и революционных действий. Этот процесс опосредованной мобилизации локализован в рамках социальной активности и описывается микродействиями индивидуальных агентов, участия на основе потребности, отсутствии четко определенных обязательств. Альтернативные активисты используют альтернативные средства коммуникации, создавая и культивируя межличностные он-лайн сети, и претендуя на автономные пространства участия – свободные от идеологии, основанные на диалоге, обсуждении и разделении идей.

В поздней современности происходит и трансформация самого концепта «молодежь». Размышления современных авторов приводят к разнообразным и довольно противоречивым выводам. Одни подчеркивают способность молодежи выходить за рамки традиционных категорий, таких как класс, гендер, раса и утверждать, что современные идентичности молодежи выражаются посредством глобализованных жизненных стилей и потребления (Maffesoli, 1996). Другие настаивают, что в рамках фундаментальных социальных изменений, выбор молодежи определенных моделей поведения все еще во многом определяется социальной структурой (Furlongand Cartmel, 2006).

Исследуя политическую активность и участие молодых людей в социальных движениях, большинство исследователей не рассматривают молодых людей как «полноценных» активистов, но скорее как членов общего гражданского общества, вовлеченных в деятельность молодежных (студенческих и прочих) организаций (Youniss, McLellan, Mazer,

2001), классифицируя молодежное участие как функцию идентификации с определенной субкультурой или группами равных, исследуя новые формы молодежных солидарностей (Омельченко Е.Л., 2014). Кроме того, практически все подобные исследования предполагают, что молодежь и взрослые занимают разные «орбиты», которые практически не пересекаются, в силу различных взглядов на жизнь, чрезмерной отчужденности, маргинализации, подчеркнутой независимости молодежи.

Происходящие в российском обществе трансформации общественных отношений обусловили переход от патерналистской модели молодежной политики к паритетной модели, в которой молодежь выступает активным субъектом общественно-политических процессов, несет ответственность за будущее развитие общества. В условиях переноса значительной части политической коммуникации в виртуальное пространство и переосмысления политической активности в более широких рамках, задаваемых новыми ценностями образа жизни, возникает необходимость анализа различных аспектов политического участия молодежи.

Политическая активность является широким термином, охватывающим деятельность социальных групп или индивидов по сохранению и изменению политического порядка на основе четкой жизненной позиции, особой направленности мышления и поведения человека (Халипов В.Ф., Халипова Е.В., 1999). В отличие от пассивных политических реакций, она предполагает наличие субъектности – готовности участвовать в деятельности политических институтов, обладать выраженными политической идентичностью и политическим самосознанием и отражает сложившуюся в обществе политическую культуру.

Как показало социологическое исследование, проведенное среди молодежи в Алтайском крае в 2015 г. (n=1200, возраст респондентов от 15 до 29 лет), алтайская молодежь вовсе не отчуждена от политики: 46,8% отметили, что испытывают явный интерес к политическим событиям, 17,3% считают себя политически активными. Более активной является работающая молодежь и студенты вузов. Неработающая и не получающая образование молодежь демонстрирует большую готовность участвовать в протестном движении, включая наиболее

радикальные его формы. Молодежь, проживающая в сельской местности, как правило, вовлечена в политику посредством играизированных виртуальных форм. Политическая активность молодежи определяется ее ценностно-мировоззренческими позициями, характеризуемыми индивидуализацией и прагматической направленностью, социальные и политические ценности (социальная справедливость, реализация прав и т.д.) разделяются не более 10% опрошенных. Ориентация на личные потребности и интересы сопровождается отсутствием склонностей к альтруизму и социальному служению. На вопрос «Прежде всего, нужно заботиться о собственном благополучии, а потом уже думать о благополучии других людей и общества в целом»? утвердительно ответили 63% опрошенных, чуть более трети имели противоположное мнение и 5,1% - затруднились с ответом. Таким образом, в целом молодые люди оказались не готовы готовностью жертвовать собой во имя общего блага, бороться за национальную идею.

На фоне такой мировоззренческой позиции, удручающе низкой выглядит установка молодых людей на практический отказ от самостоятельных попыток решения социальных проблем, пессимизм и отсутствие веры в то, что кто-то кроме государственных структур может сегодня изменить ситуацию? На вопрос «В решении социальных проблем нет смысла самостоятельно пытаться изменить ситуацию, что-то сделать можно только на уровне государственных органов?» половина опрошенных дали утвердительный ответ. Таким образом, алтайская молодежь стремится выстраивать стратегию политической активности в неразрывной связке с властными политическими игроками.

Участвующая в опросе молодежь обладала достаточно широким спектром политических взглядов, измеряемая по шкале субъективной политической ориентации: «левые» составили 19,3%, «центристы» – 42,2%, «правые» – 25,4%, неопределившиеся – 13,2%. Однако эти взгляды не были ассоциированы с конкретными политическими партиями, молодежь не видела в них представителя своих интересов: порядка 75% опрошенных не считали себя сторонниками какой-либо партии, только 3,3% респондентов являлись членами

какой-либо партии или политической организации, что лишало осмысленности электоральную активность, несмотря на ее достаточно высокий уровень (45% молодых людей отметили, что регулярно ходят на выборы).

В большинстве случаев политическая активность носила созерцательный характер, проявляющийся в просмотре аналитических передач на политические темы (65,7%) и чтении политической литературы (52,7%). Молодежь Алтайского края слабо ориентируется в действующих политических партиях и не видит в них представителя своих интересов: порядка 75 % опрошенных не считают себя сторонниками какой-либо партии, только 3,3% являются членами какой-либо партии или политической организации, что лишает осмысленности электоральную активность, несмотря на ее достаточно высокий уровень (45% молодых людей отметили, что регулярно ходят на выборы). Политические действия, предполагающие публичную демонстрацию своих политических взглядов, совершает ограниченная часть молодых людей: 6,8% респондентов участвуют в политических дебатах и встречах с политическими деятелями, 4,4% – распространяют печатную информацию политического характера, 3,9% – участвуют в уличных политических акциях.

В виртуальной среде политическая активность в несколько раз выше: 15,5% молодых людей участвуют в Интернет-голосованиях, референдумах и Интернет-опросах на политические темы, 12% – оставляют сообщения в блогах и на форумах политических партий, общественных организаций и органов власти, участвуют посредством глобальной сети в обсуждении программ, законодательных инициатив и проектов, 8,7% – размещают информацию политического характера на своей персональной странице, 4,4% используют Интернет для организации политических акций.

Между тем, говорить о том, что алтайская молодежь полностью и тотально пассивна не вполне правомерно. Уровень участия в социальных и гражданских акциях показывает, что, по меньшей мере пятая часть молодых людей вовлечена в благотворительные акции и инициативы, участвует в продвижении ценностей здорового образа жизни, экологических

и природоохранных акциях. В том числе в таких инициативах, которые имеют формы неинституционализированных символических и партисипативных политических практик, таких как ношение символики, проведение научных исследований, бойкотирование определенных продуктов. Около 10% молодежи участвовало в коллективных действиях при подготовке выборов, обращалось к депутатам за помощью. Безусловно, лишь некоторая часть – единицы, принимали участие в таких видах активности, которые можно причислить к лидерству, молодежным общественным движениям – создание инициативных групп, проведение публичных слушаний, обращение в СМИ.

В целом, 43,5% опрошенных обладали высоким уровнем гражданской активности, 25,6% – средним, и 30,9% – низким (данный показатель рассчитывался по количеству форм гражданского участия молодежи).

Одной из важных задач исследования являлось изучение протестной активности как формы выражения политического активизма. В инструментарий были включены различные показатели, включающие оценку допустимости различных протестных действий, потенциал протеста, измеряемый как вероятность участия в протестных акциях в ближайшее воскресенье, анализ привлекательности различных информационных поводов для протестных акций, а также причин неучастия в акциях протеста.

Наиболее «мягкой» формой протеста, одобряемой 34,5% молодых людей, являлся абсентеизм как осознанный выбор неучастия в выборах. Оценка приемлемости абсентеизма как формы протеста существенно варьировала в зависимости от электоральной активности респондента. Среди тех, кто регулярно посещал выборы (а таких респондентов в нашей выборке было около 45% с учетом поправки на совершеннолетие), только каждый четвертый одобрял возможность сознательного уклонения от голосования для выражения своей политической позиции, в то время как среди молодых людей, участвующих в выборах только время от времени, доля одобряющих абсентеизм доходила до 40%. Более того, большинство молодых людей, отметивших, что не ходили

на выборы в знак протеста (52,8%), считали этот способ одним из наиболее допустимых, тогда как пропускавшие выборы по другим причинам дали положительный ответ только в 32,7% случаев. Таким образом, важным критерием оценки допустимости являлось не только соответствие разделяемым нормам и ценностям, но и сопряженность тех или иных форм с жизненным опытом молодежи: допустимым считалось то, что уже было испробовано на практике.

Другим фактором, способствующим позитивному восприятию неучастия в электоральном процессе, являлся уровень материального достатка. Примечательно, что наибольшие оценки допустимости давала молодежь, занимающая на шкале «бедные–богатые» самую высокую позицию «очень хорошо, даже богато» (63,6%), а также промежуточную позицию между «бедными» и «средняками» (43,4%), тогда как относящие себя к среднему классу молодые люди показали большую приверженность ценностям электоральной демократии (29,0% ответов «допустимо»). Основываясь на положении теории относительной депривации (Т. Гарр, Дж. Девис и др.), можно предложить следующую трактовку полученных результатов: молодежные элиты, претендуя на дальнейшее улучшение условий жизни вследствие роста ожиданий и потребностей, ощущают несоответствие между ними и имеющимися возможностями получения социально-политических и экономических благ. Как следствие, возникает фрустрация и оправдание возможности применения политической борьбы в нелегитимных формах. Для бедной молодежи, депривация имела убывающую направленность и связана с психологическим раздражением из-за потери того, что они имели или хотели бы иметь в данных политических условиях. В этом случае, использование абсентеизма могло рассматриваться молодыми людьми как средство если не достижения своих целей, то хотя бы облегчения чувства внутренней неудовлетворенности своим положением, вина за которое ложится на действующую систему власти.

Участие в забастовках и акциях гражданского неповиновения считали допустимым примерно треть опрошенных, каждый четвертый молодой человек, принявший

участие в исследовании, отметил в качестве приемлемого способа решения проблем участие в неразрешенных демонстрациях и митингах, каждый пятый – участие в голодовке. Безусловно, полученные оценки являлись предельно «размытыми», не позволяющими составить достоверный прогноз реального протестного поведения, однако, сам факт наличия подобных установок свидетельствовал о скрытом мобилизационном потенциале молодежи, потенциальной готовности к нелегальным действиям и выходу на улицы в случае возникновения благоприятных обстоятельств. Как и в случае с абсентеизмом, позитивную установку к гражданскому неповиновению демонстрировали представители «золотой молодежи» из богатых семей (63,6%), в отличие от других категорий, давших в среднем 25,0% положительных ответов. Политические пристрастия также оказывали значимое влияние на оценку: молодежь, относящая себя к «левым» или «центристам» значимо выше оценивала допустимость данных форм политической активности, чем представители молодых либералов.

Об экстремальном характере правовых установок и правовом нигилизме свидетельствовала позиция группы молодых людей, составившей 15% выборочной совокупности, допускающая возможность для достижения своих целей обращаться за помощью к криминальным авторитетам. Единственным фактором, влияющим на определение допустимости такого поведения, стала гражданская идентичность, измеряемая как осознание важности принадлежности к числу граждан России. Молодые люди, имеющие четкую гражданскую позицию, значимо реже давали положительную оценку взаимодействию с криминальными структурами, по сравнению с молодыми людьми, чья гражданская идентификация была менее артикулирована.

Наиболее радикальными и менее всего одобряемыми формами протеста являлись, по мнению опрошенных, блокирование транспортных и коммуникационных сетей, захват зданий и предприятий и сопротивление властям с оружием в руках. Однако, несмотря на экстремальность, около 10% опрошенных все же признали эти действия допустимыми для

реализации своих целей, большинство принадлежали к левому или центристскому блоку политических предпочтений, а также относили себя к группе финансово преуспевающей молодежи. Таким образом, вновь проявились сходные черты групп молодежи, обладающей радикальными политическими установками.

В ходе анализа корреляционных взаимосвязей между оценками допустимости различных форм протеста, выявилось, что опрошенная молодежь практически сходным образом оценивала участие в забастовках и голодовках ($p=0,75$), захват зданий и предприятий и блокирование транспортных путей и коммуникаций ($p=0,68$), которые ассоциировались, в свою очередь с сопротивлением властям с оружием в руках ($p=0,66$, $p=0,65$). Таким образом, все эти формы активности в представлениях молодежи являлись практически одинаково неприемлемыми и воспринимались без существенной дифференциации как явления одного порядка.

По всем позициям, связанным с нарушением законодательства и предполагающим наличие высокого риска, были получены значимые различия в ответах в зависимости от пола респондентов. Результаты опроса убедительно доказывают, что экстремальность является преимущественно мужской характеристикой протестного поведения, тогда как девушки предъявляют более жесткие стандарты к соблюдению формальных правил и не готовы к вовлечению в опасные виды деятельности.

Одним из ключевых факторов, обуславливающих оценку допустимости форм политического поведения, является фактор идентичности. Исследование показало, что наличие выраженных идентичностей – гражданской (важность ощущать себя гражданином России), территориальной (важность чувствовать свою принадлежность к сообществу жителей Алтайского края, своего города, села, улицы), этнорелигиозной (важность чувствовать единение с представителями своей национальности и религии), семейной (быть частью семьи), политической (быть носителем определенной политической позиции), стилевой (быть представителем определенной субкультурной традиции, предпочтений, образа жизни),

профессиональной (быть членом профессионального сообщества) способствовало позитивному восприятию конвенциональных политических действий – обращения к СМИ и международным организациям, крупному бизнесу, участия в легальных митингах и собраниях, активности в качестве политического деятеля, создания общественно-политических объединений.

В то же время, неконвенциональные формы протеста оценивались по-разному в зависимости от преобладания того или иного типа идентичности. Так, гражданская и территориальная идентичности ассоциировались с неприятием гражданского неповиновения и абсентеизма, обращения за помощью к криминальным авторитетам, участию в несанкционированных митингах, захватах зданий и предприятий, тогда как обладатели позитивных политической, субкультурной и этнорелигиозной идентичностей, напротив, считали приемлемым использовать данные формы протеста.

Абстрактная, не обязательно предполагающая реальное поведение оценка допустимости была дополнена показателем вероятного протестного участия. Задавался вопрос: «Если бы в Вашем городе (поселке, районе) в ближайшее время состоялись митинги, демонстрации, другие акции протеста, Вы бы приняли в них участие?» Положительно на него ответили 23,7% принявших участие в опросе молодых людей. Положительное влияние оказывали факторы достатка (набольший процент согласившихся имел самооценку материального положения на уровне «между бедными и средним доходом») и ярко выраженная идентичность: профессиональная, религиозная, национальная, политическая и субкультурная.

Ключевыми поводами, стимулирующими молодых людей к выходу на улицу, являлись низкий уровень жизни населения, бедность (17,6% выборов), повышение цен на товары, услуги (16,3%), безработица, невозможность найти хорошую работу (14,9%), проблемы в сфере здравоохранения, образования, культуры (13,0%), коррупция в органах власти, в государственных учреждениях, в правоохранительных органах (11,0%). Сдерживающими факторами, препятствующими реализации протестного потенциала, выступали уверенность в

бесполезности протестных митингов и демонстраций (54,4% выборов), боязнь получить проблемы с учебой, на работе, в семье (45,4%), боязнь применения силы сотрудниками правоохранительных органов (28,3%), боязнь попасть за решетку (29,3%). Одним из наиболее популярных ответов на вопрос о том, почему люди не хотят принимать участие в акциях протеста, отмеченных третью молодых людей, являлся «они заняты только своей жизнью, а к проблемам страны/региона/города безразличны, что с учетом психологического эффекта проекции свидетельствовало и о существующих в сознании молодежи установках на неучастие в протестных митингах.

Таким образом, отмечаемый интерес к политической сфере для большинства молодежи не выходит за рамки осведомления о текущей ситуации, в реальную политику вовлечены только те, кто видит в ней для себя какие-либо личные перспективы, возможность культурного развития, реализацию гражданских инициатив. Алтайская молодежь активно осваивает глобальную сеть в качестве инструмента для политического самовыражения, однако зачастую эти практики являются скорее способом имитации политических действий, нежели реальным средством для решения конкретных социальных проблем.

Основная стратегия политического поведения молодежи: осведомленность и перевод активности в виртуальную среду. Гражданские ценности инициативы разделяются значительной частью молодежи и поддерживаются государством. Протестный потенциал имеет латентный характер и подавляется как позитивными (стимулирование гражданской активности) так и репрессивными мерами.

Библиографический список

1. Омельченко Е.Л. Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу концептуализации новых форм коммуникации в молодежной среде // Вопросы образования. – 2014. – №. 4. – С. 128-147.
2. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. – М., 1996. – 271 с. –

[Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/dictionary/840> (дата обращения: 14.07.2015).

3. Beck U. Subpolitics Ecology and the Disintegration of Institutional Power // Organization & Environment. – 1997. – Vol. 10. – №1. – P. 52-65.

4. Carroll S.J. The Personal Is Political: The Intersection of Private Lives and Public Roles Among Women and Men in Elective and Appointive Office // Women & Politics. – 1989. – №9(1). – P. 51-67.

5. Furlong A., Cartmel F. Young people and social change. – McGraw-Hill Education (UK), 2006.

6. Lichterman P. The search for political community: American activists reinventing commitment. – Cambridge University Press, 1996.

7. Maffesoli M. The contemplation of the world: Figures of community style. – U of Minnesota Press, 1996.

8. Micheletti M., Stolle D. The market as an arena for transnational politics // Engaging youth in politics: debating democracy's future / [ed] Russell J. Dalton, New York: IDEBATE Press, 2011, P. 161–169.

9. Youniss J., McLellan J. A., Mazer B. Voluntary service, peer group orientation, and civic engagement // Journal of Adolescent Research. – 2001. – Vol. 16. – №5. – P. 456–468.

О.В. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ИССЛЕДОВАНИЯ 2015 Г.)**

Важнейшим средством оценки качества работы институтов власти различного уровня является общественное мнение. Не обладая должным уровнем знания о работе органов власти, но постоянно сталкиваясь в своей повседневной жизни с зависимостью ее качества от правил функционирования этих

структур и прилагаемых чиновниками и публичными политиками усилий, пресловутое общественное мнение достаточно точно улавливает малейшие изменения. Вместе с тем, известное выражение «Vox populi, vox Dei» («глас народа – глас божий») традиционно ставится под сомнение, когда речь идет о значимости общественного мнения в оценке политических институтов. Определенные основания для этого есть. Так, открытыми остаются вопросы о том, что же в действительности измеряется, в состоянии ли объективно оценить работу институтов люди, которые судят о них, подчас не зная реальной ситуации, лишь на основании личных впечатлений и сообщений в СМИ, насколько на эти оценки влияют собственные политические предпочтения населения? Осознавая значимость всех этих обстоятельств, мы считаем все же, что оценка эффективности работы институтов власти важна, она позволяет проводить объективно сравнительный анализ отношения граждан к ним и обязательно должна учитываться органами государственного управления как об оценке качества их работы, так и в разработке стратегии позиционирования этих структур в информационном пространстве.

Эмпирическое политическое исследование «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург-2015»)³ позво-

³ Исследование выполнено Центром эмпирических политических исследований на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований (директор Ресурсного центра канд. социол. наук С.М. Снопов) в марте–апреле 2015 г. Руководитель проекта — докт. полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О.В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров, канд. полит. наук, ассистент Д.А. Будко, ассистент А.В. Шентякова, аспирант 2 курса Р.К. Куцаков, аспирант 2 курса С.И. Суслов. Метод опроса — телефонное интервью. Объем выборки — 1150 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания. Использована методика школьных оценок, позволяющая

ляет понять, каковы представления об эффективности деятельности институтов власти у жителей не только этого мегаполиса, но крупных промышленных городов, в которых проживает значительная часть населения современной России.

Методически важной задачей является определение степени доверия населения политической информации, получаемой из различных источников. Еще три года назад во время всплесков протестного движения вопрос этот, казалось, разрешен раз и навсегда. «Партия телевизора» и «партия Интернета» — так обозначались две группы населения, не только получающие политические сведения из этих двух различных цифровых источников, но и принципиально доверяющие только «своему» каналу коммуникации. По прошествии 3 лет четко прорисовывается иная картина (см. табл. 1)⁴.

Таблица 1

**Доверие политической информации, получаемой
из различных источников, май 2015 (%)**

	Доверяю	иногда / некоторым каналам доверяю	не доверяю	затрудняюсь ответить	Итого
ТВ	25,5	47,5	23,0	4,0	100,0
Интернет	13,5	45,5	28,0	13,0	100,0

респондентам наиболее точно выразить свою точку зрения на поставленный вопрос.

⁴ Исследование выполнено Центром эмпирических политических исследований на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований (директор Ресурсного центра канд. социол. наук С.М. Снопова) в мае–июне 2015 г. Руководитель проекта – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ Д.С. Мартьянов. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров. Метод опроса – телефонное интервью. Объем выборки — 1150 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

Полученные результаты однозначно свидетельствуют, что уровень доверия политическим сообщениям из Интернета на сегодняшний день несколько ниже, чем ТВ-программам.

Результаты исследования показали, что работу представительных органов власти, судя по рассчитанному индексу, петербуржцы оценивают в целом несколько ниже, чем силовых структур, призванных обеспечивать безопасность и стабильность российского государства (исключение составляют институт президента и полиция; см. табл. 2). Индекс оценки эффективности работы рассчитывался как отношение разности высоких положительных и отрицательных оценок к общему числу определившихся с ответами.

Таблица 2

Оценка петербуржцами институтов власти (май 2015 г., %)

Институт	1	2	3	4	5	Затруднились ответить	Баланс положительных и отрицательных оценок	Индекс оценки эффективности
Президент РФ (В. Путин)	3,1	2,4	6,1	28,1	54,9	5,4	83,6	0,819
Премьер- министр (Д. Медведев)	9,1	7,5	24,9	31,4	13,5	13,6	53,2	0,328
Правительство РФ	7,1	6,6	23,3	34,6	16,3	12,2	60,5	0,423
Совет Федерации	9,2	6,1	25,6	24,6	6,5	28,0	41,4	0,219
Государственная дума РФ	11,3	11,9	32,2	23,5	5,4	15,7	47,9	0,068
Губернатор Санкт- Петербурга	7,2	7,6	24,9	32,6	11,9	15,8	54,6	0,353
Законодательное собрание Санкт- Петербурга	8,5	10,5	31,7	21,8	5,4	22,0	39,9	0,105
Полиция (ОВД)	13,4	16,9	34,6	16,8	4,7	13,7	25,8	−0,102
Армия	5,1	4,2	15,0	34,5	26,6	14,7	66,8	0,607
ФСБ	3,7	3,6	10,8	25,2	17,9	38,8	35,8	0,585

Среди институтов власти больше всего высоких положительных оценок получил институт президента – 83%. Отметим, речь не идет о том, нравится или не нравится людям В.В. Путин, принимают ли они его политическую позицию или нет. Четыре пятых респондентов признают, что он справляется со своими обязанностями на «хорошо» и «отлично». На этом фоне доля высоких положительных оценок премьер-министра выглядит несколько более скромно – 44,9%. Отчасти это объясняется тем, что в массовом сознании активная позиция России в области внешней политики связывается прежде всего с деятельностью президента, в то время как премьер-министр несет ответственность в основном за ситуацию внутри страны в области экономики и социальной политики. Стоит, кстати, обратить внимание на то обстоятельство, что работа правительства РФ была оценена на «четыре» и «пять» несколько большим количеством респондентов – 50,9%.

В целом деятельность исполнительных органов власти кажется горожанам более эффективной, чем законодательных. Особенно наглядно это видно при сравнении доли высоких оценок работы губернатора и регионального парламента; в первом случае показатель составляет 44,5%, во втором – только 27,2%. Более того, работа законодательных органов власти явно недостаточно освещается в СМИ. Так, деятельность Совета Федерации РФ и регионального парламента не смогли оценить вообще соответственно 28% и 22% респондентов.

Анализ стандартизованных остатков в комбинированных таблицах, сочетающих оценки институтов власти и социально-демографических характеристик респондентов, позволяет составить социальный портрет групп, склонных так или иначе оценивать работу государственных управленческих структур. Этот анализ показывает, что наиболее жесткими критиками деятельности и Совета Федерации, и Государственной думы, и Законодательного собрания Санкт-Петербурга являются мужчины, причем, чем выше ранг законодательной структуры, тем жестче эта критика проявляется. Еще более явно гендерные расколы проявляются в оценке работы органов исполнительной власти. Здесь уже не просто мужчины проявляют склонность оценивать работу правительства и премьер-министра более

негативно, но женщины демонстрируют готовность выставить самую высокую оценку «отлично».

Межпоколенческий раскол достаточно четко обозначается в оценке работы муниципальных органов власти, регионального и обеих палат федерального парламентов, а также премьер-министра. Если горожане в возрасте до 30 лет склонны ставить оценки «4» и «5», то петербуржцы старше 60 лет демонстрируют склонность выставять самые низкие баллы.

Достаточно неожиданно выглядит позиция 40–49-летних петербуржцев в отношении главы региональной исполнительной власти, которые на фоне достаточно высоких оценок по выборке в целом проявляют склонность в значительно большей степени, чем другие возрастные группы, крайне негативно оценивать работу губернатора Санкт-Петербурга.

Высокие положительные оценки работе правительства РФ в большей степени, чем другие группы, готовы давать горожане в возрасте до 40 лет, а петербуржцы пенсионного возраста демонстрируют склонность оценивать ее негативно или на «удовлетворительно».

При общем положительном настрое петербуржцев в отношении качества работы президента нашей страны, наибольшую лояльность проявляет самая старшая возрастная группа.

Профессия респондентов определенным образом также сказывается на их оценке работы институтов власти. Например, наибольшую неосведомленность в отношении работы муниципалитетов проявляют промышленные рабочие, рядовые работники торговли и студенты, скорее, оценят ее на «хорошо», предприниматели – на «двойку».

В большей степени, чем представители других профессий, склонны оценивать работу регионального парламента на «удовлетворительно» безработные, военнослужащие, инженеры и технические специалисты, на «неудовлетворительно» – представители управленческого аппарата, на «единицу» – представители науки, культуры и образования, затрудняются дать какую-либо оценку предприниматели. Студенты и учащиеся средних специальных учреждений в большей степени, чем другие группы, склонны оценивать работу региональных

парламентариев на «хорошо» и «отлично». Пенсионеры склонны или ставить самые низкие оценки, или уклоняться от оценок.

Из всех профессиональных групп наиболее высокие оценки работе губернатора Санкт-Петербурга склонны давать промышленные рабочие, ИТР – на «удовлетворительно», рядовые работники торговли и предприниматели склонны затрудняться с оценкой работы главы исполнительно власти. Несколько большую склонность негативно оценивать работу губернатора, чем другие группы, проявили рядовые работники сферы услуг. Работники культуры, образования и здравоохранения, а также предприниматели в большей степени, чем другие профессиональные группы, склонны негативно оценивать работу федерального парламента, в то время как высокие положительные оценки ей склонны давать домохозяйки и студенты, а пенсионеры затрудняются в ответе на этот вопрос.

Оценка работы премьер-министра профессиональными группами позволила выявить следующие особенности: на «отлично» склонны ее оценивать рабочие и домохозяйки, на «хорошо» – безработные, на «удовлетворительно» – технические специалисты и инженеры, на «неудовлетворительно» – работники управленческого аппарата. Оценки пенсионеров расколоты между вариантами ответов «неудовлетворительно» и «затрудняюсь ответить».

Казалось бы, при столь высоких оценках работы президента, никаких различий между группами обнаружить нельзя. Тем не менее, в большей степени, чем другие группы, склонны оценивать его работу на «удовлетворительно» инженерно-технические работники и рядовые работники торговли, а наибольшую склонность оценить на «неудовлетворительно» – предприниматели и студенты вузов. Наиболее сильную поддержку президент получает от пенсионеров, которые склонны оценивать его работу на «отлично», самую плохую – от респондентов с минимальными доходами.

Есть определенные зависимости между статусной самооценкой жителей Санкт-Петербурга и их склонностью определенным образом оценивать работу органов власти. Налицо проявление линейного сознания, когда качество работы

органов власти оценивается только на основании собственного социального самочувствия. Так, например, самые низкие оценки работе муниципалитетов склонны выставять люди, относящие себя к низшему слою и имеющие ежемесячный душевой доход в семье в среднем от 10 тыс. до 13 тыс. рублей. При ежемесячном доходе от 13 тыс. до 18 тыс. рублей на каждого члена семьи оценки работы муниципалитетов вырастают уже до «удовлетворительно».

Относящие себя к среднему слою горожане склонны оценивать работу регионального парламента на «хорошо» и «отлично»; между низшим и средним слоем — на «неудовлетворительно», к низшему — на «единицу». При этом среднемесячные доходы оценивающих работу ЗАКС Санкт-Петербурга горожан на каждого члена семьи находятся в диапазоне от 13 тыс. до 18 тыс. рублей. Точно так же горожане, относящие себя к среднему слою, склонны оценивать работу губернатора, премьер-министра, президента и Госдумы на «хорошо» и «отлично», а к низшему слою — на единицу. Ежемесячный доход в 18 тыс. 20 тыс. рублей на каждого члена семьи — существенное основание для горожан оценивать работу губернатора на «хорошо». Готовы оценивать работу Совета Федерации на «отлично» преимущественно горожане с ежемесячным доходом на каждого члена семьи выше 28 тыс. рублей, но при этом оценки работы премьер-министра — на «удовлетворительно».

В оценках работы правительства границы несколько смещены: представители среднего класса склонны оценивать ее на «хорошо», а респонденты между средним и низшим слоем, а также относящие себя к низшему слою — на единицу. При этом люди с самыми высокими доходами и отказывающиеся говорить о них склонны оценить работу этого института федеральной исполнительной власти на «неудовлетворительно».

Из «силовых» структур в исследование были включены три — полиция, армия и ФСБ. ФСБ является «terra incognita» для почти 40% опрошенных. Вместе с тем доля людей, негативно оценивающих работу этой «силовой» структуры, не превышает 7,3%. Наибольшие нарекания вызывает работа полиции. Негативные оценки выставлены органам внутренних дел более

чем 30% респондентов. Эффект смены руководства Министерства обороны РФ, изменений, происходящих в армии в последние несколько лет, а также роста патриотических настроений вследствие событий в Крыму в 2014 г. привели к тому, что только каждый одиннадцатый респондент оценивает работу армии негативно. Суммарная доля высоких положительных оценок составляет 61,1% – почти 2/3 респондентов.

В оценке работы силовых структур явных гендерных расколов не наблюдается. И мужчины, и женщины демонстрируют сходное, весьма негативное отношение к работе полиции. В отношении ФСБ и армии «слабый пол» в своих ответах честно склонен затрудняться с оценками, в отличие от мужчин. Единственное значимое отличие заключается в более негативном отношении мужчин к качеству работы ФСБ.

Молодые петербуржцы в возрасте до 30 лет демонстрируют наиболее положительное отношение к полиции, однако чем старше респонденты, тем более жесткие негативные оценки они склонны давать. Совершенно иную картину мы видим в оценке работы армии. Молодые люди призывного возраста склонны выставять оценки от «1» до «3», в то время как 40–49-летние респонденты в большей степени, чем другие группы, готовы выставять оценку «4», а самые старшие респонденты в возрасте от 60 лет и старше и вовсе демонстрируют склонность к отличным оценкам. Наиболее скептически к работе полиции относятся рабочие и домохозяйки, а также горожане с самыми низкими доходами; управленцы и горожане с ежемесячным доходом на каждого члена семьи выше 28 тыс. рублей склонны оценивать ее на «удовлетворительно»; студенты в большей степени, чем другие группы, склонны выставять оценки «хорошо» и «отлично»; пенсионеры предпочитают уклониться от ответа. Склонны оценивать работу полиции на «хорошо» относящие себя к среднему классу петербуржцы к низшему – на единицу.

Работа военнослужащих вызывает положительные оценки у технических специалистов и инженеров, военнослужащих. Наиболее скептическое отношение к деятельности военнослужащих демонстрируют работники коммунальных служб и студенты. Пенсионеры склонны либо выставять

деятельности российской армии либо самые высокие оценки, либо затрудняются с ответом. Единственной статусной группой, чьи оценки выбиваются из средних показателей по выборке, является промежуточная между высшим и средним слоем группа; эти люди склонны оценивать работу армии на «неудовлетворительно». На «троечку» деятельность российской армии склонны оценивать горожане с ежемесячным доходом от 13 тыс. до 18 тыс. рублей.

В большей степени, чем другие группы, склонны оценивать работу ФСБ на «отлично» самые молодые горожане, самые старшие склонны затрудняться с оценкой работы этой структуры. Наибольший скептицизм в оценках работы ФСБ демонстрирует гуманитарная интеллигенция и относящие себя к низшему слою петербуржцы; нейтральные оценки склонны высказывать работники торговли и сферы услуг, относящие себя к промежуточному между высшим и средним слоем горожане; наиболее положительные – военнослужащие и студенты вузов, склонны затрудняться с оценками пенсионеры.

А.В. Радонова

Алтайская академия экономики и права, Барнаул

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Существование государства как экономической и политической структуры зависит, прежде всего, от того, насколько полно оно удовлетворяет интересы своего населения. Поэтому роль и значение социального фактора постоянно усиливается. Развитие личности, повышение уровня общественной и нравственной культуры населения, увеличение профессионального и творческого потенциала, улучшение благосостояния и укрепление здоровья населения являются важнейшими условиями и одновременно мощной движущей силой научно-технического и социально-экономического развития и надёжной основой стабильности и процветания общества. На всех ступенях развития человеческого общества с момента его возникновения и до сегодняшнего дня существует проблема

оказания помощи тем, кто не может по разным причинам самостоятельно обеспечить свою жизнедеятельность. Это престарелые, инвалиды, несовершеннолетние дети, люди, оказавшиеся в экстремальных ситуациях и т.д. Иными словами, предпосылка для формирования социального института социальной защиты населения существовала и существует всегда.

С начала XXI в. процесс институализации социальной защиты населения в индустриальном обществе выходит на новый качественный уровень, как, впрочем, и другие социальные институты. Однако в качестве полноценного социального института социальная защита существовала всегда. Случаи поддержания сородичей известны даже в животном мире, когда больные и ослабленные особи выживают лишь благодаря заботе других представителей стада или популяции. Это диктуется инстинктом выживания биологического вида, в человеческом же сообществе данная проблема решается на уровне сознания, в зависимости от степени его цивилизованности. Виды и формы социальной защиты, объем предоставляемой помощи, круг обеспечиваемых определяются уровнем развития производительных сил, социальной структурой, господствующей идеологией, культурой, традициями, степенью гуманизации общественных отношений и другими факторами (Антология социальной работы, 1995, с. 116).

Данный процесс можно проследить на примере истории нашей страны, где в документальных источниках первые упоминания об этом относятся ко времени принятия на Руси христианства в конце первого тысячелетия нашей эры, в период зарождения государственности, и имеют под собой скорее морально-нравственную, чем социально направленную причинную обусловленность. В отечественной истории при определении основных этапов становления системы государственной социальной политики разработана следующая периодизация: досоветский этап (до 1917 г.); советский (1917–1991 гг.); с 1991 г. – постсоветский (современный) этап.

Необходимо отметить, что до начала периода правления Петра I социальная политика в России фактически существовала в форме социальной помощи нуждающимся со стороны частных

лиц и церкви (в местах расположения церквей и монастырей). Милостыня была основной формой личной религиозной благотворительности и, имея в определённой мере нравственно-воспитательное значение, по мере своего распространения способствовала наряду с другими социально-экономическим причинам и формированию значительного социального слоя профессиональных нищих. Со временем эта проблема обострилась настолько, что стала реальной угрозой для внутренней стабильности государства, своего рода внутренним врагом, сопоставимым по своей опасности с врагом внешним.

Стремясь ликвидировать нищенство как социальное явление, Пётр I своими указами ввёл (по западному образцу) законодательные и репрессивные меры против нищенства. Однако, несмотря на карающие меры, в 1718 г. Пётр I вынужден был признать, что число нищих в государстве не только не уменьшилось, но и даже умножилось. В то же время, меры государственного призрения нуждающихся оказались более результативными. К этому времени только в Москве было устроено более 90 богаделен, в которых проживало до 4,5 тысяч нищих, слабых и увечных, получавших содержание от казны (Максимов Е.Д., 1907, с. 112).

На период правления Екатерины II приходится лишь начало длительного периода создания системы приказов общественного призрения по всей территории империи. Первым по времени открытия был Новгородский приказ (1776 г.), формирование же остальных приходится на период с 1778 по 1850 год. Помимо созданных приказов забота об общественном призрении была также возложена: указом 1775 г. – на земских капитанов, указом 1781 г. – на городничих и указом 1782 г. – на частных приставов. Среди других внесённых дополнений екатерининской эпохи в формировавшуюся модель социальной деятельности можно отметить следующие:

1. Нищенство каралось мягче и почти исключительно принудительным трудом;

2. Меры призрения пополнились учреждениями трудового призрения (работными домами для добровольцев), центральными учреждениями детского призрения (воспитательными домами), были разработаны определённые типы закрытых

учреждений и создана более или менее цельная их система;

3. Положено начало некоторым мерам и учреждениям для предупреждения бедности.

В конце XVIII в. были впервые созданы специализированные типы благотворительных заведений, которых до учреждения приказов общественного призрения практически не существовало.

В XIX в. социальная политика в основном сводилась к заботе о малообеспеченных слоях населения. Крупным вкладом в дальнейшее совершенствование и развитие системы государственного и общественного призрения и благотворительности стала отмена крепостного права и реформа губернских и городских органов управления. С 1864 г. в 34 губерниях внутренней России были введены земские учреждения с одновременным упразднением в этих же губерниях приказов общественного призрения (их функции были переданы земствам) (Корнилов А.А., 1993, с. 23).

В 1870 г., с введением должности городского, государство предприняло очередную попытку переложить бремя общественного призрения нуждающихся на органы земского и городского самоуправления. Претерпела некоторые изменения и централизованная система руководства общественным призрением и благотворительностью: со времени учреждения министерств эта функция непродолжительный период времени переходила к кратковременно существовавшему министерству полиции.

В процессе индустриализации 60-70-х гг. XIX в. кардинально изменилась социально-экономическая жизнь России, а значит и социальная роль государства. На протяжении значительного периода времени происходило одновременное развитие старых и новых форм производственных отношений, и за ними стояли конкретные социальные силы российского общества, что не могло не вызывать противоречий.

Эти противоречия особенно ярко проявлялись в социальной политике государства, которая стала выражать во второй половине XIX в. интересы крепостников-помещиков и крупного капитала. Содействуя некоторыми своими сторонами дальнейшему развитию капитала в России, она в то же время

углубляла его противоречия и неравномерность (Гиндин И.Ф., 1959, с. 63).

Благотворительность в это время была одним из средств гармонизации общества, поэтому власти её всемерно поощряли.

С октября 1917 г. был продолжен поиск наиболее приемлемой модели социальной политики в ходе формирования новой политической и социально-экономической системы социалистического государства. Созданный 29 октября 1917 г. Наркомат государственного призрения РСФСР, принял все дела, имущество и денежные средства прежних благотворительных ведомств и органов общественного призрения. На Наркомат государственного призрения были возложены следующие основные функции: социальное обеспечение трудящихся во всех случаях нетрудоспособности; охрана материнства и младенчества; попечение об инвалидах войны и их семьях, о престарелых и несовершеннолетних. Все частные благотворительные общества и учреждения были ликвидированы. Последующие три года стали периодом поиска и апробации наиболее приемлемых вариантов советской модели социальной защиты, базировавшейся на сложившихся политических и социально-экономических реалиях (Сборник декретов, 1921, с. 6–8).

Характерной особенностью периода «военного коммунизма» являлось то, что обеспечение всех категорий нуждающихся в большинстве случаев выражалось в снабжении продовольствием, одеждой и топливом. В качестве центрального руководящего органа этим документом был определён Отдел социального обеспечения и охраны труда Народного комиссариата труда и соответствующие местные органы – подотделы социального обеспечения и охраны труда отделов труда местных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Это привело к параллельному существованию сразу двух государственных органов, ведающих делом социального обеспечения в стране (Народный комиссариат труда и Народный комиссариат социального обеспечения).

В соответствии с новыми взглядами на проблемы социальной политики, начиная с 1922 г. стали ежегодно сокращаться структура и уменьшаться численность аппарата центрального и местных органов социального обеспечения.

Общественные организации: крестьянские общества взаимопомощи, кооперация инвалидов, общества слепых и глухонемых – стали работать как самостоятельные хозяйственные единицы в новой советской системе социальной политики (Социальное обеспечение, 1927, с. 98).

Постепенно в России сформировались три основных системы материального обеспечения престарелых и нетрудоспособных граждан:

а) государственное социальное обеспечение, находившееся в ведении Министерств социального обеспечения союзных республик и финансировавшиеся из средств государственного, республиканского и местного бюджетов. В рамках этой системы социальное обеспечение получали в основном военнослужащие, учащиеся, члены различных творческих союзов и члены семей перечисленных категорий граждан;

б) государственное социальное страхование, распространявшееся на рабочих и служащих и находившееся в ведении профессиональных союзов. Финансовые средства складывались из обязательных страховых взносов предприятий, учреждений, организаций и дотаций из государственного бюджета;

в) социальное обеспечение членов колхозов, осуществлявшееся соответствующими общественными организациями колхозов при участии органов государственного социального обеспечения. Средства этого фонда формировались за счёт отчислений от доходов колхозов и дотаций из государственного бюджета.

С незначительными изменениями данная модель социальной политики действовала в нашей стране более семидесяти лет, вплоть до 1991 г.

В связи с принятием в 1936 г. новой Конституции СССР изменились задачи социальной политики. Постановлением Всероссийского ЦИК и СНК РСФСР от 10.10.1937 г., утвердившим новое положение о Наркомате социального обеспечения РСФСР, к основным функциям Наркомата были отнесены: материальное обеспечение граждан, потерявших трудоспособность; обеспечение по старости; организация

производственного обучения и трудового устройства граждан, частично утративших трудоспособность. В соответствии с этим вводилась новая структурно-функциональная модель центрального управленческого аппарата Наркомата.

В годы Великой Отечественной войны действовавшая система государственной социальной политики в связи с резко изменившейся ситуацией была существенно расширена и дополнена:

1941 г. – введено обеспечение семей военнослужащих (рядового и младшего начальствующего состава) пособиями, дополненное затем некоторыми льготами;

1942 г. – на Наркоматы социального обеспечения союзных республик возложена обязанность по трудоустройству инвалидов войны и обучению их новым профессиям;

1943 г. – при правительствах союзных республик были созданы управления по социальному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

В послевоенный период социальная политика приобрела особенное значение. Победа в войне досталась советскому государству дорогой ценой. Прямой экономический ущерб, причинённый немецко-фашистской агрессией, составил не менее 679 млрд. рублей в ценах 1940 г. Это вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые. Совокупный материальный ущерб, нанесённый войной РСФСР, составлял более трети общесоюзной суммы убытка. Мировая история не знает других подобных примеров военного ущерба, нанесённого какой-либо другой стране. О масштабах катастрофы свидетельствует тот факт, что на территории РСФСР было уничтожено почти 500 городов и рабочих посёлков. В освобождённых районах действовало не более 13% промышленных предприятий, около 11 млн. человек, лишившихся крова, ожидало социальной помощи правительства.

Однако размеры заработной платы для большинства городских кадров после войны оставались крайне низкими. Учитывая уровень цен в те годы, автор делает вывод, что около 43% рабочих и служащих страны жили впроголодь. Самые низкооплачиваемые рабочие получали менее 100 рублей, то есть

намного ниже прожиточного минимума. Крайне низкий уровень заработной платы привёл к тому, что на январь 1946 года только 71,1% демобилизованных из армии приступил к труду, несмотря на стремления правительства задействовать как можно большее число рабочих рук (Зубкова Е.Ю., 1999, с. 28).

В связи с проведённой в 1946 г. реформой системы государственного управления, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 марта Наркомсобес был реорганизован в Министерство социального обеспечения РСФСР. В его состав было передано из ведения Совета Министров РСФСР управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Структурно вновь образованное министерство, согласно штатному расписанию, включало в себя ряд управлений и отделов центрального аппарата, обеспечивающих реализацию всех возложенных на него социально-управленческих функций.

В годы «застоя» вопросам улучшения социального положения и материально-бытового обеспечения инвалидов, семей погибших воинов, ветеранов войны и труда, а также отдельных категорий военнослужащих-участников боевых операций, уделялось постоянное внимание. Принимались соответствующие государственно-правовые акты, расширялись льготы и преимущества. Вместе с тем следует отметить, что единый, интегрированный правовой акт, впервые установивший организационные, экономические и правовые основы социальной защиты ветеранов был принят лишь в конце 1994 г., однако в связи с недостаточным финансированием его реализация осуществлялась не в полной мере.

Специфичной и характерной чертой советской модели социальной политики была система двойного подчинения и контроля – со стороны Советов всех уровней и вертикальной цепочки исполнительных органов власти. В некоторой степени это повышало чёткость функционирования системы, усиливало возможность контроля исполнения, однако, в целом, это приводило к усложнению структурно-функциональной модели управления социальным обеспечением населения за счёт функциональных цепочек дублирования и, как следствие, к усилению бюрократизации всей системы. Полномочия

представительных выборных органов власти находились в обратно пропорциональной зависимости к их иерархическому уровню: чем ниже иерархический уровень Совета, чем ближе он был к конкретному человеку, его реальным нуждам и запросам, тем меньшими возможностями и полномочиями по оказанию социальной помощи он обладал (Пронина Л.И., 1990, с. 62).

Таким образом, можно констатировать, что действовавшая в нашей стране советская модель социальной политики соответствовала сложившимся социально-историческим реалиям, господствовавшей официальной идеологии и, в целом, отвечала потребностям времени. Это признаётся теперь и всеми экспертами-критиками социальной политики бывшего СССР. Данная модель достаточно полно вписывается в структурно-логический эволюционный ряд, имеющий историко-культурные, национальные корни и опирающийся на вековые традиции и обычаи народа.

К концу 80-х гг. XX в. в СССР фактически сложилась и действовала целостная система социальной защиты интересов трудящихся. Она гарантировала оказание необходимой помощи каждому россиянину в пределах, установленных Конституцией РСФСР и действовавшими законами и социально-правовыми нормами. Значимым моментом в истории государственной системы социальной защиты населения страны является начало 90-х гг. XX в., когда с началом в стране рыночных преобразований функции социальной защиты значительно расширились. Новая эпоха принесла с собой новые и хорошо забытые старые социальные проблемы: обнищание значительной части населения страны, безработицу, миграцию из бывших советских республик, падение рождаемости, эрозию института семьи и брака, рост социальных патологий вследствие экономического кризиса и криминализации общества и т.п.

В течение 1990-х гг. в стране были разработаны и реализованы новые социальные технологии, такие как: социальная защита семьи, материнства, отцовства и детства; реабилитация инвалидов; нестационарное социальное обслуживание; социальная защита дезадаптированных групп населения, пострадавших от политических репрессий, радиации, бывших военнослужащих и членов их семей; организация и

контроль за предоставлением социально-правовых гарантий ветеранам и приравненным к ним категориям населения и другие. На новый, значительно более высокий уровень было поднято пенсионное обеспечение, обслуживание престарелых и инвалидов в домах-интернатах и другие направления работы органов и учреждений труда и социальной защиты населения.

О дальнейшем развитии в 1990-е гг. института социальной защиты населения свидетельствует узаконивание новой профессии «социальный работник». В апреле 1991 г. направление «социальная работа» вошло в классификатор специальностей в системе высшего профессионального образования России. Сегодня более 100 вузов, из них 70 университетов, готовят более 20 тысяч студентов по этой специальности (Якушев Л.П., 1998, с. 43). Таким образом, в 90-е гг. XX в. процесс становления новой модели системы социальной защиты населения в Российской Федерации подошёл к своему завершению.

Библиографический список

1. Антология социальной работы. В 5 томах. – М., 1994–1996.
2. Гиндин И.Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60-80-е гг. XIX века // Вопросы истории. – 1959. – №5. – С. 63-68.
3. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. – М., 1999. – 162 с.
4. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М., 1993. – 310 с.
5. Максимов Е.Д. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся. – Спб., 1907. – 324 с.
6. Пронина Л.И. Повышение эффективности социального обеспечения. – М., 1990. – 262 с.
7. Сухоруков М.М. Структурно-функциональный подход к управлению социальными процессами. – М., 1995. – 212 с.
8. Сборник декретов, постановлений, циркуляров и распоряжений по социальному обеспечению. – М., 1921. – 268 с.
9. Социальное обеспечение в РСФСР к десятой годовщине Октября. – М., 1927. – 390 с.

Р.С. Смищенко
Алтайский государственный университет, Барнаул
**ВЫБОРЫ В ОРГАНЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2015 г:
ПОДГОТОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И
РЕЗУЛЬТАТЫ**

13 сентября 2015 г. состоялись выборы в органы законодательной власти 11 субъектов Российской Федерации: Республики Коми, Белгородской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курганской, Магаданской, Новосибирской, Рязанской, Челябинской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного округа. Во всех 11 регионах парламенты избирались по смешанной системе со сроком депутатских полномочий на 5 лет

Большинство российских политических партий вели активную подготовку к выборам. Причины ажиотажа просты и понятны. Близятся масштабные выборы в Государственную Думу 2016 г. Впервые с 2003 г. они пройдут по смешанной системе: половина народных избранников пройдут в федеральный парламент по партийным спискам. Следовательно, для отечественных политических партий голосование 13 сентября стало генеральной репетицией, по итогам которой стал понятен их «электоральный вес».

В результате прошедших выборов во всех 11 регионах 4 парламентские партии преодолели заградительный барьер. Избирательная кампания 2015 г. подтвердила их поддержку электоратом. Низкий уровень межпартийной конкуренции объясняет тем, что в среднем по регионам в выборах участвовали 7–8 партий. Как правило, спискам малых оппозиционных партий отказывали в регистрации из-за претензий к собранным за них подписям.

К началу выборов позиции «Единой России» в большинстве российских регионов были более прочными, чем на центральном уровне. Например, в Воронежской областной Думе она имела 86% мест, в Республике Коми – 80% мест в составе Госсовета. Как показывает практика, если по партийным спискам «партию власти» иногда теснят, то своих

одномандатников «Единая Россия» проводит почти всегда. В 10 из 11 регионов её партийные списки на выборах возглавили действующие губернаторы. Такое решение принято по результатам праймериз «партии власти». Не был задействован в выборах только губернатор Новосибирской области В. Городецкий. «Единая Россия» вновь одержала убедительную победу во всех регионах. Самый худший её результат по партийным спискам составил 44,5% в Новосибирской области, лучший – 81% в Магаданской области. Мажоритарная часть выборов снова сослужила «партии власти» хорошую службу. Например, в той же Новосибирской области из 38 округов «единороссы» победили в 32.

Среди партий парламентской оппозиции в наиболее выгодном положении находилась КПРФ. Данная партия имела наиболее успешный опыт политической борьбы на региональном уровне. На региональных парламентских выборах последних лет КПРФ убедительно занимала второе место. Среди регионов, которым предстояло выбирать свои легислатуры, она значительно активизировала свою работу в Калужской и Новосибирской областях, занимая в заксобраниях более 20% мест. И на этот раз в 2015 г. она показала в среднем второй результат, причём лучшим её результатом стало получение 16 мест (из 76) в Законодательном собрании Новосибирской области (24,5% и победа в 5 округах).

Улучшили свои показатели ЛДПР и «Справедливая Россия». Прежде всего, ЛДПР заняла второе место в трёх регионах (в том числе, в Калужской области, пошатнув позиции КПРФ). Однако в большинстве регионов она показала четвёртый результат.

Следует отметить успех на прошедших выборах «Справедливой России». Для данной партии выборы 2014 г. стали провальными (прохождение в легислатуры только 5 регионов из 14). В связи с этим «эсеры» старались усилить свой кадровый состав за счёт получения мест в руководящих структурах Объединённого Народного Фронта, возглавляемого В.В. Путиным, а заодно продемонстрировать свою лояльность центру. Партия активнее стала привлекать к работе юристов и политтехнологов. Сергей Миронов в качестве «паровоза»

возглавил список партии во всех 11 регионах, не собираясь брать мандат после выборов. В результате – прохождение в вышеуказанных регионах заградительного барьера и возвращение статуса третьей по популярности партии.

Серьёзным противником могла стать «Родина». Будучи создана вице-премьером Д. Рогозиным, она обладает значительным административным ресурсом. Курируемый Д. Рогозиным ВПК объявлен одним из немногих направлений, которые не затронули бюджетные сокращения. Однако значительных успехов на прошедших региональных выборах у партии не было. «Родина» до сих пор испытывает сложности с финансированием региональных отделений. Местные бизнесмены не торопятся делать вложения в партию, которая не доказала, что умеет побеждать на уровне регионов.

17 апреля 2015 г. РПР-ПАРНАС и «Партия прогресса» (лидер – А. Навальный) создали «Демократическую коалицию» с намерением сформировать единые партийные списки. Самую активную предвыборную деятельность коалиция развернула в Калужской, Костромской и Новосибирской областях. Политический мотив выбора этих 3 регионов в том, что они комфортны для оппозиции, о чём свидетельствуют низкие результаты «Единой России» на предыдущих региональных выборах в данных областях. Однако партийные списки были зарегистрированы только на выборах в Костромскую областную думу.

В целом, для партий непарламентского спектра состоявшиеся региональные выборы дали бы возможность доказать свою эффективность, чтобы получить доступ в «большую политику». Представительство в региональных легислатурах дало бы привилегию выдвигать свой партийный список и своих одномандатников на выборы в Государственную Думу без сбора подписей (за исключением «Яблока», которое на думских выборах 2011 г. набрало более 3%).

Однако непарламентской оппозиции удалось получить всего 3 места и только по одномандатным округам (2 самовыдвиженца – в Челябинской области и 1 представитель «Гражданской платформы» в Новосибирской области). Провал данных партий, на наш взгляд, объясняется двумя причинами. Во-первых, представители непарламентской оппозиции не

смогли согласовать друг с другом свои действия в избирательном процессе. Например, в Костромской области 11 непарламентских партий вели борьбу за одного и того же избирателя, отняв друг у друга голоса, что, безусловно, дало нулевой эффект. Во-вторых, ежегодные успехи практически одних и тех же партий на региональных выборах свидетельствуют о консерватизме электоральных предпочтений российских граждан, которые не видят реальную политическую альтернативу четвёрке парламентских партий.

В целом, по сравнению с губернаторскими выборами, выборы в региональные парламенты никаких сюрпризов не принесли.

А.В. Соколов, Е.А. Исаева

Ярославский государственный университет

им. П.Г. Демидова, Ярославль

УСЛОВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НКО И ВЛАСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014 Г.⁵

Отечественный законодатель, понимая, многоаспектность гражданской активности, ее способность быть катализатором как конструктивных, так и деструктивных явлений в российском социуме, систематически «принимает меры» к введению ее в определенные нормативные рамки. С одной стороны, мы можем наблюдать стимулирование гражданской активности посредством увеличения объемов финансирования социально ориентированных некоммерческих организаций из федерального бюджета (так называемые Гранты Президента, субсидии министерства экономического развития России), с другой стороны, видим законодательство, влияющее на упорядочение политической активности (нормы о митингах, введение санкций за политическую активность НКО, получающих финансирование из-за рубежа и др.). Также Российский законодатель выстроил систему и ввел в рамки проведение мероприятий общественного

⁵ Материал подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01262

контроля, выделив субъектов и сферы проведения оного; ведется работа по введению в правовые рамки института добровольчества (волонтерства) в России.

Можно по-разному оценивать факты регламентации со стороны государства явлений, которые изначально складывались как сугубо общественные. Нельзя однозначно говорить о том, что огосударствление таких институтов как добровольчество окажет позитивное влияние на их развитие, что отмечается, к примеру, руководителями НКО, участвующими в привлечении добровольцев к своей работе. Сложно предположить, что данные законодательные инициативы могут привести к формированию в России пласта «добровольцев в законе» и «добровольцев вне закона» – тех, кого не посчитали и не зарегистрировали для добрых дел.

Гражданская активность и вовлеченность населения в решение вопросов, к примеру, местного значения, проявляется, в том числе, в количестве созданных и активно действующих на конкретной территории общественных объединений и некоммерческих организаций. Рост числа организаций некоммерческого сектора может свидетельствовать о возрастании уровня гражданской активности, готовности жителей территории брать на себя решение проблемных вопросов. Создавая НКО, жители планируют своими силами что-то улучшить в социальной, культурной или иной сфере. Количество зарегистрированных НКО в субъекте РФ, их качественная характеристика (тематические приоритеты деятельности) и динамика создания может многое сказать о проблемном поле, существующем в регионе в той или иной сфере, о поддержке/отсутствии поддержки гражданских инициатив со стороны органов власти и местного самоуправления. Некоммерческие организации являются сосредоточением активности населения по насущным проблемам, которая так необходима для формирования гражданского общества. Последние годы наблюдается тенденция роста числа вновь зарегистрированных НКО. Оформление общественных объединений в форме юридических лиц стимулируется государственной поддержкой социально ориентированных НКО, организаций, работающих в социальной сфере.

Формирование пласта некоммерческих организаций разного профиля на уровне муниципальных образований, особенно некрупных, крайне важно. НКО способны в той или иной мере взять на себя помощь территории в реализации социальных услуг в молодежной среде, работе с ветеранами, сиротами и другими категориями граждан, нуждающихся в особой социальной поддержке и внимании. Но для формирования некоммерческой организации как субъекта оказания услуг в социальной сфере необходима хотя бы на первом этапе серьезная поддержка и понимание со стороны государства.

Одной из важнейших черт развитого гражданского общества, а также залогом его развития является наличие институтов, позволяющих гражданам вместе вырабатывать цели и достигать их, – общественных и других некоммерческих организаций. В Ярославской области общественные и некоммерческие организации существуют уже достаточно давно, и можно говорить о том, что некоммерческий сектор в регионе приобрел относительную устойчивость. Однако максимальная эффективность общественных и некоммерческих организаций зависит от того, насколько активно в их деятельность включаются граждане, а это в свою очередь обуславливается степенью доверия населения указанным организациям.

По состоянию на 01 января 2015 г., по данным Управления министерства юстиции России по Ярославской области, на территории региона было зарегистрировано 2275 некоммерческих организаций (на 01 января 2014 г. – 2371 некоммерческая организация; на 01 января 2013 г. – 2419; на 31 декабря 2011 г. – 2439), в том числе:

- 488 общественных организаций,
- 10 общественных движений,
- 27 общественных фондов,
- 2 общественных учреждения,
- 1 орган общественной самодеятельности,
- 3 союза (ассоциации) общественных объединений,

- 217 структурных подразделений (отделений, организаций) международных, общероссийских, межрегиональных и региональных общественных объединений,
- 13 национально-культурных автономий,
- 259 профсоюзов,
- 60 региональных отделений политических партий (на 01 января 2014 г. – 56; на 01 января 2013 г. – 31),
- 142 фонда,
- 226 некоммерческих партнерств,
- 145 автономных некоммерческих организаций,
- 45 объединений юридических лиц (ассоциаций, союзов),
- 218 учреждений,
- 1 территориальное общественное самоуправление,
- 2 адвокатских бюро,
- 15 коллегий адвокатов,
- 1 адвокатская палата Ярославской области,
- 5 объединений работодателей,
- 1 нотариальная палата Ярославской области,
- 1 совет муниципального образования,
- 1 негосударственный пенсионный фонд,
- 15 казачьих обществ,
- 6 иных некоммерческих организаций,
- 371 религиозная организация (на 01 января 2014 г. – 359 религиозных организаций, на 01 января 2013 г. – 348).

При анализе указанных цифр становится очевидно, что количество НКО Ярославской области, имеющих статус юридического лица, из года в год сокращается.

При этом серьезным образом (почти вдвое) по сравнению с 2013 и 2012 гг. снизилось число вновь создаваемых НКО. За 2014 г. на территории Ярославской области зарегистрировано 97 новых некоммерческих организаций (в 2013 – 163, 2012 – 160), из них: 30 общественных организаций, 1 общественный фонд, 1 общественное движение, 1 национально-культурная автономия, 2 профсоюза, 11 региональных отделений политических партий, 10 фондов, 8 некоммерческих партнерств, 9 автономных некоммерческих организаций, 5 объединений юридических лиц (ассоциаций, союзов), 5 учреждений, 1 территориальное общественное самоуправление, 1 казачье

общество, 12 местных религиозных организаций. В 2013 г. было зарегистрировано 56 общественных объединений, 68 иных некоммерческих организаций, 28 региональных отделений политической партии, 11 религиозных организаций.

За 2014 г. из реестра исключено 178 НКО. В 2013 г. исключено из ведомственного реестра 217 некоммерческих организаций, в 2012 г. – 186.

За 2014 г. по инициативе налогового органа из единого государственного реестра юридических лиц исключена 91 некоммерческая организация (в 2013 г. – 118, в 2012 г. – 14). Это фактически прекратившие свою деятельность организации, не имеющие операций по счету и не предоставляющие отчетность, предусмотренную российским законодательством, в налоговую службу.

За 2014 г. по решению суда ликвидировано 87 некоммерческих организаций (в 2013 г. – 77), по решению высшего руководящего органа ликвидировано 13 некоммерческих организаций (в 2013 г. поступили заявления о ликвидации 18 некоммерческих организаций, в 2012 г. – 17).

В 2014 г. Управлением Минюста России по Ярославской области проведено 40 проверок некоммерческих организаций (в 2013 г. проведены 42 плановые документарные проверки деятельности некоммерческих организаций, в 2012 г. – 32), некоммерческим организациям вынесено 104 предупреждения об устранении нарушений действующего законодательства (в 2013 г. – по итогам проверок – 34 предупреждения об устранении нарушений действующего законодательства, за аналогичный период 2012 г. – 23), по результатам рассмотрения протоколов об административных правонарушениях, составленных Управлением, судебными участками наложены штрафы на 9 некоммерческих организаций и руководителей некоммерческих организаций (в 2013 г. – 31 некоммерческая организация признана виновной и привлечена к административной ответственности в виде штрафа). Основным нарушением, выявляемым при проведении проверок, является непредставление некоммерческими организациями ежегодной отчетности, предусмотренной действующим законодательством.

За 2013 г. отчетность, предусмотренную действующим законодательством, представили в Управление минюста 1328 некоммерческих организаций (за прошлый период 2013 г. – 1266, для сравнения, на 01 января 2013 г. ежегодная отчетность представлена 1029 некоммерческими организациями, что составляло примерно 44% от общего количества зарегистрированных некоммерческих организаций).

Таким образом, количество некоммерческих организаций, представивших отчетность в 2014 г., увеличилось, что свидетельствует о положительном результате работы по информированию некоммерческих организаций о порядке и сроках представления отчетности.

Современное законодательство предусматривает широкий спектр механизмов непосредственного гражданского участия, так и участия через НКО. Однако далеко не все из них получили широкое распространение в общественной практике и позволяют в полной мере достигать поставленных перед ними задач. В связи с этим в декабре 2014 г. – январе 2015 г. автором были проведены два исследования с целью изучения гражданского участия в Ярославской области:

- опрос представителей общественных и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Ярославской области (62 эксперта – руководители и сотрудники 48 общественных и некоммерческих организаций);

- опрос сотрудников региональных и местных органов власти (66 экспертов: представители 14-ти региональных органов государственной власти и структурных подразделений Правительства региона, сотрудники администраций 15-ти муниципальных образований региона).

По мнению большинства представителей общественных и некоммерческих организаций, принявших участие в исследовании, граждане относятся к некоммерческим организациям, осуществляющим свою деятельность на территории Ярославской области, хоть и с настороженностью, но при этом с преобладанием положительных эмоций: 3,3% экспертов заявили – «население доверяет полностью некоммерческим организациям», еще 75,0% «население скорее доверяет, чем нет».

О недоверии жителей Ярославской области общественным и другим некоммерческим организациям говорили порядка 20% представителей этих организаций. Следует отметить, что из них лишь 1,7% выбрали вариант ответа на советующий вопрос – «население полностью не доверяет некоммерческим организациям». Остальные 18,5% оказались не столь категоричны, по этим общественников, «население скорее не доверяет, чем доверяет» общественным и другим некоммерческим организациям.

В результате экспертного опроса представителей общественных объединений также выяснилось, что в 2014 г. самыми распространенными в Ярославской области формами взаимодействия органов власти и некоммерческих организаций стали публичные слушания (48,2%), обращения в органы власти (44,6%) и участие в консультативных/общественных советах при ОИВ (39,3%) (Таблица 1). В 2014 г. в гранты и субсидии для НКО были включены 46,4% региональных и местных организаций.

В процедурах общественной экспертизы законодательства в 2014 г. приняли участие 23,2% сотрудников общественных и некоммерческих организаций. Примерно столько же в работе Общественных палат (Ярославской области или муниципального образования – 21,4%).

Реже всего в 2014 г. власти и общественники вступали в диалог по вопросам экологии. Лишь 3,6% представителей некоммерческих организаций приняли участие в процедурах экологической экспертизы.

Таблица 1

Динамика популярности форм взаимодействия власти и НКО в 2011-2014 гг.

	2011 г.	2012 г.	2014 г.
Публичные слушания	63,3%	46,4%	48,2%
Гранты и субсидии для НКО	40,5%	40,6%	46,4
Обращение в органы власти	70,9%	43,5%	44,6
Членство в консультативных и общественных советах при органах власти	55,7%	31,9%	39,3
Общественная экспертиза законодательства	19,0%	10,1%	23,2

Участие в Общественных палатах (Ярославской области или муниципального образования)	65,8%	47,8%	21,4
Социальный заказ	13,9%	11,6%	10,7
Правотворческая инициатива	16,5%	8,7%	8,9
Экологическая экспертиза	8,9%	8,7%	3,6
Другое	1,3%	4,3%	5,4

Сравнивая популярность форм взаимодействия власти и НКО в 2011 г. и в 2014 г., можно констатировать, что общественные и другие некоммерческие организации Ярославской области за три последних года прошли «специализацию» и своего рода профессионализацию взаимоотношений со структурами региональной и местной власти. Так, если в 2011 г. общественники старались охватить и принять участие во всех возможных формах диалога с властью, о чем свидетельствуют высокие показатели их вовлеченности в различные формы взаимодействия с властью («обращение в органы власти» – 70,9%, «участие в работе Общественных палат (ЯО или МО)» – 65,8%, «публичные слушания» – 63,3% и т.д.), то в 2014 г. они концентрируют свои силы (специализируются) на одном или нескольких направлениях коммуникации с органами власти. Кроме этого, в 2011 г. самыми популярными формами взаимодействия власти и НКО, по мнению общественников, были те, в которых доля участия представителей власти была минимальной. В 2014 г. наблюдается совсем иная ситуация – в области популяризируются формы диалога власти и общественных организаций с примерно равной степенью их вовлеченности.

По итогам 2014 г. наиболее эффективными формами взаимодействия власти и НКО экспертами (сотрудниками органов власти и общественниками) были признаны (Таблица 2): общественная палата, обращения в органы власти, гранты и субсидии для НКО, членство в консультативных и общественных советах при органах власти.

Из них самой эффективной для сотрудников региональной и местной власти стала Общественная палата, для общественников - гранты и субсидии для НКО.

Таблица 2

**Средние обобщенные оценки эффективности различных
форм взаимодействия власти и НКО в 2014 г.
(по 5-ти балльной шкале):**

	Средняя оценка представителей власти	Средняя оценка представителей НКО
Общественная палата	3,8	3,3
Обращение в органы власти	3,6	3,2
Гранты и субсидии для НКО	3,5	3,8
Членство в консультативных и общественных советах при органах власти	3,4	3,1
Публичные слушания	3,1	2,9
Социальный заказ	3,0	2,6
Общественная экспертиза законодательства	2,6	2,7
Правотворческая инициатива	2,5	2,5
Экологическая экспертиза	2,4	2,6

На протяжении последних четырех лет при изменении средних оценок эффективности (по достижению поставленных законодательством задач) различных механизмов взаимодействия власти и НКО, тройка наиболее эффективных остается без изменений – это гранты и субсидии НКО, участие в Общественных палатах (Ярославской области или муниципального образования) и обращение в органы власти.

Согласно полученным данным, в 2014 г. сталкивались в своей работе с различными формами общественного контроля 44,6% региональных/муниципальных служащих и 53,2% общественников. Из четырех основных форм контроля в Ярославской области на данный момент наиболее распространены – общественная экспертиза и публичные (общественные) слушания. Среди чиновников, столкнувшихся в своей работе с общественным контролем, половина учли его результаты полностью – 52,9%, частично – 47,1%. Среди тех, кто «скорее» сталкивался с общественным контролем в своей работе, заявили, что его результаты были учтены полностью 44,4%, учтены частично – 33,3%; результаты контроля учитываются редко –

11,1%, столько же не приняли в расчет результаты общественного контроля.

Таким образом, можно говорить о том, что не смотря на численное сокращение НКО в Ярославской области, в регионе формируются условия для их функционирования и взаимодействия с властью. Более того, многие из некоммерческих организаций достаточно эффективно используют законодательно закрепленные взаимодействия с органами управления для достижения своих уставных целей.

Д.В.Тимченко

Алтайский государственный университет, Барнаул
**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
ФЕДЕРАЛИЗМА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРЯДКА
ЗАМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ ВЫСШЕГО
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РФ**

История развития федерализма в России обусловлена целым комплексом присущих ей своеобразных особенностей, связанных с историческими, экономическими, социально-культурными и национально-этническими факторами (Смирнова В.В., 2014, с. 56). Конституция Российской Федерации, определив в части 1 статье 1 Россию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, не только учла существующий мировой опыт создания и существования федеративных государств, но и наполнила содержание принципа федерализма своим особым смыслом. По-прежнему актуальным в современной научной литературе остается вопрос: насколько особенности отечественного федерализма позволяют говорить о существовании России как федеративного государства в его традиционном понимании.

Федерализм в современной политико-правовой научной литературе рассматривается достаточно широко. Как принцип федерализм воплощает способ урегулирования разногласий и объединения людей и их образований на государственном уровне; как режим и форма государственного устройства он определяет разделение государственной власти по вертикали

между территориальными образованиями различного уровня в едином государстве (Глигич-Золотарева М.В., 2006, с. 22).

Согласно классическому определению, которое предложил политолог Рональд Уоттс, в федерациях: 1) федеральный и региональный уровни власти не находятся в отношении конституционной субординации относительно друг друга, то есть каждый из них обладает суверенными полномочиями, санкционируемыми конституцией, а не другим уровнем власти; 2) каждый из уровней, отправляя законодательные, исполнительные и налоговые полномочия непосредственно взаимодействует с населением; 3) каждый уровень власти напрямую избирается гражданами (Захаров А., 2012, с. 6).

Рассмотрим особенности реализации принципа федерализма при осуществлении нормативно-правового регулирования выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. В данном вопросе необходимо рассмотреть два взаимосвязанных аспекта: порядок осуществления правового регулирования выборов и определение порядка замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) (далее – высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации).

Конституционный принцип федерализма требует организации функционирования государственной власти на основе принципа разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов России в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

В соответствии с пунктом «н» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления отнесено к предметам совместного ведения (Конституция РФ, 1993).

Законодательное регулирование в сфере совместного ведения за время действия современной Конституции Российской Федерации значительно расширилось. В то же

время, отмечается стремление федерального законодателя к всеохватывающему, детальному (а не «рамочному») регулированию предметов совместного ведения. Так, если иметь в виду, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» затрагивает сферу не только совместного ведения Федерации и ее субъектов, но и исключительного ведения субъектов Российской Федерации (порядок проведения выборов и принципы организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации затрагивает правовой статус этих органов в целом), то становится очевидной незначительность государственно-правовой самостоятельности субъектов Российской Федерации в части осуществления правового регулирования порядка формирования органов государственной власти и избирательного процесса (Невинский В.В., 2004, с.35).

В период с 2004 по 2012 гг. Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в качестве единственного способа замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации определял наделение полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации (Федеральный закон, 1999). По мнению научного сообщества, это ставило под вопрос самостоятельность субъектов Российской Федерации и, как следствие, фактическое существование федеративного государства в России.

Несмотря на противоречие указанных норм идее самостоятельности субъектов федерации при формировании собственных органов государственной власти, данные положения федерального законодательства были признаны Конституционным Судом РФ соответствующими Конституции РФ. Конституционный Суд РФ отметил, что федеральный законодатель, реализуя свое право устанавливать общие

принципы организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, может предусмотреть нормативно-правовую основу взаимоотношений органов законодательной и исполнительной власти в рамках разделения властей на уровне субъекта Российской Федерации, порядка формирования этих органов, в частности порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (Постановление, 2006).

Исследователи отмечали противоречивость позиций Конституционного суда РФ, который еще в 1996 г. в постановлении по «делу Алтайского края» определил, что высшее должностное лицо, формирующее орган исполнительной власти, получает свой мандат непосредственно от народа и перед ним ответственно. Поскольку федеративное устройство Российской Федерации основано на единстве системы государственной власти, органы государственной власти в субъектах Российской Федерации формируются на тех же принципах, что и федеральные (Постановление, 1996).

В 2012 г. федеральный законодатель отказался от такого способа замещения должности главы субъектов Российской Федерации как наделение полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в пользу выборов гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В 2013 г. субъектам Российской Федерации в качестве альтернативы выборам предоставлено право депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации избрать главу субъекта Российской Федерации.

В период с 2012 по 2014 гг. на территории Российской Федерации прошли выборы 43 высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, что позволило сформировать легитимные органы государственной власти, поддержанные непосредственно населением, и обеспечило эффективность реализации конституционного принципа федерализма в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Смирнова В.В. К вопросу о развитии правовых основ российского федерализма и проблемы управления // Административное и муниципальное право. – 2014. - №11. - С. 56–62.
2. Глигич-Золотарева М.В. О судьбах федерализма в России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. - №2. - С. 22–27.
3. Захаров А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 144 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; 2014. – 23 июля.
5. Невинский В.В. Предметы ведения и полномочия субъектов Российской Федерации в условиях изменяющейся конституционно-правовой практики // Федерализм и местное самоуправление в России и Германии: современные тенденции развития. – Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2004. – 224 с.
6. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 10 октября 1999 года № 184-ФЗ (в ред. от 02.05.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; 2012. – №19. – Ст. 2274.
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 года № 13-П // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 336.
8. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края: Поста-

новление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 года №2-П // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №4. – Ст. 409.

А.А. Фролов
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, Ярославль*

ПРИМЕРЫ НИЗОВОЙ СЕТЕВОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ⁶

Гражданская активность на данный момент заметна практически во всех сферах жизни современного общества. Выражая свою активную гражданскую позицию и решая актуальные для них вопросы активисты, объединяются в движения и организации для совместного решения проблем. Гражданская активность становится воздействующим механизмом влияния на формализованные структуры общества и государства, а также на простых граждан.

В последние несколько лет в стране развиваются низовые сетевые инициативы, в которые вовлекаются не только гражданские активисты, но и журналисты, политики, представители бизнес - структур. Низовые сетевые инициативы – это неформальные объединения, организуемые гражданами по собственной инициативе для решения общих и важных проблем. Низовые сетевые инициативы возникают в нашей стране в связи с отсутствием механизмов и площадок выражения своих интересов. В основном они представлены гражданскими активистами и разнообразными общественными движениями, многие из которых являются не зарегистрированными. Как правило, создание таких движений иницируется людьми, объединенными общей проблемой. Такие объединения часто образуются из-за давления или ущемления прав и свобод граждан со стороны государства или коммерческих структур. Ценностная составляющая в таких объединениях становится

⁶ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ №15-33-01262.

основой их мотивации к участию, через них люди стараются добиться справедливости в решении своих проблем. Участники низовых сетевых инициатив, в первую очередь, ориентированы на решение своей локальной проблемы. В дальнейшем в процессе её решения они не редко распадаются, но некоторые продолжают работу в других сферах деятельности. В современной России они периодически носят протестный характер, выступая против принятия законов, произвола в действиях властей или противоборства с конкретными проблемами. Активисты таких движений практически всегда используют Интернет-ресурсы, с помощью которых проводят совместные акции.

Низовые сетевые инициативы выступают основной движущей силой необходимых изменений в стране, аккумулируя интересы простых граждан. Благодаря участию в низовых сетевых инициативах у граждан формируются навыки кооперации, сотрудничества, социального партнёрства. Совместная деятельность в решении проблем становится ресурсом для дальнейшего объединения и вливания в разнообразные сообщества. Именно активные горожане понимают, каким они хотят видеть свой город, и зачастую только на энтузиазме реализуют это видение. Низовые сетевые инициативы используют неинституциональные каналы для достижения своих целей. К ним можно отнести усиление разнообразных форм гражданской активности, организацию флешмобов, использование социальных сетей и гражданских приложений, а также протестную активность с выходом на улицу, участие в демонстрациях, пикетах и митингах. Низовые движения выполняют важные функции переговорных площадок, где происходит согласование разных взглядов.

Низовые сетевые инициативы позитивно влияют на социальные изменения в обществе, формируя практику активного и непосредственного участия населения в решении локальных проблемах. Примерами таких движений в современной России можно считать экологическое движение «Мусора.Больше.Нет». Позитивно-креативное экологическое движение «Мусора.Больше.Нет.» зародилось в 2006 г. по личной инициативе Дениса Старки и на данный момент разрослось по

принципу сети по всей территории России. Благодаря простым механизмам, таким как освещение в СМИ, виртуальные сообщества, мотивация, знакомства движение «Мусора.Больше.Нет.» в качестве результатов деятельности имеет 6 лет непрерывающейся деятельности, примерно 100 городов-участников, более 1000 проведенных акций, значительную площадь убранных территорий, распространение культуры гражданского участия, рост сетевой активности движения и появление новых движений. На момент создания движения «Мусора.Больше.Нет.» в него входило лишь одно отделение, которое состояло из небольшой группы людей, эффективно проводившей уборки. Со временем все больше таких групп было поглощено желанием изменить окружающий вокруг мир – это и стало одной из главных причин сетевого развития движения. Сейчас акции движения собирают различное число участников, от нескольких человек до сотен и даже тысяч человек. (Исаева Е.А., 2015, с. 23). В Перми на данный момент действует коалиция граждан по защите Черняевского леса. Зеленая коалиция – неформальное объединение граждан в защиту Черняевского леса, имеющего статус особо охраняемой природной территории. Коалиция защитников леса собрана в основном из представителей научного и экологического сообществ, а также общественности и простых граждан. Активисты на протяжении нескольких лет отстаивают сохранение леса от застройки.

Уже сейчас есть широко известные примеры успешного влияния гражданских инициатив на конкретные решения и действия. Важную роль в изменении отношения власти и общества к публичным гражданским акциям сыграло движение «Синие ведёрки», участники которого выступали против необоснованных, на их взгляд, привилегий для автомобилей со спецсигналами, не относящихся к системе оперативных служб. Общественное движение «Синие Ведерки» (Гражданское и политическое..., 2013, с. 417) – российское общественное движение, которое выступило с инициативой равенства между участниками дорожного движения. Данная кампания была реализована полностью на принципах сетевой организации. Общая проблема, которая беспокоила многие регионы страны,

принципы равноправия, добровольности вступления и общей взаимопомощи среди участников движения сделали его эффективным. Центром активности против использования «мигалок» (проблесковых маячков) высокопоставленными чиновниками и за равноправие на дороге стала Москва, для которой данная проблема являлась очень актуальной. В столице состоялись регулярные и самые многочисленные акции движения, также несколько крупных акции прошло в Санкт-Петербурге. Что касается общероссийской известности, то здесь помощь движению предоставила Федерация автомобилистов России, которая поддерживала её в 45 регионах страны. Использование социальных сетей, форумов и сайтов дало огласку на всю страну, к движению заочно присоединялись люди во многих городах России. Актуальная тема, качественно проведенные акции и быстрое распространение идей движения в сети Интернет быстро привлекли к деятельности движения большое количество активистов по всей стране, а также ближнего зарубежья. Данная кампания показала, что классическая сетевая структура, организованная активистами «снизу», при хорошо выработанной политике поведения добивается поставленных целей и задач.

Гражданская активность населения иногда протекает в виде протестных инициатив и движений. Активизация протестной активности является порой самым эффективным способом для инициирования конструктивных действий со стороны органов власти. Примером протестной низовой сетевой инициативы является движение общественных организаций и активных горожан Санкт-Петербурга против строительства Охта-Центра Газпрома, который мог нанести непоправимый вред архитектурному облику города. Совместными действиями многих общественных организаций и активных горожан Санкт-Петербурга удалось остановить проект строительства Охта-Центра Газпрома, общественным объединениям также удалось отстоять многие памятники архитектуры в различных городах России.

Одной из наиболее ярких и масштабных протестных акций являлась кампания по защите права граждан на свободу собраний и шествий, закрепленного в статье 31 Конституции

России, согласно которой: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Эта гражданская кампания получила название «Стратегия 31». Предпосылкой её возникновения стали нарушения прав человека в Российской Федерации, а именно то, что власть ограничила свободу собраний, выражений своего мнения, а также многочисленные факты силового подавления эффективно препятствовали проведению протестных выступлений в стране. У граждан возникла проблема с запретом реализации своего права на проведение мирных протестных акций. Центром активности кампаний в защиту 31-ой статьи Конституции стали Москва и Санкт-Петербург, где состоялись регулярные и самые многочисленные акции протеста. Заинтересованные люди знали, что 31 числа в их городе проводятся акции протеста, координируемые без иерархии на добровольных началах. Общее количество участников за весь период составило примерно 9660 человек (Фролов А.А., 2013, с. 94). Отдельные регионы также не остались в стороне, жители более 30 городов выражали свое недовольство в той или иной протестной форме.

Разрушение привычного места отдыха в Подмоскowie спровоцировало протестную кампанию в защиту «Химкинского леса». Растянувшаяся с 2006 г. на пять лет протестная кампания приобрела общероссийскую и международную известность. Общая проблема объединила вокруг себя сеть из большого количества деятелей культуры, общественных организаций, как российских, так и международных, а также представителей российской политики и политических партий. В борьбе за «Защиту Химкинского леса» от вырубки сложилась некая инициативная группа из жителей г. Химки, г. Москвы и Московской области, образовалась «Экологическая протестная волна», проводились протестные акции как за отмену строительство трассы, так и за её строительство. После окончательного решения о строительстве трассы движение приобрело и политический окрас.

Еще одним примером сетевой протестной кампании стали события, которые произошли в декабре 2010 г., после убийства болельщика ФК «Спартак» (Москва) Е. Свиридова. Данное

преступление стало поводом к началу массовых акций протеста. Принадлежность убитого Е. Свиридова к одной из сильнейших и авторитетнейших группировок футбольных болельщиков московского клуба «Спартак» – «TheUnion» – стала причиной того, что ядро протестного движения сформировали представители футбольных фанатов. Важно отметить именно сетевую составляющую этой гражданской кампании, когда объединенные общей проблемой к акциям протеста присоединились различные группировки футбольных фанатов. Инициаторами и наиболее активными участниками протестного движения стали представители различных фанатских группировок вне зависимости от клубной принадлежности. Это демонстрирует общий интерес к причине протестной кампании, открытость и развитие системы внешних связей между фанатскими группировками. Всё движение строилось на добровольном характере участия и именно это обеспечило массовость и масштаб протеста. Акции памяти Е. Свиридова помимо Москвы прошли в 19 регионах страны. По сообщениям СМИ, размещенным в базе данных «Интегрум», в них приняло участие 31400 человек (Фролов А.А., 2013, с. 60). Организационный ресурс определил масштаб и формы протестной активности. Гражданская кампания продемонстрировала возможность быстрой и массовой мобилизации населения в протестных акциях.

Повышение транспортного налога спровоцировало массовые акции протеста в Калининградской области. Очень интересной особенностью этого движения является то, что тематика протестных акций была различной. Правительству области предлагалось решить самые разные проблемы, но при этом абсолютно все протестные действия содержали политический контекст. Так, протестные акции в Калининграде за 2009 г. были как стихийными, так и согласованными и запланированными.

В России протестные настроения активно усилились после проведенных выборов депутатов в Государственную думу РФ. После выборов в центре столицы прошел массовый митинг. Несмотря на то, что митинг был организован представителями политической оппозиции, основную часть пришедших на

Болотную площадь составили граждане, не принадлежащие к политическим течениям. Поводом для массового объединения граждан к протесту стали опубликованные в Интернете данные и видеоролики о массовых нарушениях в ходе выборов и подсчета голосов. Митинг на Болотной площади показал, что протестная активность в России перешла на качественно новый уровень. Организованная и цивилизованная форма выражения протеста продемонстрировала нарастание зрелости гражданской активности в России.

В большинстве случаев на начальных этапах протестных акций власти пытаются игнорировать протестующих и их требования. Очень часто протестные кампании сами по себе (например, из-за нехватки ресурсов) или под давлением извне прекращаются. Более того, в ситуации заинтересованности в стабильности на подведомственной территории органы власти стремятся достичь этого посредством изолирования протеста от информационного пространства либо подавлением протестующих. И лишь в ситуации трансформации локальных протестных акций в массовые и масштабные представители и руководители органов власти начинают предпринимать какие-либо ответные действия и вступать в коммуникацию с протестующими. В таких ситуациях действия органов власти чаще всего направлены не на устранение причины конфликта, а на минимизацию протестной активности. Примером могут служить действия губернатора Калининградской области по созданию комиссии с участием оппозиционных лидеров или проведенное В. Путиным собрание с представителями футбольных фанатов после акции на Манежной площади.

Сетевая форма организации активности – это децентрализованные системы, которые строятся на договорной основе организации деятельности и формирования партнерских отношений между участниками. В настоящее время происходит распространение сетевых практик на различные уровни. Объединенные общей целью или идеей участники сети действуют сообща, эффективно формируя совместные решения по интересующим вопросам. Низовые сетевые движения демонстрируют работоспособность сетевых механизмов организации на разных уровнях. Сетевая форма организации

гражданской активности для России добивается своих результатов, если действия исходят «снизу», от простых гражданских активистов, а не навязываются «сверху» властями.

Библиографический список

1. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под редакцией С.В. Патрушева. – М.: Институт социологии РАН; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.
2. Исаева Е.А., Маклашин И.С., Соколов А.В., Фролов А.А. Региональные аспекты гражданской активности в современной России (на примере Ярославской области): монография. – М.: Проспект, 2015. – 216 с.
3. Фролов А.А., Соколов А.В. Сетевая организация протеста: «Стратегия-31» // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – №2. – Т. I. (Гуманитарные науки). – С. 91–96.
4. Фролов А.А., Соколов А.В. Сетевые формы организации гражданских кампаний // Известия Иркутского государственного университета. – Серия «Политология. Религиоведение». – 2013. – С. 56–63.

Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет, Барнаул
**СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ В РФ**

Одной из главных задач современной науки, особенно политической, выступает прогнозирование, предложение стратегий развития общества. Однако для ее решения необходимо опираться на какие-то константы, что становится проблематичным в условиях «текучей современности» (по выражению З. Баумана, появившемуся в заглавии его одноименной книги, вышедшей в 2000 г.) (Семененко И.С., 2011, с. 8).

Роль констант в политической сфере выполняют формальные и неформальные политические институты,

состояние которых детерминирует стабильность или динамику политических, и шире социальных, ситуаций.

Согласно неoinституционализму, институты представляют собой «устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие, неформальные (запреты, табу, обычаи, традиции, кодексы чести и т.д.)... и формальные правила (конституции, законы, права собственности и т.д.)» (Д. Норт), лежащие в основе организаций или институций. Развитие институтов, может осуществляться эволюционно и революционно. Под эволюционным вариантом А.Н. Олейник предлагает понимать легализацию неформальных ограничений, т.е. придание лежащим в их основе правилам силы закона и превращение этих ограничений в формальные.

Нас же применительно к российскому кейсу интересует импорт (трансплантация) институтов или революционный вариант их развития. Д. Норт отмечал, что «революционные изменения становятся результатом формирования неразрешимой ситуации, возникающей вследствие отсутствия опосредующих институтов, которые могли бы позволить конфликтующим сторонам достигнуть компромисса и получить какие-то выгоды от потенциальных обменов» (Норт Д., 1997, с. 6). Однако они редко бывают настолько революционными, как представляется. Если формальные правила меняются, то неформальные ограничения быстро изменяться не могут, так как опираются на укоренившееся культурное наследие, устойчивые стереотипы мышления и способы действий.

Мировой опыт свидетельствует, что последствия импорта институтов могут быть как позитивными, так и негативными. Успешность импорта институтов связана с конгруэнтностью господствующих в стране-импортере неформальных и формальных правил, на основе которых функционирует импортируемый институт. При отсутствии конгруэнтности формальных и неформальных правил можно прогнозировать замедление институционального развития, хотя дальнейшие последствия могут быть различными. В случае постепенного взаимного влияния и взаимодействия формальных и

неформальных правил возможно достижение нового институционального равновесия.

Обобщенно процесс описывается следующим образом. Новое формальное правило вызывает изменения в неформальных правилах, изменение неформальных ограничений повлияет на формальные институты и т.д. Первоначальный импульс может исходить и от изменения неформальных правил, а также являться результатом взаимодействия новых формальных и старых неформальных правил или результатом столкновения новых неформальных и старых формальных правил. Отсюда не исключено возникновение гибридных институтов, траектория развития которых не совпадает с траекториями развития формальных и неформальных правил, а также институциональных ловушек – устойчивых неэффективных институтов.

При этом Д. Норт поставил под сомнение широко распространенное мнение о том, что институты представляют собой прежде всего средства экономии издержек деятельности, поскольку повышают уровень определенности внешней среды и сокращают затраты на поиск и обработку информации, т.е. уменьшают транзакционные издержки как часть общих издержек деятельности. Препятствием такому исходу служат различные факторы, центральный из которых – высокие транзакционные издержки осуществления институциональных изменений, которые сами по себе сдерживают инновации (не каждый субъект готов нести издержки). В этих условиях у субъектов должны возникнуть желание и готовность нести затраты на институциональные изменения.

При этом направленность изменений определяется как траекторией предшествующего развития, так и текущими ориентациями политических организаций, индивидов и групп. Независимо от варианта институциональной динамики, конструирование политических институтов является актом человеческой воли. Нормативные стандарты не экзогенны, но эндогенны политическому процессу. Общее благо таково, каким мы его хотим видеть, конструируя институты.

Используя методологический принцип П. Бурдьё, можно утверждать, что статус, степень влияния политических

институтов, как и политических агентов, определяется их символическим капиталом, основанном на доверии, готовности общества или его части выполнять требования института, ресурсами и действиями поддержать его существование, мобилизоваться на достижение поставленных им задач (Будье П., 1993, с 57).

Соответственно для эффективного функционирования институтов, особенно импортированных, необходимо, чтобы у вступающих во взаимодействия индивидов и групп существовали однотипные представления о нормах и правилах, закрепляемых данными институтами. Иными словами, политические институты существуют только тогда, когда граждане знают об их наличии и используют модели поведения, соответствующие нормам. Учитывая значимость коллективных репрезентаций, А. Шюц определял социальный мир как интерсубъективный (Пушкарева Г.В., 2012, с. 168), т.е. воспроизводимый только благодаря способности людей формировать общую картину мира и признавать наличие в нем институциональных рамок.

Изменение же представлений, трансформация идентичностей как самопричислений, самоотжествлений способно повлечь за собой, согласно теории двойной структуризации Э. Гидденса и П. Бурдье, трансформацию политической сферы и правил, ее регулирующих. Направленность и результаты этой трансформации будут зависеть от глубины кризиса, возникновения политических возможностей для акторов и обретения новой «коллективной идентичности, которая позволит объединиться ныне разрозненным группам» (Флигстин Н., 2001, с. 50).

Наглядным примером данных процессов является изменение российского политического режима на рубеже XX–XXI вв. под влиянием сложившегося «авторитарного синдрома» и связанного с ним «социального пакта» элит и широких масс.

Как справедливо отметил Т. Карозерс, «политическая повседневность была плюралистической лишь по форме. Процесс изменений во многих случаях не затрагивал институты – они сопротивлялись, приспосабливались, сохраняя наследие авторитарного режима и его способ мышления» (Карозерс Т.,

2005, с. 74). Но главное – отчетливо проявлялась ригидность массового сознания. Ю.А. Левада писал, что в результате реформ появился не «новый», а «приспособившийся» (точнее, вынужденный приспособливаться) человек, у которого «доминирует понижающая адаптация к изменившимся обстоятельствам, причем это относится не только к [его] экономическому, но и к социальному, статусному положению» (Левада Ю.А., с. 169).

Главными требованиями массового сознания выступали порядок и стабильность. Причем для их достижения общество было готово пожертвовать частью демократических элементов 1990-х гг. Так, в 2002 г. ценность свободы как институционального ресурса была значима для 25% россиян (Патрушев С.В., 2004, с. 301). В 2003 г. опрос, проведенный Аналитическим центром Ю. Левады, зафиксировал, что будучи поставлены перед альтернативой – порядок или демократия, – 70% россиян отдали предпочтение порядку, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод, и только 27% – демократии, в 2015 г. данное соотношение составило 61% и 21% (Вестник общественного мнения, 2005, с. 57; Представления о демократии, 2015).

При этом социологи Левада-центра, проанализировав отношение россиян к демократии отметили, что «большинство населения (62%) считает, что «демократия России нужна», противоположного мнения придерживаются около четверти населения». Однако ««демократия» понимается населением очень общо, как более-менее приемлемое общественное устройство», при котором «власть заботится о нуждах людей», «все, независимо от своего положения в обществе, обязаны соблюдать законы» и «граждане могут свободно высказывать свое мнение о государственных делах». «Глубокого содержательного смысла это понятие для большинства населения не несет. Поэтому и слова о том, что стране нужна «совершенно особая» демократия, а демократия по образцу западных стран нам не подходит, не содержат осмысленного отказа от демократических процедур, но являются отражением

комплекса ущемленности, установки на «особый путь»» (Демократия в России..., 2015).

Крайне низким оставался и уровень институционального доверия. Так, на протяжении 2000–2010-х гг. опросы регулярно показывали низкий уровень доверия ко всем институтам власти, кроме президентства. По данным ВЦИОМ, Левада-центра, Института социологии РАН и др. 70–80% российского населения неизменно одобряли деятельность В.В. Путина на посту Президента России и около половины доверяли ему. Показательно, что менее всего россияне доверяли тем социальным и политическим институтам, на которые могли более всего влиять (например, институты представительной власти (Государственная Дума) или политические партии) (Патрушев С.В., 2004, с. 301-302).

Делигитимация, и, как следствие, неэффективность демократических институтов, разочарование в их функционировании, состояние экономической и личной незащищённости неизбежно вели к появлению тяги к «сильной руке». Все большее число людей разделяли формируемую в массовом сознании убежденность в том, что авторитарный лидер лучше гарантирует стабильность и порядок, чем «разрываемые противоречивыми устремлениями» демократические институты, в которых преобладают «случайные и эгоистические интересы» (Шевцова Л., 2004, с. 38; Карозерс Т., 2005, с. 74). В июне 2015 г. 72% россиян были полностью или скорее согласны с тем, что «России нужен сильный лидер, который сможет навести порядок, пусть даже ценой временной отмены выборов и ограничения свободы слова» (Выборы: готовность голосовать..., 2015).

В связи с этим можно констатировать, что российское перерождение институциональных практик, формирование «авторитарного синдрома» является как «социально-психологической характеристикой состояния общественного сознания», так и «вполне объективной комбинацией факторов» в условиях, когда «политический процесс в большей степени предопределяется активностью бюрократического аппарата и ограниченного круга политических лиц» (Никовская Л.И., 2005, с. 119).

«Традиционные» институты и использующие их политические акторы усиливали друг друга. «Традиционные», т.е. заинтересованные в авторитарных практиках, акторы, вопреки всем институциональным реформам, в своей повседневной деятельности воспроизводят «традиционные институты», а те, будучи глубоко укоренены в общественном сознании на уровне привычек или даже ценностей, в свою очередь, обеспечивают устойчивую защиту этих акторов» (Беляева Н.Ю., 2007, с. 30). Как показывают опросы общественного мнения, 72% россиян убеждены, что «власть должна заботиться о людях», 27% утверждают, что «государство нам дает немало, но можно требовать и большего». Ориентиром при этом по-прежнему выступают советская политическая и экономическая системы, правильными которые считают 39% и 55% респондентов соответственно (Демократия в России..., 2015). Иначе говоря, развитию авторитарных институциональных практик «в нашей стране способствовали не конкретный актор и даже не отдельный социально-политический институт, но вся социальная среда, весь социально-культурный слой» (Беляева Н.Ю., 2007, с. 30).

Таким образом, политические институты в сообществах вырастают в локализованной среде, с которой они непосредственно связаны, и в процессе развития сами трансформируют сообщество, являющееся средой для всех его институтов. Массовое сознание, идентичности как элементы эмоционально-психологической сферы могут сыграть в институциональных инновациях не менее значимую роль, чем выделенные классиками неонституционализма экономические, информационные и исторические факторы.

Библиографический список

1. Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. – 2007. – №1. – С. 22–32.
2. Брентано Ф. Избранные работы. – М., 1996.
3. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
4. Вестник общественного мнения. – 2005. – №6.

5. Выборы: готовность голосовать, перенос, электоральные предпочтения: Пресс-выпуск Левада-центра 24.06.2015 – [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/24-06-2015/vybory-gotovnost-golosovat-perenos-elektoralnye-predpochteniya>.

6. Демократия в России: установки населения – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/report_fin.pdf.

7. Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et contra. – 2005. – №1. С. 73–80.

8. Левада Ю.А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия? – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/276850/006shejnis_2003.pdf.html

9. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. – №2. – С. 20–30.

10. Никовская Л.И. Взгляд на проблемы трансформации в России с точки зрения теории конфликта // Полития. – 2005. – №2. С. 115–124.

11. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – №3. – С. 6–11.

12. Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М., 2002.

13. Патрушев С.В. Власть и народ в России: проблемы легитимации институциональных изменений // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М., 2004. – С. 287–312.

14. Представления о демократии: Пресс-выпуск Левада-центра 14.04.2015 – [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/14-04-2015/predstavleniya-o-demokratii>.

15. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. – 2012. – №2. – С. 166–176.

16. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. академика РАН Г.В. Осипова. Ст. «Идентичность». М., 1998 – [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.psyoffice.ru/6-619-identifikacija.htm>.

17.Семененко И.С. Идентичность как категория политической науки: опыт концептуализации // Политическая идентичность и политика идентичности. – Т 1. – М, 2011. – С. 7–17.

18.Федотова Г.В. Модернизация «другой» Европы. – М., 1997.

19.Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: Критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. – Т .2. – 2001. – №4. – С. 28–55.

20.Протестный потенциал и восприятие власти: Пресс-выпуск Левада-центра 07.07.2015 – [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/07-07-2015/protestnyi-potentsial-i-vostryatiie-vlasti>.

21.Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Proetcontra. Т. 8. №3. 2004. С. 36–55.

А.А. Шестакова

Кубанский государственный университет, Краснодар
**ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ
МОЛОДЁЖИ**

В современном обществе информационная политика определяет дальнейшие пути развития работы с молодежью, и поэтому важным аспектом является правильное ее построение и донесение до аудитории молодежи. Развитие технологических составляющих Интернет (online-пространства) приводит к усложнению форм представления информации. Визуализация в определении и потреблении потока информации становится неотъемлемой частью современного информационного общества и формирует контент online-пространства наравне с текстовым представлением и звуком. Так, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий служит ключевым фактором, определяющим ускоряющийся процесс информационной глобализации, которая становится характерным явлением настоящего времени.

Основной кластер информационных технологий сосредоточен в Интернет-пространстве. Молодёжь предпочитает проводить время в социальных сетях, что следует принять во внимание при развитии сервисных технологий, способствующих эффективному продвижению информационных ресурсов (Итоги социологического исследования «Информационные потребности молодежи–2013»). Это стоит учитывать при правильном регулировании информационной политики, направленной на создание и развитие каналов и реализации потребностей современной молодёжи, а также при планировании работы органов власти.

В современном мире информационные потоки всё сильнее воздействуют на функционирование значимых процессов усовершенствования современного общества, и в большей степени это оставляет свой след на аудитории молодёжи.

Информационная обстановка в данное время формируется парадоксальным явлением, проявляющимся с одной стороны информационным обилием, а с другой информационным голодом. Это происходит потому, что существует противоречие между недостаточными возможностями индивида по восприятию и переработке информации и имеющимися глобальными потоками и массивами информации, своего рода перепроизводство избыточной информации, которая осложняет поиск наиболее важной и значимой информации.

В рамках данного исследования под информационными потребностями имеются в виду потребности, появляющиеся, когда цель, стоящая перед индивидом в процессе ее профессиональной деятельности либо в ее социально бытовой практике, не может быть достигнута без привлечения дополнительной информации.

Остановимся подробнее на ведущем информационном канале распространения контента о молодёжи на Федеральном уровне. Сайт федерального агентства по делам молодёжи «Росмолодёжь», включает в себя основные направления и сферы деятельности, что касается новостного контента, то его публикации делятся на два блока: новости федерального и регионального уровня.

В ходе исследования по изучению особенностей современной информационной политики РФ в отношении молодежи был проведен анализ контента архива новостной ленты сайта «Росмолодежи» в период с 1.01.2014 по 1.01.2015, который показал, что из 1003 новостей только 46 содержали инфографику (Материалы сайта «РИА НОВОСТИ»). Глобальный поток информации, поступающий извне, нуждается в систематизации, посредством сосредоточения в графическом изображении, что способствует ее усваиванию за короткий промежуток времени. Эту функцию и выполняет инфографика, компактно обобщая данные, при этом не теряя целостности отображения смысла поступающей информации (Нефедьева К.В.). Целью инфографики является совершенствование процесса восприятия информации и её упорядочивание в графическом виде, модернизируя сложные массивы простыми образами. Передача данных осуществляется в организованном виде, удобном для восприятия. Информационная графика является высококачественным методом для иллюстрации новостей, ориентированных на молодёжь, поскольку данная технология обеспечит больший интерес молодёжи к новостному контенту.

В области информационных предпочтений молодежи нами было проведено исследование по изучению особенностей современной информационной политики РФ в отношении молодежи. Здесь составляющим элементом является анкета, распространяемая в печатном виде и через online-социальные сети и состоящая из 19 вопросов. Выборка исследования, средний возраст респондентов которой от 19 до 25 лет, составила 120 человек; из них – 57% студентов разных вузов города Краснодара и 43% школьников.

Исследование за 2015 г. показало, что 73% респондентов (в 2014 – 70%) предпочитает изучать и анализировать информацию в визуальном виде, а не в текстовом, что подтверждает факт о преобладании клипового мышления среди молодежи, которое подразумевает восприятие информации, компактно содержащей в себе большой объем контента. Стоит отметить, что online-социальные сети настолько сильно интегрировали в нашу повседневную жизнь, что воспринимаются современной молодёжью в совокупности с

Интернет пространством, стирая рамки этих понятий и объединяя их в единое целое. Таким образом, основными источниками информации для молодёжи являются Интернет (35%) и online-социальные сети (23%). Это указывает на то, что при создании сайтов необходимо учитывать его интеграцию с социальными сетями, что повысит популярность ресурса и позволит пользователям быстрее получать распространяемую информацию.

Исследование показало, что основная информация, которую молодёжь получает из различных источников, связана с учёбой или работой, на втором по популярности месте находится развлечение, досуг и третье место занимает политика. Важно отметить, что при поиске информации молодёжь сталкивается с некоторыми проблемами, главная из которых заключается в большом количестве времени, которое уходит на поиск нужного контента, 24% респондентов считают, что информация имеется в ограниченном количестве. Это происходит потому, что в Интернет пространстве публикуются огромные массивы информации, которая, порой, дублируется, и среди этого потока ненужной информации приходится долго искать необходимую. Это приводит к нерациональному использованию времени и сил.

Из ресурсов, которыми молодёжь пользовалась хотя бы раз, поисковые системы и online-социальные сети заняли лидирующие позиции, следующие по популярности – видеохостинги (в основном пополнение этого канала зависит от целевой аудитории нашего исследования) и 9% респондентов хотя бы раз пользовались государственными услугами.

Для молодёжи становится повседневностью поиск информации, и, чаще всего, в Интернете респонденты занимаются поиском информации, с небольшим отрывом предпочтения падают на пользование социальной сетью, на втором месте – видеохостинги, меньшей популярностью пользуются сайты и электронный магазин, и всего 2% респондентов чаще всего пользуются государственными услугами.

Наиболее популярным устройством для выхода в Интернет среди современной молодёжи выступает мобильный

телефон, поскольку он является неотъемлемым атрибутом повседневной жизни. Это важно учитывать при построении информационной политики, ориентированной на молодёжь, посредством разработки и внедрению мобильных приложений и созданию адаптированных версий сайтов.

Среди молодёжи больше всего пользователей социальной сетью «ВКонтакте» (39%), на втором месте – «Instagram» (23%), на третьем - «WhatsApp» (18%), самыми не популярными оказались «Facebook» (8%), «Одноклассники» (7 %), «Twitter» (4%). Здесь важно заметить, что при интеграции сайтов с социальными сетями, необходимо учитывать все категории этих платформ, обеспечивая мобильность позиционируемого ресурса.

Исходя из анализа самых популярных источников информации, online-социальные сети – наиболее популярное место проведения молодёжи в Интернете, в связи с чем возникла необходимость определить, какие действия молодёжь совершает в социальной сети. Большинство пользователей обмениваются сообщениями, что является основным каналом коммуникации, также респонденты занимаются поиском необходимой информации и просматривают страницы друзей и знакомых, что указывает на некоторую пассивность среди исследуемой целевой аудитории. Большинство респондентов считают, что молодёжь становится объектом государственных и политических новостей пару раз в неделю. Отвечая на вопрос, какие источники и каналы информации чаще всего распространяют новости/информацию о молодежи, респонденты на первом месте указывали online-социальные сети, второе место занимает Интернет, телевидение и СМИ укрепили свои позиции на третьем, четвертом месте, и радио оказалось самым непопулярным ресурсом.

Исследование показало, что у молодёжи существует потребность в получении информации об акциях, мероприятиях, проводимых для молодёжи, так считает большинство респондентов (44%). Из опрошенных 31% указали, что не нуждаются в такой информации, из них 23% проявили заинтересованность в ней, а 8% ответили, что им данная информация не интересна. В продвижении информации принимали участие не только online-социальные сети (43%), но

и близкое окружение респондентов 38%, небольшое количество респондентов узнают информацию через сайты (14%), и самыми непопулярными источниками информации являются телевидение (4%) и радио (1%).

В целом, молодёжь удовлетворена получаемой информацией (64%), из них 45% считает, что информация не всегда подаётся интересно. Четверть респондентов отмечают недостаточность такой информации – 21%, 8% – не получают информации вообще. Десятая часть участников исследования оценивают систему информирования молодежи негативно – 7%. Чаще всего молодёжь получает информацию о развлекательных и досуговых мероприятиях (49%), следующее по популярности волонтерство (30%), на третьем месте политическая информация (11%) и на четвертом месте информация о работе, временном трудоустройстве (10%).

Исходя из проведенного исследования можно сделать вывод, что молодёжь предпочитает изучать и анализировать информацию в визуальном виде, а не в текстовом, что подтверждает факт о преобладании клипового мышления среди молодёжи, которое подразумевает восприятие информации компактно содержащей в себе большой объем контента. Важно учитывать, что основными источниками информации для молодёжи являются Интернет и online-социальные сети, а телевидение, радио и печатные СМИ не пользуются популярностью у молодёжи, это стоит учитывать при выборе каналов распространения информации. При поиске необходимой информации молодёжь сталкивается с некоторыми проблемами, главная из которых заключается в большом количестве времени, которое уходит на поиск нужного контента. Это происходит потому, что в Интернет пространстве публикуются огромные массивы информации, которая, порой, дублируется, и среди этого потока ненужной информации приходится долго искать необходимую. Это приводит к нерациональному использованию времени и сил. Стоит отметить, что наиболее популярным устройством для выхода в Интернет среди современной молодёжи выступает мобильный телефон, поскольку он является неотъемлемым атрибутом повседневной жизни. Это важно учитывать при построении государственной

информационной политики, ориентированной на молодёжь, посредством разработки и внедрения мобильных приложений и создания адаптированных версий сайтов органов власти и управления. Большинство пользователей обмениваются сообщениями, что является основным каналом коммуникации, также респонденты занимаются поиском необходимой информации и просматривают страницы друзей и знакомых, что указывает на некоторую пассивность среди исследуемой целевой аудитории.

Важно отметить, что у молодёжи существует потребность в получении информации о государственных акциях, мероприятиях, проводимых для молодёжи, в большей степени востребована информация о досуговых и развлекательных мероприятиях, и, в целом, молодёжь удовлетворена получаемой информацией, но она не всегда подаётся интересно.

Таким образом, исследование помогло нам раскрыть сложную специфичную структуру информационных потребностей современной молодёжи. Анализ контента сайта «Росмолодёжь» и материалы прикладного исследования «Молодёжь как объект современной информационной политики РФ: потребности, каналы и результаты» позволили нам сформулировать направления трансформации государственной информационной политики, объектом которой является молодёжь.

Подводя итог вышесказанному, выделим основные проблемы в области государственной информационной политики в отношении молодёжи:

1. Молодёжь предпочитает пользоваться социальными сетями и как следствие актуализировался такой феномен как «клиповое мышление», в результате чего молодёжь предпочитает воспринимать информацию короткими фрагментами.

2. Отсутствие целенаправленного развития информационной политики в отношении молодёжи по использованию социальных сетей как ведущего канала коммуникации.

3. Отсутствие единой государственной информационной политики, направленной на развитие конструктивного потенциала молодёжи в Интернет среде.

4. Отсутствие разделов на сайтах органов власти и управления, содержащих современные виды информирования, такие как инфографика и видеохостинги.

В результате проведённой работы нами сформулированы пути решения данных проблем:

1. Контент государственного информационного/новостного сообщения в online-пространстве должен быть не более 180 символов, а видео-ролик длительностью не больше 5 минут (для того, чтобы привлечь внимание молодежи и усвоиться молодежи).

2. Создание мобильных сервисов, адаптированных версий сайтов органов власти и управления для мобильных устройств.

3. Необходимо разрабатывать общую концепцию реализации информационной политики на порталах, связанных с реализацией принципов государственной информационной политики с помощью различных социальных сервисов (к социальным сервисам относится организация обратной связи, выходы на социальные платформы, автоматизация новостной ленты, создание версии сайтов для людей с ограниченными возможностями).

4. Создание поэтапно действующих online-платформ, основанных на технологии краудсорсинга, в том числе для реализации различного рода молодежных стартапов.

Библиографический список

1. Итоги социологического исследования «Информационные потребности молодежи-2013» – [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/document/d/1vnVbumJaf2noyv5nPIpi4ZdBGXYMFe9csEuKh2Zfag/edit?pli=1> # (дата обращения: 04.04.2015).

2. Материалы сайта «РИА НОВОСТИ» – [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/multimedia/20150513/1064354784.html> (дата обращения: 06.05.2015).

3. Нефедьева К.В. Инфографика – визуализация данных в аналитической деятельности – [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/infografika-vizualizatsiya-dannyh-v-analiticheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 30.11.2014).

М.А. Широкова
Алтайский государственный университет, Барнаул
**ОЦЕНКИ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ**

В последние десятилетия, если не на практике, то в теории, провозглашается «ренессанс этики» – и как науки, и как учебной дисциплины, и как нормативной основы политики. В этой связи среди исследователей возрастает интерес к самому понятию политики и к тому, какая из его трактовок в наибольшей степени сближает политику и мораль, а какая – отдаляет их друг от друга.

В античности господствовал этический рационализм, согласно которому знание само по себе есть благо, а невежество само по себе есть зло. В отношении политики это означает, что заниматься ею, править государством могут только люди, обладающие знанием. Только мудрый человек может устранить анархию и упорядочить все индивидуальные и общественные дела людей, гармонизировать их отношения, подобно тому, как некогда боги упорядочили хаос и создали космос, то есть мир, структурированный определенным образом. В этом и заключается высшая цель политики. Вне полиса человек – или Бог, или зверь. Но уже не человек, так как человек – это существо политическое. А полис – это лучшая часть космоса.

В Средние века характерная для античности связь между этикой и рациональностью, между добродетелью и знанием ослабевает, а в ряде случаев вообще разрывается. Екклесиаст сказал: «Во многом знании много печали, а кто умножает знания – умножает скорбь». А согласно апостолу Павлу, «Бог избрал немудрое мира...». Человек мыслил себя, прежде всего, религиозным существом, по природе двойственным, находящимся между миром животных и миром ангелов. Отсюда – актуальными стали различные формы дуализма: церкви и государства, града Божьего и града земного, духа и плоти. Политика же воспринималась как своего рода связующее звено между ними, как деятельность, направленная на создание христианского государства и облегчающая путь к спасению всех его жителей.

В Новое время, если говорить преимущественно о западной цивилизации, активно транслирующей свои ценности на весь остальной мир, происходит постепенная секуляризация и рационализация политики, и в неё всё больше начинает проникать экономический, коммерческий дух. Человек живет в большей степени в экономической реальности, чем в политической. Однако Новейшее время, принесшее с собой катастрофы мировых войн, революций, глобальные проблемы, небывалые трансформации политических систем, заставило человека вновь осознать себя в политической реальности. Не случайно появилась и политология как самостоятельная наука. Но за предшествующие несколько столетий модернизации, рационализации, коммерциализации политическая наука в значительной степени отделилась от этики, а политическая деятельность – от морали. Таким образом, вторая половина XX – начало XXI в. ознаменовались упомянутым «ренессансом этики», повышенным вниманием к этическим аспектам политики и созданием концепций политической этики, которые можно рассматривать, как попытки восстановить хотя бы видимость связи между моралью и политикой – настолько политика дискредитировала себя в глазах общества. Человечество осознало вполне реальные угрозы того, что субъекты политики, вовлеченные в политику как в игру, то есть в условную деятельность, ориентированную больше на процесс, чем на результат, «доиграются» до третьей мировой войны, которую не смогут, да и не захотят предотвратить. А ставки в этой игре высоки как никогда в истории.

Х. Ортега-и-Гассет после второй мировой войны писал, что общественная жизнь – это жизнь концептуальная, но наше понимание такой жизни оставляет желать большего: «Сегодня все всё время говорят... о хорошей и плохой политике, о миролюбии и воинственности, о родине и о человечестве, о социальной справедливости и несправедливости, о социальной справедливости и несправедливости, о коллективизме и капитализме... об авторитарности, об индивидуальности и т.д. и т.д.», однако «все идеи, о которых сегодня говорят, за которые борются и по поводу которых спорят, поразительно путаны и в высшей степени туманны», и поэтому

«одной из значительных бед нашего времени стало резкое несоответствие между значением, которое сегодня приобрели все эти вопросы, и грубостью и путаницей в понятиях, их выражающих...» (Ортега-и-Гассет Х., 1991, с. 158–159). Чтобы составить представление о политике, поясняет философ, необходимы «концептуальные ряды». Есть тесная связь между политическими идеями и истинами. «Политика – самая действенная и наглядная сторона общественной жизни, но она вторична и обусловлена причинами потаенными и неощутимыми. И политическая косность не была бы так тяжка, если бы не проистекала из более глубокой и существенной косности – интеллектуальной и нравственной. Поэтому без анализа последней исследуемый вопрос не прояснится» (Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 79).

Вообще, политика – телеологический феномен. Дело политики – создавать условия и предпосылки для осуществления определенных целей. Политика ускоряет движение общества к этим целям. И чтобы достичь той или иной цели, нужно, прежде всего, организовать политически. Но если цели нет – тогда политика становится бессмысленной и нелегитимной, то есть теряет моральное оправдание с точки зрения общества.

Е.Л. Дубко в своей «Политической этике» проводит разграничение политики и морали, своего рода их топографию, которая с начала эпохи модерна выглядит приблизительно следующим образом. Политика занимает публичную сферу, а частная сфера – территория морали. «Когда расширяется частная сфера, публичный сектор уменьшается, когда расширяется публичный сектор – сворачивается область морали. Мораль и политика борются за территорию. Всё выглядит так, как будто частное бытие борется с общественным бытием, чтобы заполучить и отстоять пространство для развития» (Дубко Е.Л., 2005, с. 90). И если моральные императивы перестают влиять на политическую деятельность, хотя бы на формулировку политических целей, то создается впечатление, что политика мешает морали, следовательно, простому человеческому счастью, что политика не имеет ничего общего с человеческими отношениями и чувствами, не принимает в

расчет ни субъективность, ни смыслополагание, что она – нечто второсортное и неподлинное.

Классическое поле убеждений – мораль и религия. Затем таким полем становится наука. Политика тоже является полем убеждений, но в ней могут легко действовать люди без убеждений. Политически неважно, будут ли необходимые шаги мотивированы убеждениями, или они будут сделаны под влиянием чего-то другого.

Как всякая человеческая деятельность, политика нуждается в ценностях, в аксиологической системе, которая, впрочем, постоянно так или иначе обесценивается. Политика содержит относительные истины. Политика – это непрерывные сделки с совестью, компромиссы, в которых растворяется существо дела, положение, при котором разум, этот, казалось бы, двигатель прогресса, откровенно разлагает моральное сознание, принуждает его к компромиссам. Отсюда вывод: «политика – грязное дело». Такова устоявшаяся традиция. Политика – объект худших подозрений, которые более чем оправданны, если исходить из опыта.

Как представляется, политика – это область действий. В то же время она – маскируемая и конспирируемая деятельность. Никогда нельзя знать наверняка, что в ней происходит. Часто мы имеем дело с лицемерной и лживой политикой.

Политика позиционирует себя как нечто серьезное, или «дело». Но в действительности политики относятся зачастую к категории социальных паразитов. Политика несет на себе печать паразитической жизни, хотя хочет казаться чем-то более важным, чем так называемая «политика для политиков» (См.: Дубко Е.Л., 2005, с. 87–101).

Закономерно, что отрицание политики – доминирующий подход в общественном мнении. Дубко пишет, что политика превратилась в странный объект, вызывающий всеобщее презрение, разочарование, насмешки и негодование. «Люди не знают, чего ждать и требовать от политики, не знают, что о ней думать. Обычно они затрудняются определить ее ценность, существенный смысл и часто испытывают желание укрыться от политики, держать ее на безопасном расстоянии от значимых сфер своей жизни, отдать ее другим и не тратить на нее свою

жизнь. Политика кажется им амбивалентной вещью: с одной стороны, чуждой и опасной (мир злодеев), а с другой стороны – ярмарочной и комичной (мир клоунов)» (Дубко Е.Л., 2005, с. 103–104).

Уместно процитировать также академика РАН А.А. Гусейнова, автора большого количества научных работ и учебников по этике. Он, разумеется, оценивает политику с точки зрения этики, хотя для политологов возможен и более предпочтителен обратный взгляд – оценка этики с позиции политики, как одного из инструментов в политической борьбе. Но именно философско-этический подход, весьма нелицеприятный по отношению к политике, позволяет прояснить некоторые её аспекты, невидимые «изнутри». Гусейнов отмечает: «Самым безнравственным в современной российской политике я считаю то, что в ней отсутствует политика. Есть борьба за власть, интриги, авантюры, администрирование, пожарные действия, лоббирование – всё, что угодно. Нет политики как общероссийского дела, как совместных солидарных усилий ради лучшей жизни, как арены героизма, подвига, служения общему благу. Это социальные джунгли, а не политика». Исследователь продолжает: «Деградация политики – не индивидуальная особенность нашей страны... Нечто подобное имеет место и в других странах... Политика потеряла изначальную замкнутость на общее благо – основу ее нравственной легитимности. С образцами нравственности в политике сегодня дело обстоит плохо» (Гусейнов А.А., 2002, с. 191). Обратим внимание, что борьба за власть, как здесь сказано – это не политика. Политика – это служение общему благу.

Общеизвестны слова Н.А. Бердяева о том, что русский народ – самый безгосударственный народ в мире, которому, тем не менее, парадоксальным образом удалось создать самое сильное в мире государство. В начале XX в. Бердяев выступил с призывом «убить зверя политики»: «Несправедливо политику признавать центром жизни... Неправеден путь борьбы политических партий, оторванных от центра жизни, от смысла её... Довести политику как таковую до крайнего минимума, до окончания политики, до растворения ее в культуре и религии –

вот что должно быть нашим регулятивом... вот истинное освобождение. Политическое освобождение есть освобождение от политики. Нужно государственности, насилию власти противопоставить иное начало, внесударственное, иную, ненасильственную общественность» (Бердяев Н.А., 1907, с. 404). Если данное высказывание интерпретировать идеологически – то это либерализм, доведенный до анархизма, сведение государства к минимуму вплоть до отрицания государства. Если же рассматривать его этически – то это отрицание политики с позиции морали.

Не секрет, что большинство моральных систем содержат антиполитические элементы. Моральные ценности – абсолютны, политические – как было сказано выше, относительны. И политическое мышление ничего не может поделаться с абсолютами: ни обойти, ни оспорить, ни изменить. Оно может их какое-то время игнорировать, что зачастую и делает, но политика, обособленная от морали, лишена убеждений и потому оказывается нишей нигилизма.

Современная политика очень явно подчиняется деньгам, не только в смысле продажности, а в том смысле, что она есть деятельность по найму, «напрокат», форма паразитической посреднической деятельности. Фактически в политике происходит то же, что и на бирже, а рациональные схемы принятия политических решений только прикрывают и оправдывают схватки групп, обменивающихся товарами и услугами. Политика – это разновидность частного доходного предприятия. Мир развивается в интересах экономики, а не в соответствии с политикой, политические программы есть несущественное, парламенты не представляют волю народа, а контролируются элитами. Парламентаризм – это лишь фасад, его решения – пустая формальность, а политические партии – простые орудия олигархических групп, отстаивающих собственные интересы (См.: Дубко Е.Л., 2005, с. 107).

Приходится констатировать, что в современном мире происходит дегуманизация политики. Политические действия не являются свободными действиями. Это всего лишь полезные и целесообразные для определенных субъектов действия, лишенные морального значения и морального выбора.

Прагматизм, а точнее сказать, подчинение либо необходимости, либо выгоде, становится сутью политики.

Неудивительно поэтому, что политика воспринимается массовым сознанием как печальная необходимость и неизбежное зло, несущественное и преходящее в человеческой жизни. Появляется стойкое убеждение, что простые и человеческие решения лежат вне политики. Политика же, в сущности, безжизненна, только мешает жить.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900 – 1906). – СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. – 446 с.
2. Гусейнов А.А. *Философия, мораль, политика*. – М.: Академкнига, 2002. – 300 с.
3. Дубко Е.Л. *Политическая этика*. – М.: Академический проект; Трикста, 2005. – 720 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Углубление в себя и обращенность вовне // *Философские науки*. – 1991. – №5. – С. 158–173.
5. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. Избранные труды. – М: Весь мир; ИНФРА-М, 2000. – 704 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арпентьева Мариям Равильевна, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета.

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Асеев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: suass@mail.ru

Асеева Татьяна Анатольевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: Tatulyasolar@mail.ru

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

E-mail: baranovabdrew@mail.ru

Баркалов Валентин Яковлевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: barkalov-vy@yandex.ru

Ветренко Инна Александровна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

E-mail: inna-vetrenko@yandex.ru

Волегова Анастасия Владимировна, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: volegova_nastya@mail.ru

Воронцов Владимир Александрович, магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: w.a.worontsow@mail.ru

Гостюшева Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета.

E-mail: altmpsi@mail.ru

Дерендяева Анна Дмитриевна, магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Должиков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политической истории Алтайского государственного университета.

E-mail: dolshikov@yandex.ru

Дубицкий Валерий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, первый проректор Тюменского государственного университета.

E-mail: valery-dubitsky@yandex.ru

Заусаева Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: nataza@mail.ru

Ирхин Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

E-mail: irkhine@mail.ru

Исаева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

E-mail:

Исаков Александр Сергеевич, старший преподаватель Уральского федерального университета.

E-mail: as.isacov@gmail.com

Казанцев Дмитрий Анатольевич, магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Керимов Александр Алиевич, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

E-mail: kerimov68@mail.ru

Киреева Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: opekun-05@mail.ru

Кисляков Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Кемеровского института (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова.

E-mail: m.kislyakov@mail.ru

Коргунюк Юрий Григорьевич, доктор политических наук, фонд «Информатика для демократии».
E-mail: partinform@mail.ru

Лукашевич Елена Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики журналистики Алтайского государственного университета.
E-mail: lmce@mail.ru

Маринович Анна Николаевна, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
E-mail: amarinovich@yandex.ru

Меженина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета.
E-mail: MOW77@mail.ru

Негров Евгений Олегович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: negrov2001@mail.ru

Омельченко Дарья Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета.
E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор заведующая профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-петербургского государственного университета.
E-mail: pov_64@mail.ru

Радонова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Алтайского института экономики и права.
E-mail: radonova@barnaul.muh.ru

Смищенко Руслан Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета.
E-mail: rsmishchenko@mail.ru

Соколов Александр Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.
E-mail: alex8119@mail.ru

Тимченко Дарья Валерьевна, магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: dgolynskaya@gmail.com

Фролов Александр Альбертович, стажер-исследователь Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

E-mail: a.a.froloff@gmail.com

Шашкова Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: yashashkova@mail.ru

Шестакова Анастасия Андреевна, студентка Кубанского государственного университета.

E-mail: hahu1993@mail.ru

Широкова Марина Алексеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета.

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Арпентьева М.Р. Специальное служение и краудтехнологии в современной социальной политике.....	3
Асеев С.Ю., Воронцов В.А. Российская модель противодействия террористическим угрозам в киберпространстве	15
Асеева Т.А. Формирование гражданского самосознания российских школьников: от гражданского образования к патриотическому воспитанию	21
Баранов А.В. Политическая трансформация института местного самоуправления (на примере Краснодарского края).....	26
Баркалов В.Я. С.Е. Десницкий о региональной власти в системе монархического единовластия	35
Ветренко И.А. Игра как политическая технология в современном политическом процессе.....	42
Волегова А.В. Особенности политической активности молодежи	46
Гостюшева Е.М. Некоторые аспекты внедрения технологий «электронного правительства» в России и регионах.....	54
Дерендяева А.Д. Особенности молодежного политического лидерства в Алтайском крае	59
Должиков В.А. Особенности дистанционной системы управления горнозаводским императорским хозяйством Алтая в XVIII–XIX вв.	69
Дубицкий В.В. Инструменты и технологии политического PR в сфере публичной политики (на примере политических акторов в Омской области)	77
Заусаева Н.А. Начало реформ: исходные моменты	84
Ирхин Ю.В. Электронная демократия как современная форма политического взаимодействия и процесса.....	92
Исаков А.С. Угроза «исламского государства» и Россия: политологический анамнез	98
Казанцев Д.А. Роль высшей школы в политической модернизации ...	106
Керимов А.А. Легитимность политической власти как фактор устойчивого развития современной России	110
Киреева О.С. Динамика конфликтного потенциала российских регионов (на примере Республики Алтай)	119
Кисляков М.М. Состояние регионального политического управления и публичной политики в современной России	128
Коргунюк Ю.Г. Структура политических размежеваний в период региональных избирательных кампаний лета 2015 г.	134
Лукашевич Е.В. Коммуникативная позиция говорящего в политическом блоге (на материале блога А.Б. Карлина).....	144

Маринович А.Н. Особенности освещения сирийского вооруженного конфликта общественно-политическими медиа.....	152
Меженина О.В. Социально-демографический портрет региональных руководителей в Российской Федерации начала XXI в.	159
Негров Е.О. Потенциал социальных конфликтов в российском обществе на примере Санкт-Петербурга: опыт эмпирического анализа	166
Омельченко Д.А. Политический активизм молодежи Алтайского края: представления, установки, практики.....	177
Попова О.В. Общественное мнение петербуржцев об эффективности деятельности политических институтов (по результатам исследования 2015 г.)	188
Радонова А.В. Специфика социальной защиты населения в Российской Федерации.....	197
Смищенко Р.С. Выборы в органы законодательной власти субъектов Российской Федерации 2015 г: подготовка политических партий и результаты.....	207
Соколов А.В., Исаева Е.А. Условия взаимодействия НКО и власти в Ярославской области в 2014 г.	210
Тимченко Д.В. К вопросу о реализации принципа федерализма при определении порядка замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ.....	219
Фролов А.А. Примеры низовой сетевой активности в Российской Федерации	224
Шашкова Я.Ю. Субъективные факторы институциональных трансформаций в РФ	231
Шестакова А.А. Особенности построения современной информационной политики в отношении молодёжи	239
Широкова М.А. Оценки феномена политики в современной политической этике	247
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	254